

Спонсор научного мероприятия

группа компаний
ТИТАН

Dorzhi Banzarov Buryat State University
The Supreme Court of the Republic of Buryatia
The Association of Lawyers of Russian Federation of the Republic of Buryatia
The Association of Lawyers of Mongolia
Mongolian State University
China Comparative Law Association
Institute of Comparative Law at the Political and Law University of China
Regional Public Organization «The Union of Criminalists and Criminologists»
The Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education
«The Russian State University of Justice»

**COMPARATIVE LAW IN THE COUNTRIES
OF THE ASIA-PACIFIC REGION – XIV**

*Proceedings of the Annual International Youth
Scientific and Practical Conference
(hybride format)*

(Ulan-Ude, 14 April, 2023)

Ulan-Ude
Buryat State University Publishing Department
2023

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Верховный суд Республики Бурятия
Региональное отделение Ассоциации юристов России в Республике Бурятия
Ассоциация юристов Монголии
Монгольский государственный университет
Ассоциация сравнительного правоведения Китая
Институт сравнительного правоведения при Политико-юридическом университете Китая
Союз криминалистов и криминологов
Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного университета правосудия

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА – XIV

*Материалы ежегодной международной молодежной
научно-практической конференции
(смешанный формат)*

(Улан-Удэ, 14 апреля 2023 г.)

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2023

УДК 340.5
ББК 67.0
С 75

Утверждено к печати
редакционно-издательским советом
Бурятского госуниверситета
Протокол № 6 от 28.09.2023

Сборник размещен в системе РИНЦ
на платформе научной электронной библиотеки eLibrary.ru

Ответственный редактор

Ю. П. Гармаев, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Бурятия

Редакционная коллегия

К. А. Будаев, проф., канд. юр. наук, доц.; *О. В. Хышиктубеев*, канд. юр. наук, доц.;
Е. А. Мурзина, канд. юр. наук, доц.; *С. В. Доржиева*, канд. юр. наук, доц.;
Э. Л. Раднаева, канд. юр. наук, доц.; *С. К. Бураева*, канд. юр. наук, доц.;
Ю. В. Хармаев, канд. юр. наук, доц.; *Ю. Г. Хамнуев*, канд. юр. наук, доц.;
А. М. Бянкина (отв. секр.)

Рецензенты

П. В. Трощинский, ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии
Российской академии наук (ИКСА РАН), канд. юр. наук, исследователь традиционного
и современного права Китая, г. Москва

А. П. Алексеенко, канд. юр. наук, доц., научный руководитель образовательной программы
«Юриспруденция с углубленным изучением китайского языка и права КНР»,
доцент кафедры коммерческого права
Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург

С 75 **Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона — XIV:**
материалы ежегодной международной молодежной научно-практической конференции
(смешанный формат) (Улан-Удэ, 14 апреля 2023 г.) / ответственный редактор Ю. П. Гармаев. —
Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2023. — 164 с. ISBN 978-5-9793-1875-2

В настоящий сборник по традиции вошли лучшие статьи молодых ученых, аспирантов, магистрантов
и студентов вузов России, Китая, Монголии, Белоруссии, Армении, посвященные актуальным
теоретическим и практическим проблемам сравнительного правоведения стран Азиатско-Тихоокеанского
региона.

Сборник предназначен для студентов, магистрантов и аспирантов, преподавателей вузов,
практикующих юристов, а также широкого круга читателей, интересующихся сравнительным
правоведением и актуальными проблемами права стран АТР, а также международным сотрудничеством на
«азиатском» направлении.

Comparative Law in the Countries of the Asia-Pacific Region — XIV: Proceedings of the
Annual International Youth Scientific and Practical Conference (hybride format) (Ulan-Ude, 14 April,
2023) / science editing Yu. P. Garmaev. — Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department,
2023. — 164 p. ISBN 978-5-9793-1875-2

Traditionally, this collection includes the best articles of young scientists, graduate students, undergraduates
and students of universities in Russia, China, Mongolia, Belarus, Armenia, devoted to topical theoretical and
practical problems of comparative law in the countries of the Asia-Pacific region.

The collection is intended for students, undergraduates and graduate students, university professors,
practicing lawyers, as well as a wide range of readers interested in comparative law and relevant issues of the law
of the Asia-Pacific countries, as well as international cooperation in the «asian» direction.

УДК 340.5
ББК 67.0

ПРЕДИСЛОВИЕ

Страны АТР в настоящее время получили новые возможности для развития в связи с изменениями в глобальном миропорядке. Азиатско-Тихоокеанский регион стал новым местом силы в геополитических отношениях с пересечением интересов крупных мировых держав. В новых условиях существования, когда наблюдается активный спад «евроцентричности» по всем направлениям, страны Азиатско-Тихоокеанского региона становятся притягательны как для государств, так и для бизнеса, и открываются по-новому практически по всем направлениям. Влияние стран АТР на геополитические процессы за последние годы кратно усилилось. Страны АТР в рамках общего взаимодействия активно противостоят вызовам нового времени, успешно реализуя общие задачи, несмотря на имеющиеся внутренне и внешне противоречия по многим вопросам. Как отмечает А. Н. Панов: «прежде всего, общепризнано, что Азиатско-Тихоокеанский регион сейчас — это наиболее динамичный, экономически бурно развивающийся регион мира, где происходят очень важные процессы, прежде всего это касается экономического роста».¹

«Разворот на Восток» в настоящее время определяет в России повышенный спрос на юристов-международников по «азиатскому направлению», в частности, китаистов и монголоведов. Для развития многих новых направлений со странами АТР необходимы высококвалифицированные специалисты, разбирающиеся в особенностях культуры, права, экономики и других сферах. Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (далее — БГУ) на протяжении уже многих лет ведет активную работу в этом направлении.

14 апреля 2023 г. в Бурятском государственном университете в очередной раз состоялась Международная молодежная научно-практическая конференция «Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона – XIV».

Смешанный формат участия позволил многим молодым ученым из России и зарубежных стран принять участие в научном форуме по компаративистике. Заявки для включения в программу направили более 120 исследователей из Екатеринбурга, Иркутска, Красноярска, Москвы, Новосибирска, Санкт-Петербурга, Саратова, Симферополя, Улан-Удэ, Читы, а также Еревана (Армения), Минска (Беларусь), Пекина и Харбина (Китай), Улан-Батора (Монголия),

В рамках конференции традиционно прошел мастер-класс доктора юридических наук, профессора Юрия Петровича Гармаева на тему: «Как готовиться, участвовать в конференциях и эффективно использовать их результаты» (13 апреля 2023 г.). Участники очно и дистанционно смогли получить ценные советы от гурӯ публичных выступлений.

Также 13 апреля состоялся круглый стол, состоявшийся при грантовой поддержке Благотворительного фонда Владимира Потанина на тему «Уголовно-процессуальное и криминалистическое обеспечение противодействия коррупции», где молодые ученые, выпускники научной школы профессора Ю. П. Гармаева, а также аспиранты смогли обсудить обозначенную научную проблему, поучаствовать в дискуссии.

В организации молодежной конференции по компаративистике в странах АТР помимо БГУ традиционно приняли участие: Верховный суд Республики Бурятия, Региональное отделение Ассоциации юристов России в Республике Бурятия, Ассоциация юристов Монголии, Монгольский государственный университет, Ассоциация сравнительного правоведения Китая, Институт сравнительного правоведения при Политико-юридическом университете Китая, Союз криминалистов и криминологов, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия.

Спонсором научного мероприятия выступила группа компаний «Титан» <https://megatitan.org/company/index.php>.

Конференция как обычно начала свою работу с пленарного заседания, далее продолжила ее в пяти секциях. На торжественном открытии международного форума с приветственными словами выступили: ректор БГУ А. В. Дамдинов, председатель Верховного суда Республики А. А. Кириллова, исполняющий обязанности прокурора Республики Бурятия М. Ю. Филичев и декан юридического факультета БГУ Э. Л. Раднаева.

Ведущим пленарного выступил руководитель оргкомитета конференции, заведующий лабораторией сравнительного правоведения в странах АТР Центра правового обеспечения взаимодействия РФ со странами АТР БГУ Ю. П. Гармаев. Дистанционный формат участия позволил услышать в пленарном заседа-

¹ Интервью с Александром Николаевичем Пановым, доктором политических наук, заведующим кафедрой дипломатии МНИМО МИД России, главным научным сотрудником Института США и Канады РАН, Чрезвычайным и Полномочным Послом России, опубликовано 23 мая 2022 года. URL: https://1national.ru/news_smi.php?rubric=view&name=aziatsko-tihookeanskij_region_segodnya_tendentsii_i_perspektivy124415 (дата обращения: 25.08.2023).

нии интереснейшие доклады ученых из Москвы, Иркутска, Красноярска, а также зарубежных стран – Китая, Армении, Республики Беларусь.

После пленарного заседания конференция продолжила свою работу в пяти секциях:

- **секция № 1:** «Конституционно-правовые и административно-правовые институты стран АТР: сравнительно-правовой аспект»;
- **секция № 2:** «Международное право и международные отношения»;
- **секция № 3:** «Гражданско-правовые проблемы сравнительного правоведения в странах АТР»;
- **секция № 4:** «Уголовно-правовые и криминологические проблемы сравнительного правоведения в странах АТР»;
- **секция № 5:** «Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы сравнительного правоведения. Правоохранительные органы в странах АТР».

На заключительном пленарном заседании конференции были подведены итоги научного форума, ведь конференция – это еще и конкурс для молодых исследователей. Авторы лучших докладов по целому ряду номинаций были отмечены дипломами, благодарственными письмами, а также ценными призами от правоохранительных и судебных органов Республики Бурятия.

Примечательно, что ежегодно научное мероприятие открывает новые лица и имена в области сравнительного правоведения!

Дипломантами конференции были признаны:

Лучшие доклады в **пленарном заседании:**

Диплом 1-й степени — Арутюнян Артур Тигранович (г. Ереван, Армения);

Диплом 2-й степени — Качурова Елизавета Сергеевна (г. Иркутск);

Диплом 3-й степени — Плошкина Яна Михайловна (г. Красноярск).

Лучшие доклады в научной **секции 1:**

Диплом 1-й степени — Власова Ольга Михайловна (г. Екатеринбург);

Диплом 2 степени — Ратничихина Татьяна Юрьевна (г. Красноярск);

Диплом 3-й степени — Серебренникова София Андреевна (г. Улан-Удэ).

Лучшие доклады в научной **секции 2:**

Диплом 1-й степени — Федорова Екатерина Максимовна (г. Улан-Удэ);

Диплом 2-й степени — Дондокова Оюна Цыренбазаровна (г. Улан-Удэ);

Диплом 3-й степени — Семенов Тимур Баирович (г. Улан-Удэ).

Лучшие доклады в научной **секции 3:**

Диплом 1-й степени — Цырендашиева Виктория Цыбиковна (г. Улан-Удэ);

Диплом 2-й степени — Долматова Ирина Валериевна, Зайцева Анастасия Андреевна (г. Улан-Удэ);

Диплом 3-й степени — Дашицыренова Бадма-Ханда Бадмажаповна (г. Улан-Удэ).

Лучшие доклады в научной **секции 4:**

Диплом 1-й степени — Гордеев Всеволод Георгиевич (г. Чита);

Диплом 2-й степени — Пешков Никита Андреевич (г. Улан-Удэ);

Диплом 3-й степени — Башарова Анастасия Сергеевна, Дондокова Оюна Лопсоновна (г. Улан-Удэ).

Лучшие доклады в научной **секции 5:**

Диплом 1-й степени — Ваховская Анастасия (г. Улан-Удэ);

Диплом 2-й степени — Лаптева Юлия Сергеевна, Ибрагимова Дания Рифкатовна (г. Саратов);

Диплом 3-й степени — Захаренкова Вера Вячеславовна (г. Санкт-Петербург).

Благодарственными письмами Верховного суда Республики Бурятия награждены Босхолов Сергей Семенович (г. Иркутск), Такабаев Дамир Серикович (г. Новосибирск), Дондупова Сэсэгма Андреевна и Дагбаева Туяна Андреевна (г. Улан-Удэ).

Благодарственными письмами Генерального консульства Монголии в г. Улан-Удэ отмечены Трошинский Павел Владимирович (г. Москва) и Стельмах Мария Руслановна (г. Симферополь).

Благодарственными письмами Прокуратуры РБ награждены Банщикова Анастасия Васильевна (г. Красноярск), Цыщиков Чимит Саянович (г. Улан-Удэ), Гу Яньжу (г. Новосибирск).

Благодарственными письмами Адвокатской палаты Республики Бурятия отмечены Слизов Алексей Олегович и Галданова Александра Валерьевна (г. Улан-Удэ), Анчилоева Эржена Николаевна (г. Красноярск).

Благодарственными письмами Следственного управления СК РФ по РБ награждены Гордеев Всеволод Георгиевич (г. Чита), Ябров Илья Александрович (г. Улан-Удэ).

Благодарственными письмами Управления по вопросам миграции МВД по РБ награждены Сартаков Андрей Александрович, Иванова Должид Эрдэмовна, Рандин Алексей Денисович (г. Улан-Удэ), Громыко Алина Юрьевна (Республика Беларусь, г. Минск).

Благодарственными письмами Управления федеральной службы исполнения наказаний России по Республике Бурятия награждены Кириллова Варвара Павловна, Безьязыкова Олеся Петровна, Батоцыренов Бато Баирович, Бадеев Амгалан Ринчин-Баирович, Дармаев Арнольд Леонидович (г. Улан-Удэ).

Благодарственными письмами комитета Народного Хурала Республики Бурятия по государственному устройству, местному самоуправлению, законности и вопросам государственной службы отмечены Побегайло Мария Денисовна (г. Красноярск), Кетрова Ксения Андреевна (г. Улан-Удэ), Вэй Пуцзань (г. Пекин, Китай).

Благодарственным письмом Нотариальной палаты Республики Бурятия награждена Петрова Антонина Сергеевна (г. Санкт-Петербург).

Молодые исследователи, специализирующиеся на изучении правовых систем стран АТР, смогут дать новый импульс развитию своих регионов, заняв места в государственных и муниципальных органах, а также в бизнес-сообществе.

Организаторы молодежного форума надеются, что научное мероприятие еще не раз сможет в теплой и дружеской атмосфере объединить усилия и интеллектуальный потенциал всех, кому интересны проблемы и перспективы развития стран АТР и компаративистики, внесет свой вклад в формирование многостороннего «азиатского» диалога.

Представленные авторами на молодежном международном форуме лучшие научные статьи традиционно вошли в сборник, подготовленный по итогам работы конференции.

Материалы, вошедшие в сборник по итогам работы ежегодной международной молодежной научно-практической конференции «Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона – XIV» могут быть полезны преподавателям, аспирантам и магистрантам, студентам, и широкому кругу читателей, интересующихся проблемами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Организаторы конференции традиционно выражают особую признательность и благодарность деловым партнерам БГУ в организации и проведении международного форума: Верховному суду Республики Бурятия, Восточно-Сибирскому филиалу Российского государственного университета правосудия, Региональному отделению общероссийской организации «Ассоциация юристов России» в Республике Бурятия, Ассоциации юристов Монголии, Региональной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов», Монгольскому государственному университету.

Очередной выпуск научного издания по итогам работы конференции сможет порадовать всех любителей компаративистики. Оргкомитет конференции выражает признательность всем, кто традиционно принимал участие в подготовке, организации и проведении международного молодежного форума!

Благодарим всех, уважаемые друзья и коллеги, за активное участие, помощь, содействие в организации и подготовке конференции!

В 2024 году всех любителей компаративистики ожидает уже юбилейная, 15-я Международная научно-практическая конференция! Будем рады видеть друзей и единомышленников на нашей научной площадке в гостеприимной Бурятии! До новых встреч!

*Заведующий лабораторией
сравнительного правоведения в странах АТР
Центра правового обеспечения взаимодействия РФ со странами АТР
Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова,
заслуженный юрист Республики Бурятия,
доктор юридических наук, профессор
Ю. П. Гармаев*

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ
ИНСТИТУТЫ СТРАН АТР: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

**CONSTITUTIONAL-LEGAL AND ADMINISTRATIVE-LEGAL INSTITUTIONS
APAC COUNTRIES: COMPARATIVE LEGAL ASPECT**

УДК 347.731

Правовой статус криптовалюты: Россия и государства АТР

© **Е. А. Поломошнова**

магистрант 1-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

elenapolomoshnova@mail.ru

В статье рассматриваются пути развития цифровых технологий (Blockchain), их совершенствование и поиск альтернативных способов оплаты. На сегодняшний день есть возможность наблюдать становление различных виртуальных валют, поэтому современный мир нуждается в ускоренном принятии решения правового регулирования в данной области. Значение и статус криптовалюты в разных странах отличается, поэтому нет единообразного понимания места этой электронной платежной системы. Национальное законодательство одних государств уже предпринимает попытки урегулирования положения криптовалюты, другие же находятся в стадии разработки, а третьи - полностью отказались от этой новации. Рассмотрено правовое положение криптовалюты в России, а также в некоторых странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Ключевые слова: технический прогресс, криптовалюта, блокчейн, правовое регулирование, виртуальная валюта, цифровая экономика, государственный бюджет.

Legal status of cryptocurrency: Russia and Asia-Pacific countries

© **E. A. Polomoshnova**

1st year master's student

Banzarov Buryat State University

Russia, Ulan-Ude

elenapolomoshnova@mail.ru

The article discusses the ways of development of digital technologies (blockchain), their improvement and the search for alternative payment methods. Today there is an opportunity to observe the formation of various virtual currencies, so the modern world needs an accelerated decision-making of legal regulation in this area. The value and status of cryptocurrency differs in different countries, so there is no uniform understanding of the place of this electronic payment system. The national legislation of some states has already attempted to regulate the situation of cryptocurrencies, while others are under development, and still others have completely abandoned this innovation. We will consider the legal status of cryptocurrencies in Russia, as well as in some countries of the Asia-Pacific region.

Key words: technical progress, technologies, cryptocurrency, blockchain, legal regulation, virtual currency, digital economy, state budget.

Как известно, 21 век — век инноваций, технический прогресс не стоит на месте, это проявляется во всех сферах жизни общества, бурное развитие технологий совершенствует нашу жизнь и делает ее проще. Поэтому преобразование не обошло стороной и финансовые институты.

В 2007 году создается технология Blockchain (Блокчейн). Это такая распределенная в цепочке блоков система данных, которая не имеет единого сервера, т. е. децентрализована, а информация дублируется таким способом, что каждый последующий блок в системе хранит данные о каждом предыдущем. Такое устройство работы механизма делает Блокчейн надёжным хранилищем информации ввиду невозможности её замены и удаления.

Позже платформа Блокчейн становится основой для развития новой виртуальной платежной валюты — криптовалюты. Идея создания такой виртуальной единицы принадлежит некоему Сатоши Накомото, именно он впервые на основе одноименной цифровой системы Bitcoin (BTC) формирует первую криптовалюту [1, с. 33].

Появление данных цифровых знаков отразилось как на финансовой, так и на экономической жизни общества всего мира. С каждым годом данная технология становится всё более востребованной в различных сферах человеческой деятельности. Как следствие, возникает необходимость в правовом регулировании нового явления, принимая во внимание все принципы, особенности и способ появления криптовалюты.

Учитывая то, что о криптовалюте всерьез заговорили несколько лет назад, не все страны выработали нормативно-правовую базу регулирования в этой области. Сложность заключается в том, что традиционные институты права не соответствуют в полном объеме новому уровню цифровой экономики, не сформировано единое представление о предмете правового регулирования.

Государства сталкиваются с неопределенным перечнем вопросов, которые появляются ввиду новизны и неизведанности данного вопроса. При легализации криптовалюты необходимо обеспечить должный контроль в этой области, не допуская подрыв государственной безопасности, в том числе со стороны террористических организаций, преступных сообществ, такое случалось из-за полной анонимности переводов. Транзакция не содержит никаких сведений о сторонах выполняемой операции, отображается лишь номер электронного кошелька. Так же нужно урегулировать порядок налогообложения криптовалюты, учитывая тот факт, что рассматриваемая единица не является валютой в традиционном смысле.

Решением данного вопроса, а именно - затруднительного правового регулирования электронной платежной системы, однако не будет её полного запрета, так государство лишится дополнительного поступления в бюджет за счёт цифровой экономики, которая развивается ускоренными темпами [2, с. 55].

Часть мирового сообщества, включая Российскую Федерацию, уже определилась с правовым статусом виртуальной валюты.

В 2014 году информационное письмо Центрального Банка Российской Федерации «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн» содержало предостережения обращения «виртуальных валют». Возможно, тогда это было мерой безопасности и мерой сохранения монополии рубля как средства платежа. Но уже в 2017 году необходимость регулирования цифровых технологий стала понятна на высшем государственном уровне, и Президент дал поручение подготовить соответствующий законопроект. На подготовку Проекта Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» ушло достаточное количество времени, работа закончилась лишь в 2020 году, в июле этого же года он был подписан, а с 01.01.2021 г. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ вступил в силу [3].

Данный закон является важным для становления отрасли в целом. Он выводит криптовалюту из тени, разрешается официально владеть ею и даже передавать по наследству. Под цифровыми валютами на законодательном уровне теперь понимается средство накопления и инвестирования. Оплата такой единицей на территории РФ запрещается, это положение вызвало определенную критику, но как представляется, позиция государства логична и обоснована. Здесь затрагивается проблема, связанная с устоявшейся функцией государства — правом на эмиссию платежных средств (рубля), которая предотвращает децентрализацию денежных потоков [2, с. 59]. В какой-то степени это даже может обезопасить граждан и юридических лиц, ведь этим государство не побуждает субъектов приобретать цифровые валюты, ведь частный характер происхождения криптовалют не делает их безопасными и сопровождается риском для правообладателя [4].

В одном из интервью Евгения Лиходея с сооснователем приложения для управления инвестициями Raison.ai., Александром Зайцевым, было сказано, что «если торговые провайдеры будут выступать криптоэквайером (менять криптовалюту на рубли и выпуливать их на банковские счета получателю), юридически это не будет считаться расчетом в биткойнах, но de facto им и будет» [5]. Из этого следует, что уже сейчас видны пробелы нового федерального закона, криптовалюта с помощью различных манипуляций всё же сможет быть расчетным средством в России, хоть и не напрямую.

Пробелом является и то, что в законе не прописывается порядок уплаты налогов с доходов от операций с цифровыми валютами, хотя Государственная Дума РФ в первом чтении от 17.02.2021 г. уже приняла законопроект № 1065710-7, который должен внести изменения, связанные с криптова-

лютой в части первую и вторую Налогового кодекса РФ, на данный момент всё регулирование налогообложения в этой области сводится к официальному письму Министерства финансов России от 17.05.2018 г. № 03-04-07/33234, где криптовалюта приравнивается к уже известным видам имущества и её обладатель должен заплатить подоходный налог.

Нужно сказать и о том, что введение нового Закона о цифровых финансовых активах сопровождалось внесением изменений в ряд федеральных законов, напрямую касающихся придания законного статуса криптовалюте, преобразование претерпели Федеральный закон "О Центральном банке РФ", Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)", Федеральный закон "О противодействии коррупции" и другие.

Если Россия незадолго до настоящего времени определилась со статусом криптовалюты и официально её признала, то зарубежный подход к нормативному регулированию более разнообразен, вплоть до его отсутствия.

К примеру, японский опыт. В этой стране ещё в 2016 году парламентом был принят закон о валютном регулировании. Киптовалюта получила статус платежного средства, которое выполняет функцию валюты и подлежит налогообложению. Своевременная адаптация позволила Японии нарабатывать опыт в данной сфере. В 2019 году были введены поправки, усиливающие регулирование криптовалютных бирж, это связано с рядом совершенных высокопрофессиональных хакерских атак, которые нанесли серьезные убытки. Также рассматривается введение национальной криптовалюты (криптоактива) [6, с. 114].

Стабильность регулирования в криптовалютной сфере наблюдается и в Сингапуре, здесь прогрессивно развиваются цифровые технологии - перспектива экономики. В 2014 власти Сингапура в лице Налоговой службы обозначили Bitcoin как товар (услугу) и ввели на него налогообложение на базе общих правил и норм регулирования бизнеса [7]. К 2020 году введен в действие Закон «О платежных услугах», закрепляющий на законодательном уровне понятие криптовалюты как платежных токенов (знаков). В законе, аналогично политике России, уделяется внимание противодействию финансированию терроризма [8, с. 182].

В целом к Азиатско-Тихоокеанскому региону относят 20 из 50 внушительных криптовалютных бирж, что соответствует около 40 % всех сделок с Bitcoin [8, с. 182]. Криптовалюта становится неотъемлемой частью экономики всего мира, её развитие и преобразования не останавливаются ни на день. Россия сделала большой шаг вперед, приняв Федеральный закон № 259, однако это не означает, что на этом разработка базы нормативного регулирования должна прекратиться.

Литература

1. Мустафин Р. Ф. Правовая природа криптовалюты: международный и отечественный опыт правового регулирования, перспективы развития в России // Очерки новейшей камералистики. 2020. № 1. С. 32–37.
2. Андреева Г. Н. Дискуссия по вопросам правового регулирования криптовалют в Российской Федерации: чем будут криптовалюты в России? // Социально-экономические, гуманитарные науки и юриспруденция: вопросы теории и практики. сборник материалов III Международной научно-практической конференции. Новосибирск: ООО «Центр развития научного сотрудничества», 2018. С. 54–63.
3. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон [от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.
4. Шувалова М. Криптовалюта в России: законодательное недорегулирование URL: <https://www.garant.ru/news/1448450> (дата обращения: 10 апр. 2023).
5. Запрещен ли биткойн в РФ сегодня и как изменится его положение в 2021 году — отвечают эксперты URL: <https://beincrypto.ru/zapreshhen-li-bitkoin-v-rf-segodnya-i-kak-izmenitsya-ego-polozhenie-v-2021-godu-otvechayut-eksperty> (дата обращения: 10 апр. 2023).
6. Зейнелгабдин А. Б. Криптовалюта и технология блокчейн — новые реалии современной экономики // Экономика: стратегия и практика. 2020. Т. 15, № 3. С. 111–125.
7. Сингапур: азиатская гавань для блокчейн-стартапов. URL: <https://forklog.com/singapur-aziatskaya-gavandlya-blokchejn-startapov> (дата обращения: 10 апр. 2023)/
8. Алексеенко А. П. Криптовалюта как цифровое представление стоимости: опыт Сингапура // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 7 (116). С. 180–187.

УДК 346.15

Некоторые аспекты конституционных поправок 2020 года

© Т. Ю. Ратничихина

студентка,
Красноярский государственный аграрный университет
Россия, г. Красноярск
ratnichikhina2004@gmail.com

© С. А. Трофимова

кандидат философских наук, доцент
кафедры теории государства и права,
Красноярский государственный аграрный университет
Россия, г. Красноярск
trofimovas832@gmail.com

В статье исследуются особенности внесенных в 2020 году поправок в Конституцию РФ 1993 года, которые привели к определенным изменениям. Рассматривается процесс разработки и принятия поправок.

Ключевые слова: Конституция РФ, изменения Конституции, поправки, процесс разработки, принятие поправок.

Some aspects of the constitutional amendments of 2020

© T. Yu. Ratnichikhina

Student,
Krasnoyarsk State Agrarian University
Russia, Krasnoyarsk
ratnichikhina2004@gmail.com

© S. A. Trofimova

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of Theory Department
States and Rights,
Krasnoyarsk State Agrarian University
Russia, Krasnoyarsk
trofimovas832@gmail.com

The article examines the features of the amendments to the Constitution of the Russian Federation of 1993 introduced in 2020, which led to certain changes. The process of developing and adopting amendments is being considered.

Key words: the Constitution of the Russian Federation, constitutional amendments, amendments, drafting process, adoption of amendments.

Политическая система России в настоящее время основывается на принципах Конституции 1993 года [6]. Изменения в жизни страны потребовали внесения поправок в Основной закон, для повышения эффективности политической системы. Согласно Федеральному закону «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» от 04.03.1998 № 33-ФЗ [7], также несколько раз возникал вопрос о внесении изменений (в 2008-м, 2014-м и 2019-м гг.), процедура пересмотра Конституции требует согласия квалифицированного большинства депутатов двух палат Федерального Собрания и ратификация законодательными органами не менее 2/3 субъектов Российской Федерации.

В послании В. В. Путина в январе 2020 г. [8] была обоснована необходимость внесения изменений и поправок в Конституцию РФ 1993 г. Основными аргументами являлись: несоответствие Конституции 1993 г. современным требованиям развитого демократического государства; наличие недостатков и противоречий в тексте Основного закона. Для разработки поправок и дополнений была создана рабочая группа, в которую вошли юристы, государственные и общественные деятели – представители различных слоев общества, для более полного улучшения общественного мнения.

Следует напомнить, что гл. 9 Конституции РФ называется "Конституционные поправки и пересмотр Конституции". Особый интерес вызывает толкование терминов "поправки" и "пересмотр". Под поправками понимаются частичные изменения Конституции, не затрагивающие ее принципиальных положений; пересмотр — изменение фундаментальных позиций Конституции и означает уже определенное одновременное изменение Конституционного строя. Главы с 3 по 8 могут редактироваться. Для внесения поправок нужно согласие субъектов Федерации, Государственной Думы, Совета Федерации, Президента.

Первые существенные изменения были внесены в 2008 г. при Д. А. Медведеве. Они коснулись увеличения сроков полномочий президента РФ (с 4 до 6 лет) и Государственной Думы (с 4 до 5 лет). Также изменения коснулись контрольных полномочий Государственной Думы, которые (контрольные функции) были усилены. Закон о поправках к Конституции РФ предложенный В. В. Путиным и был принят во втором чтении Государственной Думой. Направленность данного проекта не касалась внесения изменений в части фундаментальных основ: основ Конституционного строя, о правах и свободах человека и Конституционных поправок и пересмотра Конституции.

Наиболее важные поправки, внесенные в Конституцию РФ в 2020 году изменили понимание значимости российского и международного права.

В 1993 году Россия безоговорочно признавала приоритет международного права. Это позволяло иностранным судам трактовать международные нормы в ущерб интересам Российской Федерации.

В 2020 – поправка фиксирует передовой мировой опыт и неоднократно высказанную позицию Конституционного суда. Конституция РФ имеет высшую силу, по сравнению с международным актом. Международные договоры могут иметь приоритет по сравнению с аналогичным актом Российской Федерации, если это отдельно предусмотрено в Конституции РФ и не противоречит ей. Такая же система действует в большинстве стран. В том числе в Германии, Франции, Италии.

По Конституции 1993 года судьи назначались пожизненно и их могли снимать с должности только представители судейского сообщества.

В 2020 году повышается ответственность судей перед обществом. Теперь Совет Федерации и президент могут отрешать от должности судей федеральных судов, если те совершили порочащий честь судьи проступок.

В 1993 году после развала СССР для авторов Конституции 1993 года был неактуален ряд тезисов о международной политике, поскольку были не урегулированы даже самые первичные проблемы с бывшими республиками СССР. В результате миллионы бывших граждан СССР, прежде всего, русских по национальности лишились поддержки Родины, а в странах Балтии стали вообще «не гражданами».

В 2020 году было добавлено в Конституцию положение о защите соотечественников за границей. При должном законодательном оформлении жизнь соотечественников значительно улучшится, а возможность для получения российского гражданства — упростится.

С 1993 года Президентом не может быть человек, имеющий гражданство другого государства.

В 2020 правило ужесточается: теперь президентом не сможет быть человек, когда-либо имевший второе гражданство или вид на жительство. Исключение сделано для жителей Крыма и Севастополя, которые до 2014 года имели украинское гражданство.

В 1993 году ряд важнейших сфер не были защищены в должной степени по Конституции. Ряд приоритетов были выкинуты в угоду конкретной политической ситуации.

В 2020 закреплены в Конституции следующие приоритеты: культура, научно-техническое развитие, институт брака, роль общественных организаций, необходимость охраны природы, защита животных, молодежная политика, вопросы о недопустимости пересмотра подвига российского народа в Великой отечественной войне. По сути, речь идет о фиксации значимых для общества обстоятельств, которые важны для современного российского общества и конкретно системы ценностей конкретного россиянина.

В 1993 в Конституции отсутствовал запрет на второе гражданство для «высшей бюрократии», парламентариев, судей.

С 2020 года отдельным должностным лицам запрещается иметь гражданство иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание на территории иностранного государства, а также в порядке, установленном федеральным законом, обязательства имущественного характера за пределами территории Российской Федерации,

открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации.

Принятые в 2020-ом году изменения способствовали утверждению традиционных ценностей и консолидации российского общества.

Литература

1. Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. URL: <https://constitution.garant.ru/science-work/modern/1776651/chapter/bab98b384321e6e745a56f88cbbbe0486> (дата обращения: 25 авг. 2023).

2. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон РФ о поправке к Конституции РФ [от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.

3. Кондрашев А. А. Форма правления и форма государственного устройства в России в контексте конституционной реформы 2020 года. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/forma-pravleniya-i-forma-gosudarstvennogo-ustroystva-v-rossii-v-kontekste-konstitutsionnoy-reformy-2020-goda> (дата обращения: 25 авг. 2023).

4. Абазов А. Б. Поправки к Конституции Российской Федерации 2020 г. как новый этап в развитии России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poppravki-k-konstitutsii-rossiyskoy-federatsii-2020-g-kak-novyy-etap-v-razviti-i-rossii> (дата обращения: 25 авг. 2023).

5. Борисенко В. И., Чернышева Е. Н. Поправки в Конституцию Российской Федерации (2020 год URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poppravki-v-konstitutsiyu-rossiyskoy-federatsii-2020-god> (дата обращения: 25 авг. 2023).

6. Конституция Российской Федерации: основной закон [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с пос. изм. и доп.)] // Официальный сайт справочно-правовой системы «Консультант плюс». Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (дата обращения: 11. авг. 2023).

7. О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации: федер. закон [от 04 марта 1998 г. № 33-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 10. Ст. 1146.

8. Послание Президента Федеральному Собранию 15 января 2020 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/62582> (дата обращения: 25 авг. 2023).

УДК 341.215.4

**Уполномоченный по правам человека.
Защита прав человека и коренных народов в России, а также в странах АТР**

© А. С. Цариков

студент 1-го курса,
Красноярский государственный аграрный университет
Россия, г. Красноярск
tsarikov042007@bk.ru

© И. Б. Трофимова

старший преподаватель,
Красноярский государственный аграрный университет
Россия, г. Красноярск
iness.kastilia@mail.ru

В статье поставлена задача исследовать возникновение и развитие института защиты прав человека в различных странах на основе международного и национального законодательства. Проводится сравнительный анализ форм организации этого института в России и некоторых странах АТР. Рассматривается институт по защите прав коренных народов.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, защита прав, институт уполномоченных по правам коренных малочисленных народов, уполномоченный по правам человека, омбудсмен.

**Commissioner for Human Rights. Protection of human rights and indigenous peoples in Russia,
as well as in Asia-Pacific countries**

© A. S. Tsarikov

1st year student,
Krasnoyarsk State Agrarian University
Russia, Krasnoyarsk
tsarikov042007@bk.ru

© I. B. Trofimova

Senior Lecturer,
Krasnoyarsk State Agrarian University
Russia, Krasnoyarsk
iness.kastilia@mail.ru

The article sets the task to investigate the emergence and development of the institution of human rights protection in various countries on the basis of international and national legislation. A comparative analysis of the forms of organization of this institution in Russia and some Asia-Pacific countries is carried out. The institution for the protection of the rights of indigenous peoples is considered.

Key words: indigenous minorities, protection of rights, institution of commissioners for the rights of indigenous minorities, commissioner for human rights, ombudsman.

Всеобщим общепризнанным мировым институтом защиты прав и гражданских свобод, является представитель по правам человека (омбудсмен). В различных государствах мира он называется по-разному: «Национальная комиссия по правам человека Монголии» (учрежденная в 2000 году), посредством ратифицированного Закона «О Национальной комиссии по правам человека»; Комитет по контролю Китайской Народной Республики; Датский институт по правам человека; Национальная комиссия по правам человека Республики Корея и т. д. [7]. В России же его называют Уполномоченным по правам человека. Но вне зависимости от названия и формы: единоличный или коллегиальный, суть, то есть содержание, института воспринимается явлением включенности в некие государственные гражданские организации [1, с. 4]. Иногда создание института инициировано Правительством стран, но с утверждением Парламента. В других случаях это некогда гражданские

организации, превращенные в институт парламентского контроля. Задачами данных институтов, организаций стало рассмотрение обращений граждан и уполномоченных лиц по вопросам нарушения и восстановления прав граждан. Так, например, в Национальную комиссию по правам человека Монголии в 2019 году поступило 622 обращения [7].

Важно отметить интеграционную роль институтов по защите прав ребенка в деятельности правозащитных организаций. Реализация этой роли происходит через Азиатско-Тихоокеанский форум национальных правозащитных учреждений. Так же стоит отметить и тот факт, что ежегодно проходит заседание членов Евразийского альянса омбудсменов (ЕАО), в котором участвуют и представители стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

В статье 69 Конституция Российской Федерации предоставляет гарантии прав коренным малочисленным народам (далее по тексту — КМН) и определяет обязанности государства по защите культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации [5].

КМН проживают преимущественно в северных районах России, в Сибири и на Дальнем Востоке. В настоящее время насчитывается 47 народов общей численностью около 300 т. человек в соответствии с данными Доклада «Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года» [2, с. 4].

Относительно недавно появился новый институт защиты прав КМН: уполномоченный по правам коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. В тех регионах, где он присутствует: в Красноярском крае с 2007 года, в Республике Саха (Якутия) с 2014 года, в Камчатском крае с 2014 года, в Республике Алтай с 2015 года. В настоящее время институт изучен не в полной мере и находится в процессе своего становления.

Важно отметить разницу между уполномоченным по правам КМН и уполномоченными представителями малочисленных народов. В число последних входят общины, общественные организации, союзы и ассоциации, создаваемые, как правило, с целью защиты исконной среды обитания, сохранения и развития традиционных образа жизни, хозяйствования и культуры, а также для защиты прав человека и отстаивания интересов коренных малочисленных народов. Соответственно, их деятельность выходит за рамки защиты прав КМН. Например, они могут представлять интересы этих народов в отношениях с органами государственной власти, органами местного самоуправления, в суде и выполнять контрольные функции.

В политико-правовом смысле Сибирь охватывается Сибирским федеральным округом, который включает 10 субъектов РФ. Из них функции уполномоченного по правам КМН выполняет омбудсмен Красноярского края. В апреле 2015 г. эта должность появилась в Республике Алтай после раскола, который произошел в республиканской Ассоциации коренных малочисленных народов, однако в июле того же года Уполномоченный по защите прав коренных малочисленных народов Алтая уволился с данной должности по собственному желанию. В настоящий момент в республике нет лица, который занимает эту должность [8].

Значение и популярность деятельности Уполномоченного в субъектах Сибирского федерального округа растет с каждым годом. Согласно докладу Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов в Красноярском крае за 2021 г. количество обращений КМН в 2018 году составляло 19, в 2021 - 26, общее же их число обращений увеличилось с 84 до 137 за тот же период [4, с. 4].

Правовое положение уполномоченного по правам КМН в Красноярском крае закреплено в Уставном законе Красноярского края от 16 июня 2016 года № 10-4679 «Об Уполномоченном по правам человека в Красноярском крае». Омбудсмен назначается на должность большинством голосов от числа избранных депутатов Законодательного собрания и является заместителем регионального уполномоченного по правам человека. В Красноярском крае он наделен, помимо основных полномочий правом по рассмотрению жалоб граждан, правом выступать в органах судебной власти для защиты прав КМН, а также в Законодательном собрании края ежегодно заслушивается отчет уполномоченного по правам КМН [6, с. 4]. Для сравнения, в Камчатском крае и Республике Саха (Якутия) такая возможность отсутствует, уполномоченные вправе предложить органам, наделенным такими функциями, обратиться в суд с заявлением о защите нарушенных прав.

Красноярский край занимает значительную часть Сибирского федерального округа. При этом коренные малочисленные народы проживают и в других субъектах региона: Республика Алтай, Алтайский край, Иркутская область, Кемеровская область, Томская область, Республика Тыва и Республика Хакасия. В субъектах создаются ассоциации и представительства для КМН. Например, на общественных началах в Томской области действует Консультативный совет представителей малочисленных народов по проблемам коренных малочисленных народов Севера. В Кемеровской

области свою деятельность в этой сфере осуществляют самостоятельные муниципальные образования и территориальное общественное самоуправление (национальная община). В Хакасии это Совет представителей коренных малочисленных народов при Правительстве республики.

В связи с необходимостью более пристального внимания к интересам коренных народов Сибири и уменьшения зависимого положения от региональных властей, в научной литературе обсуждается вопрос о создании механизма, который сможет координировать деятельность уполномоченных по правам КМН в регионах на федеральном уровне. Такой структурой может стать Уполномоченный по правам КМН на уровне Сибирского федерального округа, поскольку он включает большинство территорий традиционного проживания КМН [3, с. 4]. Так, его деятельность распространится и на те субъекты, в которых в настоящее время отсутствует Уполномоченные.

Анализ института Уполномоченного по правам КМНС позволяет сделать некоторые выводы, во-первых, защита интересов коренных малочисленных народов северных регионов России является актуальным и важным вопросом. Во-вторых, малочисленность коренных народов и их уязвимость, отсутствие общей структуры, координирующей деятельность уполномоченных по защите прав КМН Сибирского Федерального округа, требуют особого механизма в виде института специализированного уполномоченного сибирского региона. В-третьих, совершенствование системы Уполномоченных в Российской Федерации будет способствовать повышению его подлинной независимости и более успешной защите прав и свобод коренных малочисленных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока Российской Федерации.

Литература

1. Арктическая продовольственная безопасность: проблемы правового регулирования / А. А. Кондрашев [и др.]; под общ. ред. С. А. Трофимовой; Краснояр. гос. аграр. ун-т. Красноярск, 2018. 178 с.
2. Доклад «Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года» // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 16 авг. 2023).
3. Доклад Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов Красноярского края "О реализации конституционных прав и свобод коренных малочисленных народов на территории Красноярского края в 2021 году". URL: <http://www.ombudsmankk.ru> (дата обращения: 16 авг. 2023).
4. Колесникова О. В. Институт уполномоченного по правам коренных малочисленных народов в субъектах Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 9 (106). — С. 63—70.
5. Конституция Российской Федерации: основной закон [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с посл. изм. и доп.)] // Официальный сайт справочно-правовой системы «Консультант плюс». Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (дата обращения: 11. авг. 2023).
6. Об Уполномоченном по правам человека в Красноярском крае: Уставный закон Красноярского края [от 16 июня 2016 года N 10-4679 (с посл. изм. и доп.)] // Наш Красноярский край. 2016. № 48. 06 июля.
7. Правозащитная карта России. Монголия. URL: https://map.ombudsmanrf.org/Karta_Yadro/prav_z_karta/v_mire/v_mire_za_rubeg/mongoliya/mongoliyaweb.pdf (дата обращения: 16 авг. 2023).
8. Уволился уполномоченный по правам коренных народов Алтая. URL: <https://www.csipn.ru/glavnaya/novosti-regionov/1937-uvolilsya-upolnomochennyj-po-pravam-korenykh-narodov-altaya> (дата обращения: 16 авг. 2023).

УДК 342.52

Проблемы реализации прокурором права законодательной инициативы в России, США и КНР

© **М. Р. Цыбенов**

студент 1-го курса,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
mergentsyb99@mail.ru

В статье рассмотрены вопросы правового регулирования реализации прокурорами права законодательной инициативы в законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации, изучен опыт воздействия органов прокуратур в США и КНР. Выявлены проблемные вопросы реализации прокурорами права законодательной инициативы, участия генерального прокурора в законотворческой деятельности. Обоснована необходимость и целесообразность предоставления прокурорам права законодательной инициативы.

Ключевые слова: законодательная инициатива, прокуроры субъектов Российской Федерации, принцип независимости, права и свободы человека и гражданина.

Problems of the prosecutor's implementation of the right of legislative initiative in Russia, the USA and China

© **M. R. Tsybenov**

1st student,
Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude,
mergentsyb99@mail.ru

The article deals with the issues of legal regulation of the implementation by prosecutors of the right of legislative initiative in the legislative (representative) bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation, the experience of the influence of prosecutors in the United States and China is studied. The problematic issues of the implementation of the right of legislative initiative by prosecutors, the participation of the Prosecutor General in law-making activities are identified. The necessity and expediency of providing prosecutors with the right of legislative initiative is substantiated.

Key words: legislative initiative, prosecutors of subjects of the Russian Federation, the principle of independence, rights and freedoms of man and citizen.

В действующем законодательстве Российской Федерации в соответствии со статьей 9 Федерального закона «О прокуратуре РФ» — прокуроры имеют право вносить предложения об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии законов и иных нормативных правовых актов в законодательные органы и органы соответствующего и нижестоящего уровня в целях совершенствования законодательства [1]. Также в ч. 1 ст. 10 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ закреплено, что прокурор субъекта Российской Федерации имеет право законодательной инициативы в законодательном органе государственной власти субъекта РФ [2]. Так, например, в абзаце третьем ч. 1 ст. 19 Устава Пермского края отмечено, что правом законодательной инициативы в Законодательном Собрании Пермского края обладает и прокурор Пермского края — в пределах его компетенции, установленной федеральным законом [6].

К примеру, в США прокурорами называются атторнеи, которые также принимают участие в нормотворческом процессе, учитывая, что в США англо-саксонская система права. Атторнеи могут лишь давать заключения по законопроектам, издавать служебные меморандумы, выполняющие роль внесудебного толкования законов. Такие ограничения в деятельности атторнеи США объясняется их нахождением в англо-саксонской правовой семье, в романо-германской правовой семье органы прокуратуры имеют значительные возможности и полномочия влиять на другие ветви власти. Например,

генеральный атторней США может лишь проконсультировать президента США и федеральные органы исполнительной власти по правовым вопросам [7].

В КНР во многом позаимствовали систему органов прокуратуры у СССР. Конституционно-правовой статус органов народной прокуратуры КНР во многом схож с системой организации прокуратуры России. Роль народной прокуратуры заключается в надзоре за соблюдением законности. В КНР органы прокуратуры являются четвертым уровнем власти наравне с законодательными, исполнительными и судебными органами власти. Прокуратура России не является равноценным конституционным органом наравне с законодательными, исполнительными и судебными ветвями власти, ее основная функция — надзорная. Такое положение объясняется отличиями в правовой идеологии двух стран: в КНР придерживаются идеи Ж. Ж. Руссо о народной власти, тем временем в России доминирует идея Монтескье о разделении властей [4, с. 204]. Этим объясняется ограниченная роль Генеральной прокуратуры России в правотворческом процессе и невозможности выдвижения ею законодательной инициативы. Для того, чтобы Генеральная прокуратура России смогла выдвигать законодательные инициативы необходимо менять идею Монтескье о разделении на ветви власти на теорию Ж. Ж. Руссо о народной власти, при этом сохранив действующие институты власти, добавив лишь в систему федеральных органов власти органы прокуратуры, не обособляя ее от других органов и сохранив ее особую роль в надзоре за законностью. Но данный подход не соответствует демократическому пути развития России, поскольку подлинную демократию можно сформировать только наличием независимости трех ветвей власти, иначе есть серьезный риск концентрации власти у какого-либо одного «центра». В США в виду англосаксонской правовой системы роль атторнейской службы сводится в основном к уголовному преследованию, правовые основы организации атторнейской службы традиционно составляют судебный прецедент, обычай, статутное право и право справедливости [3, с. 49].

В юридической литературе возникают споры о целесообразности предоставления прокурорам права законодательной инициативы. Одним из аргументов против реализации прокурором права законодательной инициативы является его некомпетентность во многих сферах и областях законодательной деятельности, которые входят в предмет регулирования законопроекта. Кроме того, нужен опыт правоприменительной практики именно в конкретной сфере регулирования разрабатываемого законопроекта. Данный опыт позволяет субъектам законодательной инициативы прогнозировать воздействие разрабатываемого нормативного правового акта на механизм правового регулирования в результате применения закона. Прокурору, который, как подразумевается, не работал в сфере регулирования принимаемого законопроекта, будет крайне сложно понять, как будет действовать закон на регулируемые общественные отношения. Так в США атторнеи ограничены в возможности участия в правотворческом процессе, поскольку в США строго соблюдается система разделения властей [7].

Важным требованием к законодателю выступает наличие его высокой квалификации, то есть обязательное отличное владение юридической терминологией, знания юридической техники, наличие соответствующего высшего юридического образования и опыта работы. Осуществляя подготовку таких кадров для государственной службы, государство может повысить уровень качества и эффективности законов, а также устранить недопонимание законодателей и правоприменителей. Из-за низкого качества принимаемых нормативных правовых актов правоприменители не всегда правильно истолковывают и применяют законы, что заставляет законодателей дорабатывать в последующем нормативный правовой акт. В КНР народные прокуроры имеют более расширенный список требований: для того, чтобы отдел кадров народной прокуратуры принял нового сотрудника нужно будет в обязательном порядке иметь стаж работы в 2 года [8].

Предлагается установить для субъектов законодательной инициативы требования высокой юридической квалификации (как минимум степень магистра) и опыта работы в области нормотворческой деятельности. По мнению ряда ученых, прокуроры не должны заниматься законотворческой деятельностью, так как прокуратура таким образом нарушает принцип невмешательства в оперативно-хозяйственную деятельность организаций и недопустимость подмены прокуратурой других государственных органов [9]. В КНР для кандидатов на должность прокурора предъявляются больше требований, однако после магистратуры им можно приступать к работе с первых дней, как и в России [8].

Прокуроры субъектов Российской Федерации, реализуя свое право законодательной инициативы, автоматически ставят под сомнение принцип независимости прокуратуры, согласно которому происходит организация и деятельность прокуратуры, то есть возникает вопрос, могут ли органы прокуратуры беспристрастно надзирать за принятыми ими же законами? Прокуроры субъектов Рос-

сийской Федерации, внося законопроект в представительные органы государственной власти, косвенно заинтересованы в продвижении своего законопроекта и поэтому право законодательной инициативы прокуроров субъекта Российской Федерации негативно отражается на объективности прокурорского надзора за исполнением таких законов.

Также минусом расширения участия прокуроров в законотворческой деятельности называют перегруженность работы сотрудников прокуратуры и прежде всего их основную надзорную работу. Однако в основном участие в законотворческой деятельности принимает старший помощник прокурора по взаимодействию с законодательными (представительными), исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления.

Согласно ч. 1 ст. 104 Конституции Российской Федерации Генеральный прокурор РФ не обладает правом законодательной инициативы [10]. Прокуроры субъектов РФ и прокуроры муниципальных образований имеют право законодательной инициативы, в то же время генеральный прокурор РФ не имеет данного права. Генеральный прокурор России дает правовое заключение на федеральные законы, не вмешиваясь в законодательную деятельность Федерального Собрания Российской Федерации. В КНР Генеральный прокурор КНР обладает правом законодательной инициативы, а генеральный атторней США подчинен Минюсту США и ограничен в своей деятельности.

Однако другие ученые считают, что органы прокуратуры оказывают положительное воздействие на законотворческую деятельность, в частности проводя антикоррупционные экспертизы необходимые для контроля законодательной деятельности представительных органов власти [11]. Прокуроры субъектов РФ имеют право на законодательную инициативу, так как они прекрасно осведомлены о состоянии законности в своем регионе. Они активно участвуют в разработке законопроектов представительных органов государственной власти субъектов РФ в целях исключения ошибок в юридическом оформлении нормативно правовых актов, мониторинга нормативно правовых актов на наличие коррупционных факторов и дачи заключения по разрабатываемому нормативно правовому акту.

Влияние прокуроров на законодательный процесс не нарушает принцип независимости прокуратуры, а предупреждает принятие незаконных и ошибочных нормативных правовых актов, которые могут негативно повлиять на регулируемые общественные отношения. Роль прокуратуры в разработке нормативного правового акта сводится лишь к его юридической составляющей, а предмет регулирования законопроекта непосредственно должен относиться к деятельности законодателей и профильных специалистов рабочей группы по разработке законов. Такое активное участие органов прокуратуры в законотворческой деятельности значительно совершенствует региональное и муниципальное законодательство. Такую же степень участия прокуроров в разработке документов можно отметить в КНР [8].

Кроме того, в российской практике, поскольку депутаты муниципальных образований и муниципальные специалисты, входящие в рабочую группу по разработке нормативного правового акта в большинстве случаев, не всегда обладают соответствующим юридическим образованием для правильного оформления закона активное участие прокурора соответствующего муниципального образования является вполне рациональным решением. Часто прокуроры муниципальных образований выявляют в нормативных актах несоответствие федеральному законодательству, коррупционные факторы в нормативных правовых актах и юридико-технические ошибки [5, с. 82]. Подобным пресечением антикоррупционных законов занимаются также прокуроры КНР и атторней США.

Многие ученые считают правильным участие прокуроров в законотворческой деятельности, такое влияние повышает качество принимаемых законодательными органами власти законов, устраняя при этом предпосылки возникновения правовых коллизии, разрешаемых в большинстве случаев в судебном порядке. Право законодательной инициативы прокуроров субъектов позволяет им в полной мере защищать права и свободы человека и гражданина, а без этого невозможно построить правовое государство. Подобный опыт широко применяется в КНР не только местными прокурорами, но и Генеральным прокурором КНР, который имеет право на выдвижение законодательной инициативы.

Таким образом, право законодательной инициативы КНР, США и России отличаются друг от друга по степени участия в правотворческой деятельности. В КНР и России местные прокуроры могут выдвигать законодательную инициативу в местные парламенты, в то же время атторней США данной функцией не обладают. Думается, что можно позаимствовать организационный опыт работы органов прокуратуры с народной прокуратуры КНР, в частности предоставить право законодательной инициативы Генеральному прокурору России.

Литература

1. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: федер. закон [от 21 декабря 2021 г. N 414-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.
2. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон [от 17 января 1992 г. N 2202-1 (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.
3. Агутин А. В. Правовые основы организации и деятельности атторнейской службы США // Законность и правопорядок. 2020. № 2(26). С. 49–57.
4. Корешникова Н. Р. Правовые статусы прокуратур Российской Федерации и Китайской Народной Республики (сравнительно-правовой анализ) // Сибирское юридическое обозрение. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-statusy-prokuratur-rossiyskoy-federatsii-i-kitayskoy-narodnoy-respubliki-sravnitelno-pravovoy-analiz> (дата обращения: 27 мая 2023).
5. Перов С. В. Перспективы развития законопроектной деятельности органов прокуратуры Российской Федерации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 3(91). С. 81–88.
6. Устав Пермского края (принят ПК 19 апреля 2007 г.) [от 27 апреля 2007 г. № 32-ПК] // Собр. законодательства Пермского края. 2007. № 5. I часть.
7. Атторнейская служба США. Генеральный атторней. Служба маршалов. URL: <https://bibliotekar.ru/2-9-35-ugolovniy-process-v-amerike/6.htm> (дата обращения: 16 авг. 2023).
8. Что говорит Закон КНР о прокуратуре? URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/a/what-does-the-proc-procurators-law-say> (дата обращения: 16 авг. 2023).
9. Черепанов М. М., Пугачев А. В. Принцип невмешательства органов прокуратуры в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорных субъектов // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 1. С. 91–104.
10. Конституция Российской Федерации: основной закон [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с пос. изм. и доп.)] // Официальный сайт справочно-правовой системы «Консультант плюс». Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (11. авг. 2023).
11. Кирюхина С. М. Некоторые проблемы участия органов прокуратуры в нормотворчестве // Молодой ученый. 2020. № 50 (340). С. 240–242.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

УДК 341 (470+520)

Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности и его применение в России и Японии

© **Б. В. Литичевский**

студент 2-го курса,

Северо-западного филиал,

Российский государственный университет правосудия

Россия, г. Санкт-Петербург

liti.boris@gmail.com

В статье автор ставит перед собой цель разработать предложения по имплементации положений Типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности в законодательство Российской Федерации с учетом опыта правового регулирования банкротства Японии. Исследовав тему, автор пришел к выводу о том, что Япония осуществила имплементацию Типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности при частичном сохранении норм предыдущего законодательства. Российской Федерации необходимо произвести переход от территориального подхода трансграничного банкротства к универсальному путем имплементации норм Типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности путем включения ряда отсылок к Типовому закону ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности.

Ключевые слова: банкротство, Типовой Закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности, имплементация, мировое соглашение.

UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency and its Application in Russia and Japan

© **B. V. Litichevsky**

2nd year student,

Northwestern branch,

Russian State University of Justice

Russia, Saint-Petersburg

liti.boris@gmail.com

In the article, the author aims to develop proposals for the implementation of the provisions of the UNCITRAL Model Law on cross-border insolvency in the legislation of the Russian Federation, taking into account the experience of legal regulation of bankruptcy in Japan. Having studied the topic, the author came to the conclusion that Japan has implemented the UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency while partially maintaining the norms of the previous legislation, the Russian Federation needs to make the transition from the territorial approach of cross-border bankruptcy to the universal one by implementing the norms of the UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency by including a number of references to the UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency.

Key words: bankruptcy, UNCITRAL Model Law on cross-border insolvency, implementation, settlement agreement.

Несостоятельность является важным элементом, экономики и институтом правовой системы. Процедура банкротства является не только способом возврата денежных средств кредиторам, но оздоровлением хозяйствующих субъектов и экономической среды в целом. Глобализация и интеграционные процессы привели к тому, что юридические лица стали вести свою деятельность в нескольких государствах одновременно, в связи с этим появилась проблема трансграничного банкротства. На X Всероссийском съезде судей были оглашены данные о работе судов, согласно которым в 2022 г. было подано 353 696 заявлений в арбитражные суды о банкротстве, всего же было подано в арбитражные суды заявлений, ходатайств, жалоб, связанных с банкротством, 1 954 876, что на 511 000 больше, чем в 2021 г. [8]. Возросло и число дел в рамках трансграничного банкротства, тем самым

увеличилось практическое значение темы исследования. Целью настоящего исследования является разработка предложений по имплементации положений Типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности в законодательство Российской Федерации с учетом опыта правового регулирования банкротства в Японии.

По теме исследования существуют работы ученых цивилистов. Профессор С. А. Карелина изучала механизм трансграничного банкротства [3]. Л. П. Ануфриева исследовала трансграничное банкротство через международный гражданский процесс [2]. Е. В. Моховой была проанализирована несостоятельность, осложненная иностранным элементом [4].

Банкротство — это состояние, когда судом признана невозможность должника, расплатиться с собственными долгами перед кредиторами, выплатить заработную плату действующим сотрудникам юридического лица, а также бывшим сотрудникам, уплатить обязательные платежи государству [7, с. 3].

Трансграничное банкротство юридического лица — это правоотношения, которые возникают в отношении банкротства юридического лица, которые осложнены участием в правоотношениях иностранных кредиторов и должников, которые являются таковыми по отношению друг к другу, а также учредителя должника и самого должника, имеющим имущество за рубежом, а возбуждением в отношении должника процедуры банкротства одновременно в разных государствах [3, с. 15].

Проблема трансграничного банкротства является одной из самых важных, так как существуют сложности осуществления процедуры несостоятельности юридического лица, чья деятельность может осуществляться в разных государствах, что ведет к наличию собственности в разных странах, а также кредиторов. Существуют два подхода к данной проблеме. Первый именуется территориальным, при котором трансграничное банкротство происходит путем открытия соответствующего производства одновременно в разных государствах [2, с. 30]. Однако такой подход имеет целый ряд сложностей. С целью упрощения гармонизации норм о банкротстве процедуре банкротства Комиссией ООН по праву международной торговли 30 мая 1997 г. был разработан Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности [6]. Действия в рамках Типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности, когда банкротное производство осуществляется только в одном государстве, называют универсальным подходом.

Первым вопросом является юрисдикция в отношении трансграничного банкротства. В Типовом законе ЮНСИТРАЛ разработана концепция центра основных интересов, то есть государства, в котором и сосредоточены наиболее важные интересы юридического лица, именно в этом государстве будет осуществляться производство процедуры банкротства в суде. Другие государства, в которых юридическое лицо осуществляет деятельность, должны оказывать помощь иностранному производству.

В современной России производство по делам о банкротстве осуществляется арбитражными судами на основании Гражданского кодекса РФ, АПК РФ, специального Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ. Действующее законодательство России носит прокредиторский характер. Арбитражные суды в Российской Федерации делятся на суды первой инстанции, то есть арбитражные суды, апелляционные суды, окружные арбитражные суды, являющиеся кассационными судами. Роль надзорной инстанции до 2014 г. выполнял Высший Арбитражный Суд РФ, а с 2014 г. эту функцию стал выполнять Верховный Суд РФ. В Российской Федерации процедура банкротства осуществляется через такие этапы как наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство, а также мировое соглашение. Российская Федерация не внедрила положения Типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности в национальное законодательство. Согласно п. 6 статьи 1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ банкротство с участием иностранных лиц осуществляется в соответствии положениями федерального закона или международными договорами. В случае отсутствия международных договоров в России признаются решения иностранных судов на началах взаимности [3, с. 50]. Сложности существуют и с признанием решений судов других государств, так, в 2000 г. решение Хозяйственного суда Киева в отношении НАЭК «Энергоатом» не было признано в России ВАС РФ [5].

В современной Японии производство по делам о банкротстве ведется через окружные суды на основании четырех законов, а именно Закона о Банкротстве № 75 от 2004 г., Закона о гражданской реабилитации № 225 от 1999 г., Закона о корпоративной реорганизации № 154 от 2002 г., Закона о компаниях № 86 от 2005 г., в качестве апелляционной инстанции выступают высокие суды, в качестве кассационной и надзорной Верховный Суд Японии. Действующее законодательство Японии но-

сит должниковский характер. Процедуру банкротства в Японии можно разделить на восстановительные и ликвидационные процедуры. Восстановительные процедуры банкротства в Японии можно разделить на гражданскую реабилитацию и корпоративную реорганизацию, ликвидационные на непосредственно банкротство и специальную ликвидацию. В 2000 г. в законодательство в Японии о банкротстве стали осуществлять имплементацию Типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности. Окончательное оформление данного процесса произошло в виде принятия Закона о Банкротстве № 75 от 2004 г. Однако стоит отметить, что имплементация в Японии носила характер трансформации норм Типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности, так как частично был сохранен предыдущий территориальный подход к вопросу о трансграничном банкротстве, так как законодательство Японии должно совпадать с иностранным согласно нормам международного права Японии. Закон о банкротстве Японии гласит: «Иностранец или иностранная корпорация должны иметь тот же статус, что и гражданин Японии или японская корпорация в отношении банкротства, при условии, что это применяется только в том случае, если японские граждане или японские корпорации имеют такой же статус в соответствии с национальным законодательством иностранца или иностранной корпорации» [1]. Универсальность заключается в том, что иностранец имеет право обратиться в суды Японии с целью осуществления банкротства. В результате внедрения норм Типового Закона Юнситрал о трансграничной несостоятельности другим государствам не требуется заключать международные соглашения для осуществления процедуры трансграничного банкротства, что существенно упростило процедуру трансграничной несостоятельности.

Основываясь на опыте двух государств, с учетом глобализации в мире и участия России в мировой экономике, стоит отметить, что для упрощения процедуры трансграничного банкротства необходимо произвести процедуру имплементации Типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности и внести поправки в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ. Процедуру имплементации возможно сделать двумя способами, а именно путем инкорпорации, то есть по существу нормы Типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности в национальный закон, либо путем ряда отсылок к Типовому закону ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности. Как представляется, осуществление имплементации путем инкорпорации приведет к длительной переработке Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ, в связи с этим более предпочтительно осуществить реформу законодательства посредством отсылки. Необходимо дополнить п. 6 статьи 1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ следующим положением: «Процедуры, связанные с трансграничным банкротством, в Российской Федерации осуществляются с учетом правил Типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности». Статью 1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ, следует также дополнить: «Процедура трансграничного банкротства осуществляется в том государстве, в котором сосредоточены наиболее главные интересы юридического лица, которое подлежит банкротству. Дополнительно в пункте 6 статьи 1 нужно написать, о режиме сотрудничества со странами, которые не произвели процедуру имплементации Типового Закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности: «С государствами, которые не осуществили процедуру имплементации Типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности Российская Федерация осуществляет сотрудничество на основе международных договоров и взаимности».

Таким образом, разработанное в современной России законодательство о несостоятельности имеет важное отличие от законодательства Японии, в нем отсутствует подробная регламентация трансграничного банкротства, фактически для его осуществления необходимо заключения двухсторонних договоров. Как представляется, имплементация норм Типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности, путем включения отсылок в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ облегчит процесс трансграничного банкротства и улучшит микроклимат в среде инвесторов и отечественных коммерсантов. Однако в отличие от Японии, частично сохранившей территориальный подход к трансграничному банкротству в национальном законодательстве, Российской Федерации, думается, необходимо перейти к полностью к универсальному подходу.

Литература

1. Civil Rehabilitation Act (Act No. 225 of December 22, 1999). URL: http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail_main?re&vm=2&id=125 (дата обращения: 20 мая 2023).
2. Ануфриева Л. П. Международное частное право: в 3-х т. Том 3. Трансграничные банкротства. Международный коммерческий арбитраж. Международный гражданский процесс: учебник / Л. П. Ануфриева. Москва: Изд-во БЕК, 2001. 758 с.
3. Карелина С. А. Роль и значение механизмов трансграничного банкротства. URL: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/405370379> (дата обращения: 20 мая 2023).
4. Мохова Е. В. Несостоятельность, осложненная иностранным элементом: вызовы российской судебной практики. URL: <http://center-bereg.ru/o852.html> (дата обращения: 20 мая 2023).
5. Определение ВАС РФ по делу № 11934/04 от 23.06.2008 г. URL: <https://base.garant.ru/5518751> (дата обращения: 20 мая 2023).
6. Официальный интернет-сайт Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ). URL: http://www.uncitral.org/uncitral/ru/uncitral_texts/insolvency/1997Model_status.html (дата обращения: 20 мая 2023).
7. Попондопуло В. Ф. Банкротство: правовое регулирование: научно-практическое пособие: [основы конкурсного права, судопроизводство по делам о банкротстве, оспаривание сделок должника в деле о банкротстве, особенности банкротства граждан, трансграничное банкротство и др.] / В. Ф. Попондопуло. Изд. 2-е, перераб. и доп. Москва: Проспект, 2016. 431 с.
8. Рост банкротных дел и сложности с онлайн: второй день совещания судей. URL: <https://pravo.ru/story/245281> (дата обращения: 23 авг. 2023).

УДК 341

Явган зорчигчийн замыг халтиргаанаас хамгаалах зориулсан эко бэлдэц

© Д. Нямдорж

ДХИС-ийн Эрдэм шинжилгээний нэгдсэн хүрээлэнгийн
Гэмт явдал, цагдаа судлалын хүрээлэнгийн
эрдэм шинжилгээний ажилтан,
хууль зүйн доктор, цагдаагийн дэд хурандаа

Явган зорчигчийг хальтиргаа гулгаа, осол гэмтлээс урьдчилан сэргийлэх зорилгоор давс, химийн бодис бус бусад эко бэлдмэл хэрэглэх нь эдийн засгийн болон аюулгүй байдлын хувьд өндөр ач холбогдолтой. Явган хүний замыг механик хэрэгсэл, багаж хэрэгслээр цэвэрлэх нь замын ашиглалтын хугацааг багасгахад сөргөөр нөлөөлдөг.

Түлхүүр үгс: явган зорчигч, гулгамтгай, шарх, гэмтэл, зам цэвэрлэх, эко бүтээгдэхүүн, хайрга.

Eco-preparations for pedestrian walkways

© D. Nyamdorj

Ph. D. of Law, Police Lieutenant Colonel, Researcher,
Institute of Criminology and Police research,
University of Internal Affairs,
Mongolia, Ulaanbaatar

In order to prevent slipping and accidents of pedestrians on the road, the use of eco-preparations other than salt and chemicals has high economic and safety benefits. Cleaning pedestrian roads with mechanical means or tools has a negative effect on reducing the life of the road.

Key words: pedestrians, slippery, wounds, injuries, road cleaning, eco-means, gravel.

Хууль зүйн үүднээс явган зорчигч зам дээр халтирч гэмтсэн, осолдсон, нас барсан хүний тоо, шалтгаан нөхцөлийг золгүй учрал, осол хэмээн буруу ойлголт явсаар өнөөг хүрчээ. Зам тээврийн ослыг үндсэн 4 шинжээрээ тайлбарлаад, явган зорчигч ямар нэгэн хэлбэрээр унаж осолдоход ахуйн хүрээний ослын хэмжээнд бүртгэн асуудлыг энэ хүрээнд шийдвэрлээд хэвшил болжээ. Энэ хэвшмэл ойлголтоос салах хэрэгтэй ба онолын энэ ойлголтоо ч өөрчлөж болох юм.

Авто замын төсөллөлт анхлан хийгдэж эхэлсэн цагаасаа хойш л явган зорчигчийн аюулгүй байдал, түүнийг хангах асуудал яригдаж хийдэж байсан түүхтэй.

Зөвлөлтийн эрдэмтэд 1950-аад оны эхээр хийсэн судалгаандаа БНМАУ 1990 он гэхэд нийслэл Улаанбаатар хотыг хагас сая хүнтэй, 10000 тээврийн хэрэгслээс илүүгүй байна хэмээн тооцон төсөөлж хот төлөвлөлтөө хийж байсан байдаг. Энэ хэтийн төлөвлөлт нь тухайн цаг үедээ нийцсэн төдийгүй яг л таарч байлаа. Учир нь тухайн үеийн ЗХУ-ын хот төлөвлөлт, замын зохион байгуулалтын алтан үеийн **мэргэжилтнүүд** газар зүйн байрлал, тогтоц, агаарын урсгалын хөдөлгөөн зэрэгт томоохон судалгааг явуулсан байдаг.

Уг судалгаа болон бусад олон хүчин зүйлсээс хамааруулан шинжлэх ухааны үндэслэлтэйгээр тооцоолон хотын ачаалал үүнээс илүү гарвал хүчин чадал нь дийлэхгүй гамшиг болно гэдгийг ч зааж байжээ. Тиймдээ ч тухайн үеэс хотод шилжин

ирэгсдийн тоог хязгаарлаж байсан ба явган зорчигчийн замын хөдөлгөөнд оролцох соёл, дадал, аюулгүй орчны жилийн 4 улиралд хэрхэн зохион байгуулж байхаар хөндөж байжээ.¹

¹Улаанбаатархотынбүтээнбайгуулалтынөнгөрсөнбаодоогийнтухайцухас. П. Хангал Нийтлэл 2019.

Хүн амын хэт төвлөрөл бий болсон нийслэл Улаанбаатар хотод дэд бүтцийн олон олон хүндрэлүүд үүсээд байгаагийн нэг нь замын арчлалт түүнийг цэвэрлэх асуудал бөгөөд явган зорчигчийн замыг халтиргаагүй байлгах, энэ орчныг сайжруулах нэгэн боломж бол бидний санал болгож буй халтиргаанаас хамгаалах бэлдэц юм.

Замын хөдөлгөөнд оролцогчдоос осол, гэмтэлд өртөгсдөөс явган зорчигчид тодорхой тоон үзүүлэлтийг үзүүлэх бөгөөд тэр дундаа хүүхэд, залуус маш их хувийг эзэлдэг байдаг.

Цас, мөсний улирал эхэлсэн үед автомашины болон явганы замыг цэвэрлэхдээ ихэвчлэн хүрз, тусгайлан гагнаж бэлдсэн төмрөөр, цохиж, хусаж байдаг ба энэ ажил нь замын элэгдлийг нэмэгдүүлдэг сул талтай.

Энэ нь тийм ч сайн арга биш бөгөөд сүүлийн үед цас мөс хайлуулах зорилгоор давс, тусгай химийн бодис гадаасаа импортоор оруулан хэрэглэх болсон нь эрүүл ахуйд хортой, автомашины эд ангид, явган зорчигчийн гутлын насжилтад сөргөөр нөлөөлж эдэлгээний хугацааг богиносгодог гэсэн сөрөг үр дагавартай юм.

Дагтаршсан цас, мөстэй замын гадаргууг барзгар болгож халтиргааг бууруулдаг

Дээрх химийн бодисыг их хэмжээгээр гадаад орнуудаас өндөр үнээр оруулж ирж байгаа бөгөөд үүнийг дотоодын нөөц бололцоогоо ашиглан хямдхан, эко байдлаар шийдэх боломжтой байна. Бидний санал болгож буй эко бэлдэц нь эхний ээлжинд явган зорчигчийн зам дээр хэрэглэхэд үр дүнтэй байгаа нь нотлогдсон.

Ийнхүү хямд, төсөр байдлаар явганы зорчигчийн замын халтиргааг үр дүнтэйгээр багасгах бодит боломжийг танилцуулан та хэрэглэгч та бүхнээсээ шүүмж хүснэм.

Байгалийн чулуу нь карьерын бутлуураар

боловсруулагдан гарахдаа олон янзын хэмжээтэйгээр гардаг, эндээс диаметр нь 8-10 мм хайрга гарган боловсруулж явган зорчигчийн замаар цацах байдлаар

хэрэглэнэ.

Энэ хайрга, чулууны ширхэгийн гадаргуунь явган зорчигчийн гишгэлтээр мөн өдрийн цагаар нарны дулааны энергийн дулаанд халж, доорх цасандаа шигддэг.

Цас нэмж орсон ч нэгэнт үүссэн барзгар чулуут гадаргуу нь гулсалтын эрсдэл үүсгэх чанар багасдаг. Цас дахин нэмэгдэн орж өмнөх цасанд шигдсэн чулуунууд мэдэгдэхгүй болох үед бэлдцээ дахин цацаж дэвсэх байдлаар халтиргааны үе дуустал ажиллана.

ГССҮТ-ийн 2017 оны статистик тоо мэдээг ашиглав

Харин замын арчлалт, үйлчилгээ хариуцсан ажилтан явган зорчигчийн болон авто замын хооронд хүний хөлөөр тараагдсан бэлдцийг хамж эргүүлэн явганы зам дээр дэвсэж байх маш чухал.

Ийм маягаар өвлийн цаг явсаар хавар цас, мөс хайлахад уг хайргаа хамж авах ба дахин өвлийн сар эхлэхэд бэлэн байхаар хуурай нөхцөлд хадгалан хайргаа эргүүлэн ашиглаж болдог.

Халтиргаанаас хамгаалах бэлдцээ явган хүний замд хүний хөдөлгөөнд саад болохооргүй газарт түүний ойролцоо доод талдаа шүүрэн нүхтэй төмөр торх тохиромжтой юм.

Гулгаатай мөстсөн замыг арчлахдаа цас мөсийг хусаж, цохиж цэвэрлэж хэрхэвч болохгүй. Эх орондоо бэлэн гаргаж болох жижиг хайргаар халтиргааны эсрэг бэлдэц болгон хийж ашиглах санааг үүгээр дэвшүүлж байна.

Халтиргааны бэлдэц нь тусгайлан шигшсэн хайрга бөгөөд ямар нэгэн элс, шорооны хольцгүй учраас хавар цас, мөс хайлах цагаар шуурга, салхинд тоос шороо дэгдэх сөрөг нөлөө байхгүй.

Мэдээжээр явган зорчигчийн халтиргааны эсрэг бэлдцийг цацдаг, хавар халтиргаагүй болсон үед хамдаг тусгай машин, техник хэрэгсэл шаардлагатай ба үүнийг одоо ашиглаж байгаа гудамж талбайн цэвэрлэгээний зориулалтын машин, техникээр гүйцэтгүүлэх нь нэг талаас үйлчилгээ механикжих, хурдан шуурхай байх боломж бүрдэнэ гэж харж байна.

Бидний дэвшүүлж буй санаа нь цоо шинэ зүйл биш бөгөөд Шведийн вант улсын нийслэл Стокгольм, Норвегийн Осло болон бусад хотуудад өнөө цагт өргөнөөр ашиглагдаж байгаа шийдэл юм.

Дүгнэлт: Бидний судалгааны үндсэн дээр гаран авч хэрэглэж байгаа бэлдэц нь Монгол орны эрс тэс, эрчтэй хүйтэрдэг нөхцөлд тохируулан чулууны карьер-үйлдвэрийн хайргыг ашиглан гадны технологийг нутагшуулах гэж байгаагаараа онцлогтой юм.

Уг бэлдэц нь авто замын зорчих хэсэг дээр ашиглагдахгүй ба зөвхөн явган зорчигчийн зам дээр хүнийг халтирхаас хамгаалах маш эко бэлдэц гэж тооцогдож байна.

Хүний амь нас, эрүүл мэндийг золгүй байдлаар, явганаас халтирч үрэгдэхээс хамгаалах нь хэдэн зуун тэрбум төгрөгөөр ч хэмжихгүй үр ашигтай гэдгийг бид мэдэх билээ.

Literature

1. Монгол Улсын Замын хөдөлгөөний аюулгүй байдлын тухай хууль Улаанбаатар хот 2015.07.08-ны өдөр.
2. Доржсүрэн Нямдорж диссертаци “Монголын тээврийн хэрэгслийн ашиглалтын болон хөдөлгөөний аюулгүй байдлын эсрэг гэмт хэрэг, түүнтэй холбоотой зөрчлүүдээс урьдчилан сэргийлэх эрүүгийн эрх зүй, криминологийн шинж”. Москва, 2008.
3. Батболд Б. “Улаанбаатар хотын автозамын түгжрэлийг бууруулах санал” ДХИС-ийн ЗХАБ-ын ПСБ-ийн хуралд тавьсан илтгэл 2022.09.30.
4. Жулев В. И. Транспортные преступления: Комментарий. Законодательства. Москва: Спарк, 2001. 189 [2] с.
5. Криминология: учеб пособие для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России юридического профиля: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / Московский университет МВД России: [Г. А. Аванесов и др.]: под ред. С. Я. Лебедева, М. А. Кочубей. Москва: ЮНИТИ: Закон и право, 2007 (Ульяновск: Ульяновский Дом печати). 518 [1] с.
6. Явган хүний зам, талбайн төлөвлөлт, техникийн шаардлага. MNS6809:2019.
7. “Улаанбаатар хотын бүтээн байгуулалтын өнгөрсөн ба одоогийн тухай цухас”. П. Хангал Нийтлэл, 2019.

УДК 347.176

**Роль Интерпола в оказании помощи по уголовным делам
о похищении детей**

© К. В. Ри

студент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

kirill.ree.99@gmail.com

Статья посвящена анализу деятельности Интерпола в сфере международного сотрудничества в борьбе с преступлениями, связанными с похищением детей. Рассмотрены основные направления и механизмы работы международной организации в этой области. Также в статье анализируются перспективы развития международного полицейского сотрудничества по защите прав и интересов детей, ставших жертвами похищения или торговли людьми.

Ключевые слова: Интерпол, похищение детей, преступность, международное сотрудничество, органы внутренних дел.

**The role of Interpol in providing assistance in criminal cases
and the protection of children**

© K. V. Ri

Student,

Banzarov Buryat State University

Russia, Ulan-Ude

kirill.ree.99@gmail.com

The article is devoted to the analysis of the activities of Interpol in the field of international cooperation in the fight against crimes related to the kidnapping of children. The main directions and mechanisms of work of the international organization in this area are considered. The article also analyzes the prospects for the development of international police cooperation to protect the rights and interests of children who are victims of kidnapping or human trafficking.

Key words: Interpol, kidnapping of children, crime, the international cooperation, internal affairs bodies.

Похищение детей является одним из наиболее тяжких и распространенных видов преступлений против личности, нарушающим права и свободы ребенка, угрожающим его жизни и здоровью, а также наносящим непоправимый ущерб его семье и обществу. По данным ООН, ежегодно в мире похищают около 1,2 млн детей, из которых лишь малая часть возвращается домой. Основными мотивами похитителей являются вымогательство, сексуальное насилие, торговля детьми и др. [6, с. 495–507].

Раскрытие этих видов преступлений требует специальных навыков и дополнительных ресурсов. Продолжается работа по выявлению жертв сексуального насилия над детьми, запечатленными на фотографиях и в кино. Для достижения этой цели традиционные методы расследования сочетаются с анализом изображений. Ключевым элементом здесь является "Международная база данных изображений сексуальной эксплуатации детей", которая использует сложное программное обеспечение для сопоставления изображений, чтобы связать жертв с местами преступления [2, с. 102–120].

Также стоит отметить, что данное преступление носит транснациональный характер, так как часто происходит с пересечением границ разных государств. Это усложняет расследование и раскрытие подобных преступлений, а также требует эффективного взаимодействия правоохранительных органов разных стран. Особую роль в этом процессе играет Международная организация уголовной полиции (Интерпол).

Интерпол¹ – это неправительственная организация, которая координирует деятельность полиции из разных стран по всему миру. Первоначально основан в 1923 году. Интерпол был создан как Меж-

¹ МВД РФ опубликовало приказ, согласно которому международная уголовная полиция Интерпол ограничивается в своей деятельности на территории России. Согласно приказу, Интерпол сможет только проводить «опросы» и «отождествление личности», а также «наводить справки», но не сможет вести

дународная комиссия уголовной полиции на собрании полиции в Вене, Австрия, в 1923 году. Организация на протяжении многих лет увеличивала свой состав и постепенно расширяла использование различных инструментов и институтов для облегчения международного сотрудничества между полицией в различных областях уголовного правоприменения. На сегодняшний день в состав Интерпола входит 195 государств, которые сотрудничают через центральную штаб-квартиру, расположенную в Лионе, Франция [12].

В каждом государстве-члене создано Национальное центральное бюро Интерпола (НЦБ). Это бюро связывает национальные правоохранительные органы с другими странами и Генеральным секретариатом через защищенную глобальную сеть полицейской связи I-24/7. Государственное центральное бюро Интерпола Российской Федерации является самостоятельным структурным подразделением Центрального агентства Министерства внутренних дел Российской Федерации. Основной задачей МВД России в области сотрудничества с Интерполом является международный обмен информацией о преступлениях, включая похищение детей, и содействие в выполнении запросов иностранных правоохранительных органов о наблюдении и задержании [3, с. 25].

Правовой базой деятельности НЦБ Интерпола при МВД России также является:

- а) Указ Президента РФ от 30 июля 1996 г. № 1113 «Об участии Российской Федерации в деятельности Международной организации уголовной полиции (Интерпола)»;
- б) Постановление Правительства РФ от 14 октября 1996 г. № 1190 «Об утверждении Положения о Национальном центральном бюро Интерпола»;
- в) Приказ МВД РФ от 3 июня 1997 г. № 333 «Об утверждении Типового положения о территориальном подразделении (филиале) Национального центрального бюро Интерпола» [4, с. 29–36].

Основные функции Интерпола осуществляются через специально разработанную систему уведомлений.

Уведомления Интерпола - это международные запросы о сотрудничестве или оповещения, позволяющие полиции стран-участниц обмениваться соответствующей информацией о преступлениях. Уведомления выдаются Генеральным секретариатом по запросу Национального центрального бюро Интерпола данной страны и доступны всем другим странам в базе данных уведомлений. Уведомления могут также выдаваться по запросу Международного уголовного суда для розыска лиц, разыскиваемых за преступления, находящиеся под его юрисдикцией, в частности за геноцид, военные преступления и преступления против человечности. Они также могут быть выданы по запросу Организации Объединенных Наций в связи с осуществлением санкций, введенных Советом Безопасности [13].

Большинство уведомлений предназначены только для использования полицией и недоступны для общественности.

Интерпол не имеет надзорных функций в отношении деятельности национальной полиции. Деятельность по обмену информацией Интерпола обусловлена добровольным сотрудничеством отдельных стран. Важным ограничением является расплывчатое определение данных, которые должны предоставляться государствами-членами. Основным препятствием для укрепления полицейского сотрудничества в рамках Интерпола и выхода на более высокий уровень являются споры между государствами и разнообразие их политических интересов. Как следствие, международному сообществу еще не удалось согласовать многие базовые нормы международного права при их непосредственном практическом применении [11].

Таким образом, можно отметить, что несмотря на активную работу Интерпола, в том числе и в сфере похищения детей, существуют проблемы, с которыми сталкиваются правоохранительные органы в этой сфере. Одной из таких проблем являются различия в правовых системах и подходах к расследованию таких преступлений как похищение детей в разных странах. Это может препятствовать сотрудничеству и обмену информацией.

Необходимо отметить, что роль Интерпола в оказании помощи по уголовным делам о похищении детей действительно неопределима, организация предоставляет эффективные инструменты, механизмы и программы для сотрудничества и координации между правоохранительными органами раз-

полноценную оперативно-розыскную деятельность. Приказ датирован 31 марта 2023 года, однако зарегистрирован 17 августа 2023 года и опубликован 18 августа 2023 года. URL: <https://www.mk.ru/politics/2023/08/18/v-rossii-zapretili-interpolu-vesti-rozysk.html> (дата обращения: 19 авг. 2023) – примечание оргкомитета конференции.

ных стран. Однако для эффективной борьбы с похищением детей необходимо продолжать развивать и совершенствовать механизмы сотрудничества, обмена информацией и обучения между Интерполом и правоохранительными органами разных стран. Это включает в себя укрепление правовой базы и стандартов, содействие быстрому обмену информацией и сотрудничеству. Только совместными усилиями и взаимным сотрудничеством можно обеспечить безопасность детей и остановить эти преступные действия.

Литература

1. Агушева Г. Г., Баданин Д. Защита прав ребенка: международно-правовой аспект // Ювенальное право. История становления, проблемы и перспективы развития: материалы научно-практической конференции. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та. 2005. С. 9–15.
2. Гусейнов Т. А. Роль взаимодействия правоохранительных органов Российской Федерации по линии Интерпола при расследовании преступлений, связанных с торговлей людьми // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2019. № 3. С. 84–89.
3. Карманов М. А. Киднеппинг как объект прикладного исследования // Статистика и экономика. 2016. № 2. С. 68–71.
4. Колесников В. А. Международно-правовые основы сотрудничества по линии Интерпола // Вестник ВИ МВД России. 2014. № 2. С. 29–36.
5. Мулюкова М. В. Международный розыск по линии Интерпола: значение и пути совершенствования // Скиф. 2018. № 11 (27). С. 104–108.
6. Павлов А. А. Международное похищение детей: позитивные обязательства государств // Вопросы российской юстиции. 2020. № 5. С. 497–507.
7. Пато Э., Ростовцева Н. В. Похищение детей: европейские и российские перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 3. С. 102–120.
8. Самарин В. И. Интерпол: Международная организация уголовной полиции. Санкт-Петербург: Питер, 2004. 202 с.
9. Токсанбаев А. Интерпол — международная организация полицейских служб: основные принципы, структура и полномочия // Правовая реформа в Казахстане. 2002. № 3. С. 61–67.
10. Устав Международной организации уголовной полиции Интерпола от 13 июня 1956 г. (в ред. по состоянию на 01.01.1986 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901939> (дата обращения: 11 авг. 2023).
11. Interpol: официальный сайт. URL: <https://www.interpol.int/> (дата обращения: 31.05.2023).
12. Из истории Интерпола. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Upravlenija/Nacionalnoe_centralnoe_bjuro_Interpola/Iz_istorii_Interpola (дата обращения: 11 авг. 2023).
13. Зайцева Е. С. Система международных уведомлений Интерпола. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/26931-sistema-mezhdunarodnykh-vedomlenij-interpola> (дата обращения: 11 авг. 2023).

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АТР

GRAZHDANSKO-PRAVOVYE PROBLEM SRAVNITELNOGO PRAVOVEDENIA V STRANAH ATR

УДК 347.78

К вопросу о ChatGPT и защите авторских прав в Китае и России

© Ван Цзыюэ

аспирант 2-го курса,
Китайский университет политических наук и права
г. Пекин, Китай
1005157502@qq.com

В данной статье анализируются сходства и различия в законодательстве об авторских правах, связанных с искусственным интеллектом в Китае и России, делается акцент на два вопроса: 1. Имеет ли место нарушение авторских прав при использовании ChatGPT? 2. Должны ли результаты работы ChatGPT быть защищены авторским правом? Поскольку в обеих странах существует конфликт между развитием передовых технологий и отставанием законодательства. Данная статья также предлагает идеи для совершенствования законодательства о защите интеллектуальной собственности в области искусственного интеллекта.

Ключевые слова: AIGC, ChatGPT, авторские права, интеллектуальная собственность.

Questions about ChatGPT and copyright protection in China and Russia

© Wang Ziyue

2st year postgraduate student,
Chinese Political and Legal University
Beijing, China
1005157502@qq.com

This article analyzes the similarities and differences in copyright laws, related to Artificial Intelligence in China and Russia, and focuses on two questions: 1. Is there a copyright violation when using ChatGPT? 2. Should the creations of ChatGPT be protected by copyright? Since there is a conflict between advanced technology development and lagging legislation in both countries. This article also offers ideas for improving intellectual property protection laws in the field of artificial intelligence.

Key words: AIGC, ChatGPT, copyright, intellectual property.

Генеративный Искусственный интеллект в представлении ChatGPT.

В настоящее время продолжает расширяться область применения искусственного интеллекта (далее – «ИИ»). Он используется в составлении новостей, рисовании текстов, анализе отчетов и статистической обработке данных. ИИ также играет ключевую роль в создании аудио и видео.

Однако нельзя игнорировать правовые вопросы, связанные с искусственным интеллектом. Лингвист Аврам Ноам Хомский в интервью обвинил ChatGPT в высокотехнологичном плагиате. Американский журнал «Наука» («Science») отказался принимать статьи, созданные с помощью ChatGPT. Он также запретил ChatGPT быть соавтором статей.

Существуют некоторые различия в законодательстве разных стран. Япония и Евросоюз расширили область разумного использования в законодательстве об авторских правах, добавили «добычу текстовых данных» в ИИ в качестве нового примера разумного использования [1, с. 2]. Однако в Китае и России соответствующее законодательство все еще находится в стадии обсуждений и исследований.

В июне 2020 г. выпущен GPT-3. Он использует технологию, известную как Transformer, которая основана на модели машинного обучения под названием GPT (Generative Pretrained Transformer). Это позволяет анализировать и обрабатывать текст на уровне натурального языка. Затем в марте 2023 г.

OpenAI представила свою четвертую версию программного обеспечения – GPT-4. На веб-сайте OpenAI указывается, что GPT-4 более творческий и сотрудничающий [2]. Данная модель позволяет ИИ генерировать и редактировать тексты вместе с пользователями. Также с его помощью можно выполнить творческие и технические задачи по написанию текстов, включая сочинение песен, написание сценариев или изучение стиля письма пользователя.

В отличие от ChatGPT, который ограничивается генерацией текстовых ответов, GPT-4 позволяет пользователям использовать изображения в качестве входных данных. На основе предоставленного изображения GPT-4 может генерировать комментарии или даже код. Другие приложения OpenAI (Dall-E и Midjourney) предлагают моделирование текста в изображение.

Риски нарушения авторских прав ChatGPT.

В мае 2020 г. OpenAI опубликовала статью «Language Models Are Few-Shot Learners», в которой указано, что для обучения компания преимущественно использует данные из CommonCrawl, WebText, Википедии и библиотек книг. Однако стоит отметить, что не все произведения в этих данных находятся в общественном достоянии и не все получили от правообладателя разрешение на использование. Содержание, сгенерированное ChatGPT, может иметь большое сходство с ранее созданными работами других людей. В некоторых случаях это может привести к существенному сходству. В соответствии с пользовательским соглашением OpenAI пользователи несут ответственность за весь контент, введенный и выведенный при использовании ChatGPT. Права на этот контент уже переданы пользователю [3]. То есть, если созданное с помощью ИИ изображение нарушает чьи-то авторские права, то ответственность за это может лечь на пользователя.

Как члены Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1986 г. и Соглашения ТРИПС Китай и Россия принимают принцип творческого права, известного как «принцип автоматической защиты», согласно которому авторы автоматически получают защиту авторских прав с момента создания произведения.

В отношении конкретных деталей, ст. 45 и 46 Закона Китайской Народной Республики об авторских правах [4] определяют 15 видов нарушения авторских прав и смежных прав, а также гражданскую, административную и уголовную ответственность, которую несут лица, виновные в нарушении авторского права и смежных прав. Ст. 52 четко указывает, что представление коллективно созданного произведения без согласия соавтора, искажение или изменение произведения другого автора, плагиат и другие подобные действия являются нарушением авторских прав [5, с. 47].

В России правовые отношения в области авторских прав регулируются положениями гражданского законодательства. Ст. 1259 ГК РФ содержит полный перечень объектов авторских прав. Согласно п. 1 ст. 1259 ГК РФ, «объектами авторских прав являются произведения науки, литературы и искусства независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения». Ст. 1266 ГК РФ предусматривает неприкосновенность произведения и защиту произведения от искажений. В ней указано, что никакие изменения, аннотации или пометки об использовании авторской работы без согласия автора не допускаются (п. 1 ст. 1266 ГК РФ) [6].

Однако можно увидеть, что в практике использования ChatGPT требуется дальнейшая интерпретивная и нормативная работа в области законодательства. Например, в ответах ChatGPT могут быть использованы несанкционированные произведения, но в результате значительной оптимизации на уровне алгоритма, сложно однозначно определить их характер как копирование или изменение на текстовом уровне. ChatGPT может генерировать ложную информацию и неправильно связывать ее с авторами, что также затрудняет сделать вывод о том, нарушает ли это законные интересы правообладателей. Кроме того, в отношении «Программы для ЭВМ», упомянутой в ст. 1261 ГК РФ как объекта объективной формы, нет нормативного определения для случаев нарушения права на интеллектуальную собственность заинтересованных лиц.

Имеет ли творчество ChatGPT авторские права?

У Бюро авторских прав США давно существует позиция, что произведения, созданные нечеловеческими субъектами, включая машины, не защищаются авторскими правами. Следовательно, продукт генеративной ИИ-модели не может быть объектом авторских прав [7, с. 1]. С юридической точки зрения эти ИИ-системы, включая генераторы изображений, генераторы музыки и чатботы (ChatGPT и LaMDA) не могут считаться авторами материала, который они производят.

В законодательстве Китая и России содержится подробное определение авторства. В ст. 3 действующего Закона КНР об авторских правах указывается, что произведение – это интеллектуальный результат в области литературы, искусства и науки, обладающий оригинальностью и способный про-

являться в определенной форме. Оригинальность в этом контексте указывает на уникальность, созданную независимым процессом создания. Интеллектуальный результат является результатом работы человеческого мозга. В то же время Закон КНР об авторских правах ясно указывает, что субъект авторских прав – это физическое или юридическое лицо, которое в соответствии с законом обладает авторскими правами на произведение.

Следует отметить, что «Произведение представляет собой выражение определенной идеи или концепции человеком, расширение его мыслей, чувств и душевного состояния», «Акцент континентального права на моральные права автора исходит именно из факта творчества произведения натуральным лицом» [8, с. 152].

Согласно п. 1 ст. 1228 ГК РФ автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат. В ст. 1257 ГК РФ отмечается, что автором произведения является гражданин, чьим творческим трудом оно создано. Закон признает субъектом авторских прав физическое лицо, человека [9]. Отмечается следующее: «То есть результаты интеллектуальной деятельности, созданные ИИ, объектами авторских прав быть не могут, так как не созданы автором (человеком)» [10, с. 208].

В то же время существует другой подход к данному вопросу, а именно, может ли ChatGPT обладать авторскими правами на произведение в качестве соавтора? Согласно данным, опубликованным Semantic Scholar, в течение шести недель после запуска ChatGPT уже появился в двух публикациях под своим авторством, получил статус соавтора в 12 случаях и даже был цитирован в одной научной статье [11]. Некоторые ученые предлагают новую точку зрения. Профессор Вандербильтской юридической школы Даниэль Жерве указывает: «Если машина и человек работают вместе, но вы можете разделить то, что сделал каждый из них, то авторские права будут сосредоточены только на части, выполненной человеком» [12, с. 8].

Согласно ст. 13 Закона КНР об авторских правах, «авторские права на произведение, созданные в соавторстве двух или более людей, принадлежат совместно всем авторам». Однако для статуса соавтора необходимы два элемента: согласие на совместное создание произведения (намерение сотрудничать) и участие в совместном создании. Исходя из этого, ChatGPT как инструмент, помогающий автору в написании, явно не имеет «намерений» или «действий», исходящих от его собственной воли.

Подобное законодательство также присутствует в ГК РФ. Согласно п. 1 ст. 1288, одним из необходимых условий для становления соавтором является совместная творческая деятельность. В законе подчеркивается, что те, кто не принимал непосредственного участия в процессе создания произведения, не считаются соавторами. Если они оказывали автору техническую, организационную, материальную помощь или выполняли другую роль, это не считается творческой деятельностью.

Из этого можно увидеть, что как в Китае, так и в России ни в одном из существующих правовых актов прямо не упоминаются и не урегулированы вопросы, связанные с защитой прав на произведения, созданные при помощи искусственного интеллекта. Определение статуса генеративного ИИ все еще неясно. Многие правоведы полагают, что для развития ИИ в своих странах необходимо законодательно защищать его и результаты его работы. Существует мнение, что отказ от признания правового статуса продуктов ИИ в Законе КНР об авторских правах приведет не только к хаосу в области авторских прав, но и к тому, что экономическая ценность таких продуктов не сможет быть реализована, инвесторы не получат возврата инвестиций, что серьезно помешает развитию отрасли ИИ [13, с. 2]. Противники утверждают, что правовая защита ИИ может негативно повлиять на энтузиазм и качество творчества людей, приведя к тому, что «плохие деньги вытесняют хорошие».

В настоящее время ИИ является лишь дополнением к человеческой творческой деятельности и отсутствует законодательная практика, поэтому подход к этому вопросу должен быть осмотрительным.

Дальнейшие попытки изменений в китайском и российском законодательстве и практике.

В связи со спорами о правах на интеллектуальную собственность для ИИ на данный момент большинство стран в мире не признают или запрещают ChatGPT владеть авторскими правами. Однако с развитием новых технологий и ростом общественного спроса законодатели вынуждены рассмотреть вопрос об ускорении процесса законодательства в области ИИ.

30 апреля 2023 г. руководитель в области регулирования технологий блока Маргрете Вестагер заявила, что вероятно, в этом году Европейский Союз достигнет политического соглашения, которое проложит путь к первому в мире значительному закону об искусственном интеллекте. Она сказала, что EU AI Act «проинновационен», поскольку он стремится смягчить риски общественного вреда от

новых технологий. Регуляторы по всему миру пытаются найти баланс, где правительства могли бы разработать «рамки» для новых технологий искусственного интеллекта без ущерба для инноваций [14].

В то же время, Китай и Россия также сделали некоторые позитивные попытки внесения изменений в законодательстве и на практике и достигли определенных результатов. Одним из примеров этого является гражданское решение Народного суда округа Наньшань г. Шэньчжэнь пров. Гуандун о признании авторских прав у искусственного интеллекта от 25 ноября 2019 г. [15]. Признано, что новостная статья, написанная программой для написания текстов Dreamwriter, обладает оригинальностью и соответствует требованиям к литературному произведению. Это дело отражает отдельный мотив для признания авторских прав, который заключается в защите первоначальных инвестиций в творческие процессы [16, с. 836].

В Китае также постепенно развивается регулирование искусственного интеллекта. Правила управления глубокой синтезацией информационных услуг в Интернете, вступившие в силу с 10 января 2023 г., являются основным законодательством, регулирующим ChatGPT и подобные проекты. В частности, п. 23 называет «технологии глубокого синтеза для генерации или редактирования текстового содержания, такие как генерация статей, трансформация стиля текста, диалог вопрос-ответ» объектами регулирования настоящего законодательства. Главная цель данного закона – усилить контроль рисков новейших технологий со стороны государственных административных органов [17].

В Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 сформированы задачи развития искусственного интеллекта, а также меры, направленные на его использование в целях обеспечения национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов, в том числе в области научно-технологического развития [18]. В Распоряжении от 19 августа 2020 г. № 2120-р «О Концепции развития регулирования в сфере ИИ и робототехники до 2024 года», выпущенном Правительством РФ, подчеркивается, что правовое управление результатами интеллектуальной работы, созданными при помощи систем искусственного интеллекта, представляет собой одну из ключевых проблем в этой области [19].

Очевидно, что в обеих странах уделяется все больше внимания к законодательству об искусственном интеллекте. Несмотря на отсутствие прямого законодательства для разрешения споров на ChatGPT уже ведется работа над соответствующими законодательными инициативами.

В завершении следует отметить, что 16 мая 2023 года генеральный директор OpenAI Сэм Альтман принял участие в слушаниях в сенате США по вопросам надзора за искусственным интеллектом, где ответил на актуальный вопрос о нарушении авторских прав ChatGPT. Он подчеркнул, что направление развития в будущем будет связано с выработкой лучшей нормативной политики и расширением сотрудничества с художниками (писателями).

С точки зрения практики, искусственный интеллект продолжает развиваться, и вопрос о его возможности владения авторскими правами зависит от его способности к творчеству на основе личной воли, а не подчинения программам и указаниям, разработанным человеком. Однако перед этим следует сначала обеспечить неприкосновенность интеллектуальных достижений человеческого интеллекта. Необходимо больше размышлять о том, как создавать законодательство для использования инструментов искусственного интеллекта, и всегда быть готовыми к более тщательному изучению на более детальном уровне.

Литература

1. 李若一, 王林, 贾骥业. ChatGPT背后的知识产权风险[N]. 中国青年报, 2023-02-21(006).
2. OpenAI. OpenAI's GPT-4 Website. URL: <https://openai.com/product/gpt-4> (дата обращения: 10 апр. 2023).
3. OpenAI. OpenAI's Terms of Use. URL: <https://openai.com/policies/terms-of-use> (дата обращения: 10 апр. 2023).
4. WIPO. Copyright Law of the People's Republic of China. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/466268> (дата обращения: 10 апр. 2023).
5. 郑思成. 知识产权法[M]. 1. 北京:法律出版社, 2007.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): федер. закон [от 18 декабря 2006г. № 230-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.
7. Ellen Glover. "AI-generated Content and Copyright Law: What We Know." Built in, 2023. URL: <https://builtin.com/artificial-intelligence/ai-copyright>
8. 李明德, 许超. 著作权法[M]. 北京:法律出版社, 2003: 5-345.

9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): федер. закон [от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.
10. Орлова Т.Е. Авторское право на результаты деятельности искусственного интеллекта // Вопросы российской юстиции. 2022. № 21. С. 204–221.
11. Osmanovic-Thunström, Almira and Steinn Steingrímsson. “Does GPT-3 qualify as a co-author of a scientific paper publishable in peer-review journals according to the ICMJE criteria? A case study.” *Discover Artificial Intelligence* 3 (2023): n. pag.
12. Gervais, Daniel J., *AI Derivatives: the Application to the Derivative Work Right to Literary and Artistic Productions of AI Machines* (February 8, 2022). *Seton Hall Law Review*, Vol. 53, 2022, *Vanderbilt Law Research Paper* No. 22-12
13. 赵新乐,朱丽娜. ChatGPT爆火,带来哪些版权问题? [N]. 中国新闻出版广电报, 2023-02-16(005). DOI:10.28907/n.cnki.nxwcb.2023.000460.
14. EU eyes new rules for generative AI this year: Vestager. URL: <https://asia.nikkei.com/Editor-s-Picks/Interview/EU-eyes-new-rules-for-generative-AI-this-year-Vestager>
15. Tencent v. Yingxun Tech // *China Law Portal*. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/2019-yue-0305-min-chu-14010/intro> (дата обращения: 10 апр. 2023)
16. Chesterman, S. (2020). ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND THE LIMITS OF LEGAL PERSONALITY. *International & Comparative Law Quarterly*, 69(4), 819-844.
17. 中华人民共和国国家互联网信息办公室. 互联网信息服务深度合成管理规定[EB/OL]. 2022. // [Электронный ресурс] - URL: http://www.cac.gov.cn/2022-12/11/c_1672221949354811.htm. (дата обращения: 10 апр. 2023).
18. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации [от 10 октября 2019 г. № 490] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2019. - № 41. - Ст. 5700.
19. Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.: распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2120-р // Официальный сайт справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 23 авг. 2023).

УДК 347(510+470)

Сравнительно-правовой анализ институтов находки и клада по гражданскому законодательству Китайской Народной Республики и Российской Федерации© **В. А. Вашагин**

студент 2-го курса

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

Vadimka02042003@yandex.ru

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу гражданского законодательства в Китае и России, а именно анализу институтов находки и клада. При изучении законодательства КНР и РФ выявляются характерные черты каждого из институтов, выделяются черты сходства и различия для разграничения понятий. Сделаны выводы о законодательстве каждой страны в отдельности, которые сравнивались между собой.

Ключевые слова: вещные права, находка, клад, юридические факты, гражданское право, Россия, Китай.

Comparative-legal analysis of institutes of findings and cases of civil legislation of the Kitaysk Narodnoi Respubliki and Russian Federation© **V. A. Washagin**

2nd year student

Banzarov Buryat State University

Russia, Ulan-Ude

Vadimka02042003@yandex.ru

The article is devoted to the comparative legal analysis of civil legislation in China and Russia, namely, the analysis of the institutions of discovery and treasure. When studying the legislation of the People's Republic of China and the Russian Federation, the characteristic features of each of the institutions are revealed, similarities and differences are highlighted to distinguish concepts. Conclusions were drawn about the legislation of each country separately, which were compared with each other. Based on the studied legislation, the author comes to conclusions that are related to the treasure and the find.

Key words: property rights, finding, treasure, legal facts, civil law, Russia, China.

В настоящее время стремительно развиваются отношения между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией. Их предметом являются различные сферы общественной жизни – экономические, политические, социальные. Особое внимание уделяется законодательной деятельности двух стран, а именно, гражданскому законодательству. Интерес, связанный с вопросами вещных прав в России, объясняется, её историческим развитием, в ходе которого было утрачено множество ценностей, которые может найти любой гражданин. В КНР интерес к кладу и находке, связан с формированием нормативно-правовой базы, ведь до 1 января 2021 года в Китае отсутствовал кодифицированный нормативный акт, регулирующий гражданские правоотношения.

Вопросы собственности и иных вещных прав являются одними из ключевых в законодательстве любой страны. Перечисляя основания возникновения права собственности, среди прочих законодатель называет клад и находку. Эти институты гражданского права очень важны, так как дают возможность установить собственника на бесхозные вещи.

Гражданский кодекс Российской Федерации, принятый в 1994 году, разделяет понятия «находка» и «клад», закрепляя их в ст. 227 и ст. 233, соответственно. Обе они являются приоритетными и закреплены в главе 14, посвященной праву собственности [3]. Однако при употреблении данных терминов важно четко понимать их суть, сходство и различие, ведь от этого будет зависеть правильное их применение на практике.

Согласно ст. 227 ГК РФ нет законодательного закрепления понятия «находка», но согласно комментариям Баринаова, Михалева к ГК РФ [7, с. 472], они определяют «находку», как движимую вещь, выбывшую из владения собственника или иного управомоченного на владение лица помимо их воли вследствие потери и обнаружения её кем-либо. В качестве находки могут выступать лишь движимые вещи. При этом важно отметить, чтобы вещь находилась в открытом пространстве, и не была сокры-

та, иначе, она уже становится кладом. Это является главным признаком, по которому можно отличить «находку» от «клада».

Рассматривая правоотношения, связанные с находкой, необходимо определить круг лиц, которые являются участниками данных правоотношений. Доктрина гражданского права выделяет следующих субъектов [11, с. 126]:

- лицо, нашедшее потерянную вещь;
- лицо, потерявшее вещь;
- полиция;
- орган местного самоуправления.

В диспозиции ст. 227 ГК РФ, указывается, что любой человек, нашедший потерянную вещь, обязан уведомить об этом лицо, которое потеряло её, тем самым возвратив находку. При этом если нашедший не знает, кому принадлежит вещь, или место её владельца определить невозможно, то он обязан сообщить об этом в полицию или органы местного самоуправления. Однако если вещь является скоропортящейся, то нашедший вправе реализовать её, но должен получить письменные доказательства, согласно которым будет удостоверена сумма выручки. Кроме этого, ГК РФ накладывает обязанности на лицо, которым была найдена вещь по её сохранности, а в случае, повреждения или утраты оно обязано вернуть денежную сумму, равную стоимости вещи.

Важно понимать, что из диспозиции ст. 227 ГК РФ не вытекает получение права собственности на найденную вещь. Но, ст. 228 ГК РФ посвящена приобретению права собственности на находку, и гласит о том, что если в течение шести месяцев с момента заявления о находке, лицо, управомоченное получить данную вещь не будет найдено, то нашедший приобретает её в собственность. Также, лицо нашедшее вещь, имеет право отказаться от неё, в таком случае вещь переходит в муниципальную собственность.

Таким образом, под находкой понимается случайное обнаружение вещи, которая находилась на открытой территории, лицом, которое не обладает правом собственности на неё [11, с. 124]. Тем самым, данный юридический факт порождает правоотношения с определенными правами и обязанностями лиц, которые в них задействованы.

Говоря о «кладе» следует обратиться к ст. 233 ГК РФ, которая даёт четкое определение данному понятию. Клад – то есть зарытые в земле или сокрытые иным способом деньги или иные ценные бумаги, собственник которых не может быть установлен, поступает в собственность лица, которому принадлежит имущество, где клад был сокрыт, или лицу, обнаружившему клад. В качестве клада могут выступать лишь движимые вещи, ровно, как и с находкой. Данное определение строилось на основных признаках, которые ученые цивилисты давали кладу – должен быть сокрыт, находится в земле, иметь ценность.

Рассматривая правоотношения, связанные с кладом, необходимо определить круг лиц, которые являются участниками данных правоотношений. Доктрина гражданского права выделяет следующих субъектов [11, с. 127]:

- лицо, нашедшее клад;
- собственник участка, на котором найден клад;
- государство, в лице публичных органов.

В случае, когда обнаруженный клад является культурной или исторической ценностью, а его владельца установить нет возможности, он переходит в государственную собственность. Собственник земельного участка, где был найден клад, или лицо, нашедшее его, имеют право на получение вознаграждения в размере пятидесяти процентов от стоимости клада. Для определения стоимости клада, его культурной ценности необходимо воспользоваться «Перечнем культурных ценностей, подпадающих под действие Закона Российской Федерации «О вывозе и ввозе культурных ценностей» от 14 марта 2008г. № 117 [5, с. 3-5], данный перечень по настоящее время является открытым.

Чтобы возникли правоотношения, связанные с обнаружением клада, необходимо наличие следующих условий: отсутствие владельца клада или невозможность его определения по закону; наличие права на имущество, где клад был найден; отнесение клада к историческим или культурным ценностям. Именно эти признаки позволяют бесхозную вещь назвать кладом и отличить данный институт от других.

Необходимо отметить, что диспозиция ст. 233 ГК РФ, не отмечает права владения кладом за лицом, которое его найдёт, а закрепляет только государственную собственность. Можно лишь отметить

ограниченность вещного права, до момента принудительного выкупа со стороны государства за половину стоимости клада.

Таким образом, под кладом понимается обнаружение вещи, которая находилась под землей, лицом, которое не обладает правом собственности на неё [11, с. 129]. Тем самым, данный юридический факт порождает правоотношения с определенными правами и обязанностями лиц, которые в них задействованы.

Если сравнивать институты «находки» и «клада», то можно заметить много общего между ними. Например, и клад, и находка должны быть кем-то обнаружены; являются движимым имуществом и не могут быть недвижимостью; можно приобрести право собственности на них. Но есть и значительные отличия, которые позволяют отграничить находку и клад. Например, клад всегда должен находиться под землей, а находка должна быть в открытом доступе; находкой не могут являться культурные объекты, а клад имеет статус исторической и(или) культурной ценности; в отношении права собственности на находку установлен срок в шесть месяцев, по отношению к кладу таких сроков не установлено [8, с. 22]. Таким образом, законодатель проводит границу между понятиями «клада» и «находки» в российском законодательстве, что позволяет избежать судебных казусов. Судебная практика по данным вопросам только развивается, но случаи применения судами ст. 227 и 233 имеются [9, с. 78].

Каким образом регулируется данный вопрос в гражданском законодательстве Китайской Народной Республики?

Гражданский кодекс Китайской Народной Республики, принятый 28 мая 2020 года [13], не разграничивает понятия «клад» и «находка» [6, с. 32]. Этим институтам посвящены ст. 314-319 ГК КНР. Данные статьи являются приоритетными и закреплены в 9 главе 2 книги «Особые положения о приобретении права собственности». Однако для правильного применения данных терминов на практике важно четко понимать их сходство и отличия.

Действующее законодательство Китая не даёт определения «находке», поэтому, необходимо обратиться к доктрине гражданского права. Под «находкой» – понимается движимая или недвижимая вещь, которая была из владения собственника или иного управомоченного на владение лица [10, с. 399]. Лицо, которое обнаружило вещь, должно своевременно уведомить правообладателя о находке, а если это невозможно, то передать её соответствующему органу.

Рассматривая правоотношения, связанные с находкой, необходимо определить круг лиц, которые являются участниками данных правоотношений. Доктрина гражданского права выделяет следующих субъектов [10, с. 405]:

- лицо, нашедшее потерянную вещь;
- лицо, потерявшее вещь;
- соответствующий надзорный орган.

Далее орган должен передать находку владельцу, а если последний неизвестен, то дать об этом публичное сообщение. Все находки должны надлежащим образом храниться у лиц, которые нашли их. За их повреждение или утрату в результате крайней небрежности предусмотрена гражданско-правовая ответственность. Лицо, которому принадлежит вещь, должен возместить все издержки за хранение вещи, а также дополнительные расходы, которые были понесены лицом, которым хранило или нашло вещь. Если по истечении одного года после публичного сообщения вещь остаётся невостребованной, то она переходит в собственность государства [12, с. 134].

Таким образом, под находкой понимается случайное обнаружение вещи, которая находилась на открытой территории, лицом, которое не обладает правом собственности на неё [6, с. 36]. Тем самым, данный юридический факт порождает правоотношения с определенными правами и обязанностями лиц, которые в них задействованы.

Отдельное внимание стоит обратить на ст. 319 ГК КНР [12, с. 137], диспозиция которой гласит о том, что если вещь обнаружена в воде, был найден клад или спрятанная вещь, то применяются соответствующие положения о находке. Из этого следует, что китайский законодатель не разделяет понятия «клада» и «находки». Однако в практике существует несколько правовых коллизий. Если обнаруженный клад будет относиться к памятникам культуры, согласно китайскому законодательству [4], то он автоматически переходит в собственность государства, а лицо, нашедшее клад, или лицо, на чьем участке оно располагалось не получает ничего. Благодаря этому различию, доктрина гражданского права Китая даёт все-таки возможность отграничить понятия «клад» и «находка».

В связи с этим, можно сделать выводы, что действующий ГК КНР, вступивший в силу в 2021 году, имеет правовые пробелы, которые следует урегулировать путем внесения изменений в ГК КНР.

Таким образом, гражданское законодательство Российской Федерации и Китайской Народной Республики в сфере регулирования вещных прав имеют много схожих позиций. Это связано с тем, что гражданское законодательство Китая формируется, используя при этом опыт стран ближнего зарубежья, к которым относится Россия, Монголия, часть европейских стран. Кроме того, при разработке нормативно-правовых актов учитывается и находит отражение обстановка в стране, её исторический опыт, мнение и традиции народа, что определяет его своеобразие, национальные особенности, отличие от других национальных правопорядков.

Отмечая это, необходимо уточнить, что ГК РФ более развит в сфере «находки» и «клада», даёт более чёткие определения, определяет правовые последствия и разделяет данные понятия. Кроме этого, Россия высоко оценивает человеческий ресурс, и считает необходимым делиться с лицом, нашедшим клад прибылью от него.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: основной закон [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с пос. изм. и доп.)] // Официальный сайт справочно-правовой системы «Консультант плюс» - Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (11. авг. 2023).
2. Конституция Китайской Народной Республики 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004, 2018 г.). URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/constitution-of-china-20180318> (дата обращения: 24 авг. 2023).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1): федер. закон [от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Закон Китая о культурных ценностях 中国文物法 / 文化财产法. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/constitution-of-china-20180318> (дата обращения: 24 авг. 2023).
5. Приложение № 1 к приказу Федеральной службы по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия от 14 марта 2008 г. № 117 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2008. № 24.
6. Алексеев А. П. Характерные черты Гражданского кодекса КНР // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 12 (133). декабрь С. 199–211.
7. Баринов Н. А., Барышев С. А., Бевзюк Е. А., Беляев М. А., Бирюкова Т. А., Вахрушева Ю. Н., Михалева Т. Н. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Официальный сайт справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 23 авг. 2023).
8. Богун И. А. К вопросу о разграничении понятий «клад» и «находка» // Новый юридический вестник. 2022. № 1(34). С. 18–24.
9. Гук В. А. Особенности гражданско-правового регулирования правоотношений, возникающих при обнаружении клада // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 77–79.
10. Ербахаев Е. А. Новые Основные положения гражданского права Китайской Народной Республики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. Т. 10. № 2. 2019. С. 390–403.
11. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики = Civil code of the People's Republic of China / ответственный редактор Павел Владимирович Трощинский; руководитель проекта, редактор Александр Русланович Зайнигабдинов. Москва: Синосфера, 2020. 446 с.
12. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики, принят Третьей сессией 13-го Всекитайского собрания народных представителей 28 мая 2020 года (中华人民共和国民法典, 2020年5月28日第十三届全国人民代表大会第三次会议通过). URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/topics/civil-code> (дата обращения: 10 апр. 2023).

УДК 340(510)

**Пути совершенствования законодательства Китая: с учетом опыта
приобретательной давности России**© **Вэй Пуцзань**магистрант,
Китайский политико-юридический университет
Китай, г. Пекин
weipuzan@foxmail.com

Одним из важнейших событий современного Китая является принятие и вступление в силу Гражданского кодекса в 2021 г. Несмотря на это, в кодексе все еще не определена приобретательная давность, а отсутствие данного института вызывает ряд вопросов в определении вещного права. В статье сравниваются экономические и гражданские институты, культурные особенности России и Китая. Исследованы основания применения в законодательстве института приобретательной давности, правовые акты по данному институту и судебная практика в России. В статье отмечается, что с учетом опыта использования приобретательной давности в России, внедрение данного института в законодательство Китая возможно и необходимо.

Ключевые слова: приобретательная давность, вещное право, Россия, КНР, гражданское право.

**Ways to improve Chinese legislation: taking into account the experience
of acquisitive prescription in Russia**© **Wei Puzan**master's student,
China University of Politics and Law
China, Beijing
weipuzan@foxmail.com

One of the most important events in 2021 in China is the adoption and entry into force of the Civil Code. However, this code still does not define acquisitive prescription, and the absence of this institution raises a number of questions in the definition of property rights. The article compares the relative economic, civil institutions and culture of Russia and China. The grounds for the application of the institute of acquisitive prescription in the legislation, its legal acts and judicial practices in Russia are investigated. The article notes that, taking into account the experience of acquisitive prescription in Russia, the introduction of this institution is possible and necessary.

Key words: acquisitive prescription system; property law; Russia; China; civil law.

Понятие «давность», которое известно еще со времен развития римского права, является заимствованным в Китае. В процессе кодифицирования Гражданского кодекса КНР обсуждалась необходимость применения приобретательной давности в законодательстве, и можно прийти к выводу, что консенсус достигнут [1, с. 105]. Гражданский кодекс КНР вступил в силу в 2021 году, однако институт приобретательной давности не был внедрен. Считается, что в контексте современного вещного права Китая институт приобретательной давности не является основанием возникновения права собственности. Однако с точки зрения системы оснований возникновения права собственности, институт приобретательной давности является значимым институтом гражданского права, особенно в ситуации «разрыва факта и права».

Под «приобретательной давностью» понимается срок, по истечении которого лицо (гражданин или юридическое лицо), не являющееся собственником имущества, но открыто, добросовестно, непрерывно владеющее им как своим собственным имуществом, может приобрести право собственности на такое имущество [3, с. 65].

Институт приобретательной давности, существующий с целью обеспечения сформированного по истечении приобретательной давности порядка гражданского имущественного оборота, определения юридического отношения между сторонами и избежания трудностей в доказательстве факта по истечении времени [2, с. 143], появился в период трансформации собственности [4, с. 345], в переходе от системы общественной собственности к частной собственности. Термин «приобретательная давность» был известен еще две тысячи лет назад, но в настоящее время институт приобретательной давности по-прежнему сохраняет свою актуальность. Однако многие считают, что в Китае, вслед-

ствие социализма и ведущего роли государственной и коллективной собственности в сфере экономики, не было и не будет надобности в использовании приобретательной давности.

По В. И. Ленину, гражданское правоотношение социализма и коммунизма является публично-правовым. Вследствие влияния гражданского права РСФСР на гражданское законодательство современного Китая, институт приобретательной давности не используется. В настоящее время функционирует институт исковой давности.

Приобретательная давность как правовой институт в российском праве имеет долгую историю законодательного оформления, закрепления и применения [5, с. 125], которая связана с недостаточной защитой принципа частной собственности [5, с. 126]. После Октябрьской революции институт приобретательной давности был отменен и вновь появился в российском законодательстве только в 1990 г., когда Закон РСФСР от 06 марта 1990 года № 1305-1 «О собственности в РСФСР» был принят.

Для изучения необходимости применения института приобретательной давности в Китае, надо заимствовать опыт России, имеющей исторические, политические и общественные связи с Китаем, уходящие еще в 1920-е годы. Следует ответить на главные вопросы, препятствующие применению в Китае приобретательной давности опираясь на российский опыт.

Некоторые исследователи полагают, что существует противоречие между институтом приобретательной давности и основной экономической системой Китая. Китайская социалистическая система экономики характеризуется доминирующей ролью государственного сектора и общего развития экономических субъектов в условиях различных форм собственности. Государство и коллектив представляют интересы граждан, чтобы осуществлять контроль над некоторыми активами, природными ресурсами, правом на доходы, особенно в ключевых отраслях, которые связаны с национальной безопасностью и жизненным циклом национальной экономики. Несмотря на то, что в последние 40 лет правительство Китая непрерывно ищет баланс между командно-административной и рыночной системами отношений, но доля государственных активов в общем объеме социалистических активов остается высокой.

Переходная экономика является особым состоянием в эволюции экономики, функционирующей в период перехода от одной системы хозяйствования к другой. В России осуществлен переход экономики от общенародной собственности к рыночной экономике, как и в Китае. В этом процессе в России была проведена реформа сферы экономики и гражданского права. Результаты реформы отражены в Гражданском кодексе РФ.

Стоит отметить, что российский опыт необходимо заимствовать. С наличием серии приватизационных реформ среди владельцев вещей появились различные понятия для обозначения владельцев, различие обеспечивает возможность и необходимость обращения вещей. На основе системы частной собственности институт приобретательной давности развивается. В Китае ситуация аналогична. До реформ и открытости граждане владели лишь небольшими средствами производства. В 2004 году в Конституцию были внесены статьи о защите частной собственности граждан, а государство должно защищать богатство граждан, полученное различными законными способами. Реформа системы собственности поддерживает реформу экономической системы, а также требует введения вспомогательных правовых систем. В настоящее время в связи с «вакуумом вещных прав», вызванным истечением срока исковой давности, необходимо срочно получить срок исковой давности для восполнения пробела. Кроме того, в связи с многолетней практикой общественной собственности в Китае широко-масштабные общественные явления, такие как кооперативы, народные коммуны, «большой скачок» и «культурная революция», привели к нечеткости границ отношений собственности. Из-за этого возникающие споры трудно разрешимы, а институт приобретательной давности способствует стабилизации общественного и экономического порядка.

Многие ученые считают, что институт приобретательной давности позволяет получить право собственности просто путем владения через определенный период времени, что поощряет противоправное поведение и посягательство на чужое имущество. «Отдельные лица... получили бы легальную возможность присваивать результаты труда других, неосновательно обогащаться за чужой счет, получать нетрудовые доходы» [6, с. 38]. К примеру, Гражданский кодекс Советского Союза отрицательно относился к институту приобретательной давности и определял в ГК лишь исковую давность. Основная причина — «противодействие социалистической этике получения чего-либо даром». Согласно Л. Давиду, советское право основывалось на политических, экономических и моральных особенностях социализма.

Уникальные географические, исторические и культурные условия делают исторические и культурные традиции России более отдаленными от Запада, а учет Россией коллективных и национальных интересов в некоторых случаях стал частью доброй воли. Например, Конституция РФ считает, что при определении добросовестного владения необходимо учитывать не только личные интересы собственника, но и общественные интересы как один из критериев рассмотрения. Согласно судебной практике Конституционного Суда, добросовестные владельцы не являются собственниками имущества, а добросовестное владение является не юридическим правом, а фактическим состоянием [8, с. 153].

Можно отметить, что в критерии добросовестности балансирует социальная мораль, безопасность сделки и обращение товаров. Конрад Цвайгерт и Хайн Кетц указали, что по марксистской теории права, политическая и социальная функциональность права не только определяется социальными и экономическими отношениями в данное время, но и отражает социальную структуру, чтобы продвигать общество к установившемуся пути развития.

В странах, находящихся в той или иной степени под влиянием марксистской теории права, Гражданский кодекс представляет собой регулятор моральности общества и общественных отношений. Добросовестность, как критерий необходимый для приобретения права на собственность по давности владения, оказывает активное влияние на социальное регулирование. Добросовестность выражает духовную жизнь общества и стала воплощением нравственности в процессе правоприменения приобретательной давности.

Публичная собственность в основном имеет две формы — государственная собственность и коллективная. Некоторые исследователи считают, что средства производства, принадлежащие государству и коллективу не должны относиться к объектам приобретательной давности. Так как институт приобретательной давности является исключением из абсолютной защиты права собственности, то эта норма дает возможность незаконного завладения государственной и коллективной собственностью и влечёт за собой возможность ущерба государственного и коллективного имущества.

Другая причина неприменения государственного и коллективного средства производства к объектам приобретательной давности связана с непрямым управлением их имуществом. Государство и коллектив, как субъект приобретения права на собственность в силу приобретательной давности, управляет своими активами через правительство или некоммерческие организации, а такое управление может быть затруднено из-за слабой информационной обратной связи. Поэтому собственники общественного имущества часто находятся в пассивном состоянии и неудивительно, что сталкиваются с истечением срока приобретательной давности. Кроме того, вещное право на государственные активы осуществляется местным органом власти или другими ведомствами от имени всего народа, а применение приобретательной давности в отношении государственных активов может оставлять лазейки для коррупции.

По мнению КС РФ, приобретательная давность направлена на защиту «не только частных интересов собственника и владельца имущества, но и публично-правовых интересов, как то: достижение правовой определенности, возвращение имущества в гражданский оборот, реализация фискальных целей» [7]. Вышеизложенное позволяет прийти к выводу, что частная собственность определяет наличие рисков, в том числе и в отношении публичных интересов. Лицу, обладающему вещным правом, при осуществлении юридических действий надо учитывать возможности ущерба интересам государства, общества или третьих лиц. Институт приобретательной давности играет неотъемлемую роль в определении права собственности. В системном подходе к защите имущества в частности. Владение при приобретательной давности защищается, так как при наличии видимости прав, образованных длительным владением, закону необходимо отказаться от защиты собственника в целях обеспечения имущественного порядка.

И все же не даются ответы на вопросы, связанные с другими гражданскими институтами. В первую очередь, это касается института исковой давности. Исковая давность и приобретательная давность относятся к институтам давности, основанием для которых часто является незаконное владение. На основе незаконного владения возникают вопросы о взаимосвязи между сроком давностного владения и сроком исковой давности: что надо делать, если собственник не может взыскать имущество, а владелец при этом открыто, непрерывно владел имуществом как своим?

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) [9] в данном случае дает ответы. Согласно ст. 234, течение срока приобретательной давности в отношении вещей, находящихся у лица, из владения которого они могли быть истребованы в соответствии со статьями 301 и 305

ГК РФ, начинается со дня поступления вещи в открытое владение добросовестного приобретателя, а в случае, если было зарегистрировано право собственности добросовестного приобретателя недвижимой вещи, которой он владеет открыто, - не позднее момента государственной регистрации права собственности такого приобретателя. Из этого также следует, что в определенных случаях владлец, открыто, непрерывно, но не добросовестно владеющее имуществом, приобретает собственность по давности владения.

По мнению некоторых китайских ученых, неясным остается то, что добросовестное приобретение и регистрация на недвижимое имущество - препятствуют ли реализации приобретательной давности. В рамках российского гражданского законодательства к объектам приобретения права собственности в силу добросовестного приобретения не относится пропaja. Право собственности на бесхозные вещи и клады приобретено также по давности владения, что определено как собственность на вышеуказанное имущество и позволяет их вернуть в гражданский оборот.

Регистрация на недвижимое имущество не представляет собой препятствие применения изучаемого института. Напротив, данный институт способствует совершенствованию института регистрации прав на имущество. Согласно китайскому и российскому гражданским кодексам, право собственности на недвижимое имущество приобретено с момента регистрации. Надо отметить, что регистрация не всегда правильна. В такой ситуации, приобретательная давность позволяет компенсировать недостаток регистрации. Вместе с тем, приобретательная давность представляет в данном случае некий баланс интересов между выживанием и интересами права собственности, ведь недвижимое имущество, к примеру, квартира или дом – это материальная основа выживания и развития каждого человека.

Литература

1. 房绍坤: 《论民法典物权编与总则编的立法协调》, 载《法学评论》2019年第1期, 第105页等。
2. 梁慧星、陈华彬: 《物权法》(第五版), 法律出版社2010年版, 第143页。
3. 温世扬: 《〈民法典〉物权编的守成、进步与缺憾》, 载《法学杂志》2021年版第2期, 第65页;
4. 周枏: 《罗马法原论》(上册), 商务印书馆1994年版, 第345页。
5. Сибатулина С. Ю. Проблема развития института приобретательной давности в российском праве. // Вестник магистратуры. 2016. № 6(57). Т. III. С. 125–128.
6. Юрченко В. С. Охрана имущественных прав советских граждан [Текст] / В. С. Юрченко. Минск: Изд-во Академии наук БССР, 1962. 151 с.
7. По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Волкова: постановление Конституционного Суда РФ [от 26 ноября 2020 N 48-П] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 49. Ст. 8028.
8. Несмеянова И. А. Приобретательная давность: законодательство и судебная практика // Образование и право. 2019. № 5. С. 146–158.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

УДК 341.01(470+510)

**Внедоговорные обязательства по законодательству РФ и КНР:
сравнительно-правовое исследование**

© Гу Яньжу
студентка 3-го курса,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
Россия, г. Новосибирск
1846555913@qq.com

В статье рассматриваются понятие, основание и условия возникновения внедоговорных обязательств в гражданских кодексах КНР и РФ, формулируется вывод о схожей природе данных обязательств. Также в статье приводятся позиции исследователей о понятии и правовой сущности внедоговорных обязательств. Цель работы – рассмотреть внедоговорные обязательства, основываясь на законодательствах двух стран – России и Китая, сравнить и охарактеризовать толкование внедоговорных обязательств российскими и китайскими исследователями. В работе используются общенаучные и специальные методы исследования (аналогия, анализ, синтез, сравнительный метод).

Ключевые слова: внедоговорные обязательства; деликтные обязательства; деликтная ответственность; квазидоговор; Гражданский кодекс КНР.

Non-contractual obligations under the laws of the Russian Federation and the People's Republic of China: comparative legal research

© Gu Yanzhu
3rd year student
Novosibirsk National Research State University
Russia, Novosibirsk
1846555913@qq.com

The article examines the concept, basis and conditions for the emergence of non-contractual obligations in the civil codes of the PRC and the Russian Federation, and formulates a conclusion about the similar nature of these obligations. The article also presents the positions of researchers on the concept and legal essence of non-contractual obligations. The purpose of the work is to consider non-contractual obligations based on the laws of two countries – Russia and China, to compare and characterize the interpretation of non-contractual obligations by Russian and Chinese researchers. The work uses general scientific and special research methods (analogy, analysis, synthesis, comparative method).

Key words: non-contractual obligations; tort obligations; tort liability; quasi-contract; Civil Code of the People's Republic of China.

Согласно научной классификации обязательств, которая является общей для гражданского законодательства Китая и России, традиционно выделяется две категории обязательств: договорные и внедоговорные обязательства. При этом, принятые в России и Китае гражданские кодексы закрепили разные виды и основания возникновения внедоговорных обязательств, исходя из тех определений внедоговорных обязательств, которые следуют из содержания законодательства двух стран. Путем сравнения гражданских кодексов двух стран можно выявить сходства и различия между гражданским законодательством Китая и России в легальном и доктринальном толковании внедоговорных обязательств.

В принятом ГК КНР [1] отсутствуют общие принципы обязательственного права. Тем не менее, раздел, посвященный договорным обязательствам, такие принципы содержит. Иными словами, положения договорного права содержат общие положения для обязательственного права в целом. Таким образом, при рассмотрении споров, возникающих из внедоговорных обязательств, применяется специальное законодательство, в случае недостаточности которого, применяются общие положения договорного права.

Согласно п. 2 ст. 118 ГК КНР, обязательственные права возникают из договора, причинения вреда, действий в чужом интересе без поручения, неосновательного обогащения и других отношений, указанных в законе. Управомоченное лицо вправе требовать от определенного должника совершить

или не совершать определенное действие, вытекающее из договора, неправомерного действия, переговорного процесса, неосновательного обогащения или иного основания, указанного в законе. Отсюда следует, что внедоговорные обязательства включают: обязательства, возникающие в результате причинения вреда, действий в чужом интересе без поручения, неосновательного обогащения и других обязательств, возникающих из оснований, указанных в законе. Таким образом, внедоговорные обязательства возникают вследствие обстоятельств, указанных в законе.

В ГК КНР также закреплена система квазидоговоров, регулирующих обязательства, возникающих в результате действий в чужом интересе без поручения и неосновательного обогащения. Подразделы квазидоговоров и договоров включены в раздел договоров. Поскольку, как уже было сказано ранее, в ГК КНР отсутствует раздел, посвященный общим положениям обязательственного права, раздел, посвященный квазидоговорам, также выполняет функцию общих положений обязательственного права. Причина, по которой действия в чужом интересе без поручения и неосновательное обогащение классифицируются как квазидоговоры, заключается в том, что, по сути, у сторон нет намерения, и оно часто основывается на договоре. Положения о деликтной ответственности не могут быть применены для регулирования всех видов внедоговорных обязательств, поэтому раздел о квазидоговорах необходим в условиях отсутствия общих положений обязательственного права в ГК КНР. Причина, по которой обязательства, возникшие в результате причинения вреда, также регулируются самостоятельным разделом кодекса, заключается в необходимости специального регулирования деликтных обязательств, определения основания и условий деликтной ответственности, компенсации за причиненный вред.

ГК РФ [2] основывается на существующих принципах обязательственного права, характерных для традиционной системы гражданского права. В разделе, посвященном общим положениям обязательственного права, существуют подраздел общих положений об обязательствах, подраздел общих положений о договоре. В классификации видов обязательств, договорные и внедоговорные обязательства различаются лишь основаниями возникновения. Аналогичные положения содержатся в ГК Японии, в котором также к основаниям возникновения обязательств относятся договор, действия в чужом интересе без поручения, неосновательное обогащение и причинение вреда [10].

Некоторые ученые полагают, что внедоговорные обязательства в российском гражданском праве включают обязательства из односторонних сделок, деликтные обязательства и обязательства вследствие неосновательного обогащения [3, с. 153–173]. Обязательства из односторонних сделок, в свою очередь, включают публичное обещание награды, публичный конкурс и действия в чужом интересе. ГК РФ относит публичное обещание награды, публичный конкурс, действия в чужом интересе, обязательства вследствие неосновательного обогащения и обязательства вследствие причинения вреда к разделу отдельных видов обязательств и подробно регулирует каждое из перечисленных обязательств. Некоторые ученые также считают, что внедоговорные обязательства делятся на обязательства из односторонних сделок и охранительные [4]. Охранительные обязательства включают деликтные обязательства и обязательства, возникающие вследствие неосновательного обогащения, в то время как обязательства, возникающие в результате односторонних сделок, определяются только отсылочными нормами, содержащимися в статье 156 ГК РФ. Тем не менее, более распространенная точка зрения в настоящее время заключается в том, что внедоговорные обязательства включают: причинение вреда одним субъектом другому, приобретение или сбережение имущества за счет средств другого лица без достаточных оснований (неосновательное обогащение) и совершение некоторых действий в чужом интересе без поручения [5].

В российском гражданском праве отсутствует понятие квазидоговора в том виде, в котором оно существует в классификации обязательств в римском праве, а именно: договорные, деликтные, как бы договорные, как бы деликтные. По источнику возникновения обязательств, они классифицируются на договорные и внедоговорные обязательства. Договорные обязательства образуются на основе различных гражданско-правовых договоров. Внедоговорные обязательства возникают в результате таких фактов, как причинение вреда, неосновательное обогащение, публичное обещание награды, публичный конкурс, действия в чужом интересе без поручения. Так же, как и в ГК КНР, основания возникновения внедоговорных обязательств определяются законом.

Интересно, что при юридическом толковании ст. 980 ГК РФ (действия в чужом интересе без поручения) упоминается, что действия в чужом интересе без поручения были известны еще римскому праву, которое рассматривает такие действия как квазидоговорные обязательства. В своих комментариях исследователи определили это положение как наличие двух видов обязательств: обязательства, возникающие из фактических действий, направленных на предотвращение вреда здоровью, жизни

или имуществу другого лица, и обязательства, возникающие в результате совершения сделок в интересах другого лица без поручения, то есть действий, имеющих юридический характер [6]. Другими словами, хотя в российском гражданском законодательстве нет разделения обязательств на квазидоговорные и договорные, тем не менее, обязательства, возникающие из действий в чужом интересе без поручения, следуя существующим в литературе точкам зрения, и являются квазидоговорными обязательствами [7]. Здесь также следует отметить, что определение действий в чужом интересе без поручения в гражданском законодательстве Китая, России и Японии определяет его как обязательство, возникающее без договора, в отличие, например, от немецкого законодательства.

В ст. 1102 ГК РФ, посвященной неосновательному обогащению, закреплена еще одна разновидность внедоговорных обязательств, которое также является разновидностью охранительных обязательств, известного как кондикционное обязательство, согласно римскому праву [6]. Отнесение его к охранительному обязательству означает, что целью законодательства является защита личности или имущества граждан и имущества юридических лиц от ущерба.

Итак, путем анализа и сравнения можно обнаружить, что форма и структура внедоговорных обязательств в гражданских кодексах Китая и России различны, но на их толкование и применение влияют положения римского права об обязательствах. ГК КНР не содержит общих положений обязательственного права. Наличие разделов о договорах и деликтной ответственности привело к появлению подраздела о квазидоговорах, и включение в него действий в чужом интересе без поручения и неосновательного обогащения соответствует логике построения Гражданского кодекса в КНР. Но ГК РФ содержит традиционные общие принципы обязательственного права для регулирования внедоговорных обязательств. Таким образом, гражданские кодексы Китая и России отражают выбранный в стране подход к закреплению тех или иных институтов, отражающий национальные интересы, потребности и особенности развития каждой страны. Большую роль в формировании правовых институтов, включая институт внедоговорных обязательств, играет судебная практика, когда, при принятии судом решения, учитываются обстоятельства конкретных дел, применяется судебское усмотрение.

Литература

1. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики, принят Третьей сессией 13-го Всекитайского собрания народных представителей 28 мая 2020 года (中华人民共和国民法典, 2020年5月28日第十三届全国人民代表大会第三次会议通过) URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/topics/civil-code> (дата обращения: 10 апр. 2023).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон [от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Козлова Е. Б. Гражданское право (особенная часть): договорные и внедоговорные обязательства: учебное пособие / Е. Б. Козлова. Москва: Директ-Медиа, 2021. 177 с. (С. 153–173).
4. Гражданское право модуль часть общая: практикум / М. В. Вронская; Министерство образования и науки Российской Федерации, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (ВГУЭС). Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2018. 123 с.
5. Гражданское право: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 030900 "Юриспруденция": в 2 ч. / [Барков А. В. и др.]; под ред. В. П. Камышанского, Н. М. Коршунова, В. И. Иванова. Москва: ЮНИТИ: Закон и право, 2012. Ч. 2. 2012. 751 с.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 2 в действующей редакции с комментариями по статьям ГК РФ и судебной практикой. URL: <https://www.zakonrf.info/gk/ch2/> (дата обращения: 10 апр. 2023).
7. Демидов И. А. О квазиделиктных обязательствах в римском частном и современном российском гражданском праве / И. А. Демидов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 6. С. 106–113.
8. Лю Цзинвэй, Лу Чэнь Определение "общих норм долга" и их применение к внедоговорным долгам - сосредоточено на статье 468 Гражданского кодекса, «Северный закон», 2020 (柳经纬, 吕辰“债的一般规范”的识别及其对非合同之债的适用—以《民法典》第468条为中心, «北方法学», 2020) // [Электронный ресурс]. – URL: <https://doi.org/10.13893/j.cnki.bffx.2020.05.003> (дата обращения: 10 апр. 2023).
9. Ван Лиминг Установление общих положений квазидоговорного и долгового права «Юрист», 2018 (王利明准合同与债法总则的设立, «法学家», 2018). URL: <https://doi.org/10.16094/j.cnki.1005-0221.2018.01.008> (дата обращения: 10 апр. 2023).
10. См.: Зарубина Н. П. Частное право Японии: учеб пособие / Н. П. Зарубина. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2016. 115 с.

УДК 35.083

Продолжительность рабочего времени в России и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: сравнительно-правовой анализ

© **И. В. Долматова**

магистрант 1-го курса,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
dolmatova.1r@yandex.ru

© **А. А. Зайцева**

магистрант 1-го курса,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
zaytseva.st@bk.ru

В статье проведен сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного законодательства, посвященного регулированию продолжительности рабочего времени. Авторами были рассмотрены особенности данного института в России и некоторых странах Азиатско-Тихоокеанского региона, в частности, в таких странах, как Китайская Народная Республика (далее - КНР), Южная Корея, Чили, Соединенные Штаты Америки (далее - США).

Авторы сделали вывод, что проведение сравнительно-правового анализа является необходимым инструментом, целями которого являются определение рациональности использования положительного опыта стран Азиатско-Тихоокеанского региона и преодоление существующих пробелов и коллизий в знании зарубежного трудового права в этой области.

Ключевые слова: рабочее время, время отдыха, четырехдневная рабочая неделя, «996», кароси, Российская Федерация, Китайская Народная Республика, Южная Корея, Чили, США.

**Working hours in Russia and in the countries of the Asia-Pacific region:
comparative legal analysis**

© **I. V. Dolmatova**

1st year master's student,
Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
dolmatova.1r@yandex.ru

© **A. A. Zaitseva**

1st year master's student,
Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
zaytseva.st@bk.ru

The article presents a comparative legal analysis of Russian and foreign legislation on the regulation of working hours. The authors examined the features of this institute in Russia and some countries of the Asia-Pacific region, in particular in such countries as the People's Republic of China (hereinafter referred to as the PRC), South Korea, Chile, the United States of America (hereinafter referred to as the USA).

The authors concluded that conducting a comparative legal analysis is a necessary tool, the purpose of which is to determine the rationality of using the positive experience of the countries of the Asia-Pacific region and overcoming existing gaps and conflicts in the knowledge of foreign labor law in this area.

Key words: working time, rest time, four-day working week, «996», karosi, Russian Federation, People's Republic of China, South Korea, Chile, USA.

Институт рабочего времени — один из ключевых элементов в трудовом праве каждого государства. Именно поэтому данный институт находится в фокусе особого внимания законодателей большинства стран мира. Считается, что развитие и совершенствование национального трудового законо-

дательства с использованием зарубежного опыта является одним из наиболее перспективных путей для решения многих задач, стоящих на сегодняшний день перед демократическими государствами.

Что же понимается под рабочим временем? Следует обратиться к определению, которое закреплено в ст. 91 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ) [1]. Указанное определение включает в себя два периода рабочего времени:

во-первых, это период времени, в течение которого работник в соответствии с правилами внутреннего трудового распорядка и условиями трудового договора должен исполнять трудовые обязанности;

во-вторых, иные периоды, относимые законом к рабочему времени.

Нормирование рабочего времени в отечественном трудовом законодательстве учитывает не только имеющуюся специфику выполнения отдельных видов труда, но и некоторые психофизиологические особенности работников.

На сегодняшний день, в соответствии с продолжительностью рабочего времени, выделяется три его вида: нормальное рабочее время, сокращенное рабочее время и неполное рабочее время.

Организация трудового процесса для работников, в отношении которых отсутствуют особые трудовые гарантии, а также для работников, которые осуществляют трудовые функции при обычных условиях труда, подходит под такое понятие, как нормальная продолжительность рабочего времени.

В действующей редакции ТК РФ установлено, что нормальная продолжительность рабочего времени составляет 40 часов в неделю [1]. Данное положение соответствует международным требованиям, которые содержатся в Рекомендации МОТ № 116 «О сокращении продолжительности рабочего времени» [2] и Конвенции МОТ № 47» «О сокращении рабочего времени до 40 часов в неделю» [3].

Необходимо акцентировать внимание на особенностях правового регулирования рабочего времени в странах Азиатско-Тихоокеанского региона:

1) США. Основной специфической чертой трудового законодательства данной страны является его чрезвычайная децентрализованность. В настоящее время трудовое законодательство США представляет собой множество разрозненных источников, которые регулируют трудовые правоотношения, иными словами оно не кодифицировано. На практике большинство прав и обязанностей как сотрудников, так и работодателей определяются в индивидуально-договорном и коллективно-договорном порядке [11].

Важнейшим нормативным правовым актом, которым регламентируется рабочее время в Соединенных Штатах, является Закон о справедливых условиях труда 1938 г. [4]. Еще одним правовым актом, имеющим огромное значение, выступает Закон о договорных часах работы и стандартах безопасности 1969 г., согласно которому нормальная продолжительность рабочего времени составляет 40 часов в неделю [5].

Ключевая особенность правового регулирования рабочего времени в США заключается в том, что отдельные субъекты Федерации (штаты) обладают обширными полномочиями в сфере регулирования трудовых отношений и наделены правом издавать собственные законы, которые нередко негативно отражаются на правовом положении работников в отличие от текущего федерального законодательства. К примеру, в таких штатах, как Канзас и Миннесота, сверхурочной работой признается только та работа, которая выполнена сверх 46 и 48 часов соответственно, что в свою очередь, ухудшает положение работников этих штатов.

Можно сделать вывод, что отечественные работники в сравнении с американскими в большей степени защищены на федеральном уровне [6, с. 83].

2) КНР. В 1997 году с принятием Положений Государственного совета КНР «О рабочем времени работников» произошло важнейшее изменение в трудовом праве Китая — республика привела свое законодательство в соответствие с международными стандартами и установила 40-часовую рабочую неделю [7]. До этого момента ст. 36 Закона КНР от 5 июля 1994 года «О труде» утверждала, что в среднем рабочая неделя не должна превышать 44 часа, а рабочий день 8 часов [8]. В действительности же рабочий день в китайских организациях зачастую превышал предельно установленную продолжительность рабочего времени и составлял около 13-16 часов в день. В течение длительного времени китайские компании, в частности, всемирно известная корпорация, действующая в сфере интернет-коммерции — «Alibaba» осуществляла свою деятельность, используя систему ««996»: с 9 часов утра до 9 вечера 6 дней в неделю, что суммарно составляло 72 часа в неделю. Такая система также часто именуется как культура «поощряемого сверхурочного труда». Однако в 2021 году прави-

тельство Китая провозгласило режим работы «996» противоречащим закону. В настоящее время Верховный суд КНР занимается разработкой программ, целью которых является тотальное искоренение системы «996» [12].

3) Южная Корея. Республика Корея, как известно, относится к числу стран приемлющих крайне длительную продолжительность рабочего дня. До 2018 года действовал режим, при котором сотрудники работали 60 часов в неделю. Однако решением Национального собрания Южной Кореи большинством голосов был принят закон, сокращающий предельно допустимое количество рабочих часов в неделю до 52 [13].

Порядок, существующий до вышеуказанного нововведения, допускал ситуации, при которых наниматель мог потребовать, чтобы работник выполнял свои трудовые обязанности 40 обычных часов, 12 сверхурочных часов, а также вплоть до 16 часов по выходным дням. Неудивительно, что такой режим сыграл ключевую роль в появлении такого социального явления, как «кароси» (яп. 過労死 каро:си) — смерть на рабочем месте, вызванная сильным переутомлением [14].

3) Республика Чили. Согласно ст. 116 Трудового кодекса республики Чили установлена 45-часовая рабочая неделя [9]. Однако 12 апреля 2023 года Национальный конгресс Чили одобрил поправку к Трудовому кодексу, в соответствии с которой указанная максимальная продолжительность будет сокращена до 40 часов в неделю. До этого момента аналогичная норма в Латинской Америке была установлена только в трудовом законодательстве Венесуэлы и Эквадора.

Ещё одной важнейшей новеллой стало установление формулы «4х3» или, иными словами, четырехдневной рабочей недели. Рассматриваемая поправка позволит наиболее эффективно распределять рабочее время путем согласования между сторонами трудовых отношений. Так, работник имеет право увеличивать число своих рабочих часов в день, тем самым распределив 40-часовую продолжительность рабочего времени в течение 4-х дней. Следует отметить, что в России также поднимался вопрос о переходе на четырехдневную рабочую неделю. Так, в 2019 г. подобное предложение было озвучено бывшим Председателем Правительства РФ Дмитрием Медведевым в рамках 108-й сессии Международной конференции труда. Среди положительных моментов введения подобного режима следует выделить:

во-первых, усиление трудовой «мобильности» человеческих ресурсов;

во-вторых, увеличение занятости населения и, как следствие, снижение количества безработных.

По мнению ряда специалистов, разумное действие подобного режима окажет позитивное влияние на экономику и общество в целом [10, с. 56].

Резюмируя вышеизложенное, можно заключить, что российское законодательство в целом соответствует требованиям международных правовых норм в области регулирования рабочего времени. Так, по сравнению с рассматриваемыми странами АТР (США, КНР, Южная Корея, Чили) - российские работники в достаточной мере защищены на федеральном уровне. Однако с учетом опыта стран Азиатско-Тихоокеанского региона, законодателю следует оценить возможность и целесообразность внесения изменений в действующее трудовое законодательство с целью его дальнейшего совершенствования.

Литература

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 30 декабря 2001 г. N 197-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1(ч. 1). Ст. 3.

2. О сокращении продолжительности рабочего времени: рекомендации Международной организации труда [от 26 июня 1962 г. N 116]. URL: <https://base.garant.ru/2562263/> (дата обращения: 27 мая 2023).

3. О сокращении рабочего времени до 40 часов в неделю» (Женева, 22 июня 1935 года): Конвенция Международной организации труда № 47. URL: http://uraltradeunion.ru/acts/mezdunarod/40_chasov.html (дата обращения: 26 мая 2023)

4. Fair Labor Standards Act of 1938. URL: <https://www.ilo.org/dyn/travail/docs/2364/Fair%20Labor%20Standards%20Act.pdf> (дата обращения: 30 мая 2023).

5. Contract Hours and Safety Standards Act 1969. URL: <https://www.nyc.gov/assets/hpd/downloads/pdfs/services/contract-work-hours-and-safety-standards-act-cwhssa.pdf> (дата обращения: 30 мая 2023).

6. Алиева З. А. Продолжительность рабочего времени в России и зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2015. № 3. С.81-85.

7. Положения Государственного совета КНР «О рабочем времени работников» (опубликованы Постановлением Государственного совета КНР № 146 от 03 февраля 1994 г.). URL: http://pavel.bazhanov.pro/translations/chinalabourlaw/working_time/ (дата обращения: 29 мая 2023).

8. Закон КНР от 5 июля 1994 года «О труде». URL:<https://chinaperevod.com/law/zakon-kitayskoy-narodnoy-respubliki-o-trude> (дата обращения: 30 мая 2023).

9. Трудовой кодекс республики Чили. URL: [https://archive.org/stream/CODIGODETRABAJO-COMENTADOUGTBORRADOR/CODIGO-DE-TRABAJO-COMENTADO-UGT-\(BORRADOR\)_djvu.txt](https://archive.org/stream/CODIGODETRABAJO-COMENTADOUGTBORRADOR/CODIGO-DE-TRABAJO-COMENTADO-UGT-(BORRADOR)_djvu.txt) (дата обращения: 30 мая 2023).

10. Лукьянова В. В. Есть ли предпосылки внедрения четырехдневной рабочей недели // Эксперт: теория и практика. 2019. № 1(1). С. 54–59.

11. Брославский Л. Трудовое право США: особенности защиты прав работников. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/trudovoe-pravo-ssha-osobennosti-zashchity-prav-rabotnikov/> (дата обращения: 18 авг. 2023).

12. Китайские власти заявляют, что политика сверхурочной работы «996» является незаконной. URL: <https://translated.turbopages.org/chinese-authorities-overtime-996-policy-013550641.html> (дата обращения: 18 авг. 2023).

13. Корея сократила рабочую неделю до 52 часов, чтобы повысить рождаемость. URL:<https://life.ru/p/1093910> (дата обращения: 18 авг. 2023).

14. В Южной Корее люди отказались работать по 14 часов в день и умирать от переутомления. URL: <https://fishki.net/4381545-v-juzhnoj-koree-ljudi-otkazalisy-rabotaty-po-14-chasov-v-deny-i-umiraty-ot-pereutomlenija.html> (дата обращения: 18 авг. 2023).

УДК 340

**Сравнительно-правовой анализ примирительных процедур в России
и отдельных странах АТР**

© С. А. Дондупова

студент 3-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

dondupovasa@mail.ru

В данной статье приводится характеристика и сравнительно-правовой анализ примирительных процедур в Российской Федерации и отдельных странах Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) – Японии, Китая и Южной Кореи. Путем определения особенностей примирительной деятельности азиатских стран в целях усовершенствования гражданского законодательства предлагается проанализировать общие черты института примирения в зарубежных странах и использовать их положительный опыт. Данная тема достаточно актуальна, так как относительно новый институт примирительных процедур в России показал как плюсы, так и минусы, которые нужно исправить для повышения эффективности проведения примирительных процедур. Потому целесообразно на основе сравнения законодательства о примирении России и стран АТР непосредственно использовать накопленный опыт для его применения уже в российских условиях. В статье приводятся предложения, на основе опыта зарубежных стран, которые позволят примирительным процедурам в полной мере развиваться в российском обществе, а судам в дальнейшем эффективно разрешать гражданско-правовые споры.

Ключевые слова: примирительные процедуры, медиация, медиатор, переговоры, традиции, судебный примиритель.

**Comparative legal analysis of conciliation procedures in Russia
and individual Asia-Pacific countries**

© S. A. Dondupova

3rd year student,

Banzarov Buryat State University

Russia, Ulan-Ude

dondupovasa@mail.ru

This article describes the characteristics and comparative legal analysis of conciliation procedures in the Russian Federation and individual countries of the Asia-Pacific region (APR) - Japan, China and South Korea. By establishing the specifics of the conciliation activities of Asian countries in order to improve civil legislation, it is proposed to analyze the common features of the institute of reconciliation from foreign countries and adopt positive experience. Relations between Russia and the Asia-Pacific countries show close cooperation and mutually beneficial cooperation. This topic is quite relevant, since the relatively new institute of conciliation procedures in Russia has shown both pros and cons that need to be corrected to improve the effectiveness of conciliation procedures. Therefore, it is advisable, based on a comparison of the legislation on reconciliation of Russia and the Asia-Pacific countries, to directly use the accumulated experience for its application already in our conditions.

Keywords: conciliation procedures, mediation, mediator, negotiations, traditions, judicial mediator.

Следует начать с того, что российский институт медиации получил свое развитие лишь в 2019 году с введением Федерального закона от 26.07.2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ». В соответствии со ст. 153.3 ГПК РФ к примирительным процедурам относятся: переговоры, посредничество (медиация), судебное примирение. Основными отличиями является то, что в переговорах стороны самостоятельно или с помощью представителей разрешают возникший спор. В посредничестве уже привлекается посредник (медиатор), которым может быть как опытный юрист, так и лицо без юридического образования. Более детально порядок проведения медиации регламентирован в ФЗ-193 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 г. (в ред. от 26.07.2019) [5].

Что касается судебного примирения, так этот вид регулируется как ст. 153.6 ГПК РФ, так и Регламентом проведения судебного примирения, утвержденного Постановлением Пленума Верховного Суда от 31.10.2019 г. № 41. Важной особенностью является то, что судебным примирителем высту-

пает только судья в отставке, в соответствии с п. 3 ст. 153.6 ГПК РФ. По Регламенту, «судебное примирение сторонами не оплачивается, в отличие от процедуры медиации». Однако, как и медиация, процедура судебного примирения является конфиденциальной. Потому динамику разрешения споров с участием медиатора и судебного примирителя довольно сложно определить. В этом заключается одна из основных, как представляется, причин столь неэффективного применения гражданами законодательно установленных процедур. Думается, что результаты должны быть выставлены не только для научно-практического интереса, но и для остальных граждан в целях ознакомления. Они могут значительно сэкономить себе время и в какой-то степени и деньги, поскольку многие субъекты, на взгляд автора, находятся в неведении от практической пользы данной процедуры, а потому примирение в России не особо популярно.

Верховный Суд РФ выявляет несколько причин низкого уровня использования гражданами примирительных процедур. Во-первых, низкая популярность медиации кроется в низком уровне правосознательной деятельности медиаторов и судов. Действительно, граждане не достаточно хорошо знакомы со значением этой процедуры и положительными последствиями ее применения. Во-вторых, это отсутствие подробного порядка проведения примирительных процедур, что вызывает неосведомленность не только у простых граждан, но и у юристов, в алгоритме действий по регулированию спора во внесудебном порядке. В-третьих, это слишком короткие сроки для разрешения спора: стороны не всегда могут прийти к консенсусу, когда для многих вопросов нужно дополнительное время.

Большинство стран Азиатско-Тихоокеанского региона имеют свои уникальные традиции правовых процедур. Наиболее заметно это в Китае, Японии и Корее. В этих странах, наравне с современными методами примирительных процедур, сохранились традиционные принципы. В целях совершенствования правового регулирования примирительных процедур необходимо изучить опыт зарубежных стран.

В целях сравнительно-правового анализа следует рассмотреть для начала Японию, поскольку у нее довольно специфичный порядок регулирования споров с применением примирительных процедур. Как упоминалось выше, Япония умело сочетает в себе современность и консерватизм, поэтому здесь преобладает мораль, что спор – это недостойное поведение, порочащее честь и достоинство. А чтобы не опорочить свою репутацию, необходимо либо не приходить к ссоре, либо как можно скорее ее разрешить. Потому примирители имели высокий статус и ценились гражданами.

Из этого следует, что наиболее распространенным видом примирительных процедур будут переговоры, поскольку японцы трепетно относятся ко времени, а переговоры являются самым быстрым способом урегулирования спора с примирением. Далее, японцы нередко вызывают посредника, нейтральное лицо, которое напрямую помогает сторонам выработать свое решение [1, с. 74–78].

Гражданский кодекс Японии определяет стремление судьи к примирению сторон (ст. 136 ГПК) на всех этапах гражданского судопроизводства. При судах действуют примирительные комиссии, в которых, в отличие от нашей процедуры, где примирителем выступает судья в отставке, в Японии выступают обычные граждане. Такая процедура начинает работать с самого начала судебного производства. Однако дело переходит судье, когда стороны не пришли к единому мнению и когда требуется вмешательство третьих лиц. Тогда стороны обращаются в примирительную комиссию. Кроме того, в Японии действует Комитет по гражданскому примирению. В Комитете же состоят судьи, а также лица, имеющие широкие познания в разных сферах. Так, данный орган составляет проект соглашения сторон, поскольку всецело анализирует суть спора, способы разрешения спора и помогает сторонам прийти к компромиссу [2, с. 1–2].

Таким образом, представляется возможным предложить следующие изменения в российскую примирительную систему:

1. Создание отдельного государственного примирительного органа, состоящего как из опытных юристов, так и обычных граждан для всестороннего разрешения споров

Расходы на примирительную процедуру довольно неэффективно возлагать на граждан, поэтому предлагается ввести льготную систему: заключение мирового соглашения будет подразумевать не только 50% возврат государственной пошлины, но и 50% возврата стоимости услуг медиатора.

Следует также акцентировать внимание на особенностях примирительных процедур в Китайской Народной Республике. Данная система здесь обладает уникальной спецификой, связанной с историческими аспектами, где традиционные нормы объединяются с социалистическими идеями. С точки зрения традиции и современности, где государство и общество были унифицированы, государство имело огромное влияние на граждан, потому каждому человеку должно было «позорно» обращаться

в суд, а тот, кто все же обратился в суд, называли «белой вороной». Стоит отметить, что китайская система построена на конфуцианстве, где нормы морали во многом превышают нормы права в регулировании всех сфер жизнедеятельности человека.

Создание целого государственного органа для регулирования споров с участием судьи позволяет определить китайскую примирительную систему как одну из самых эффективных и результативных. Регулирование данного органа осуществляется на основании ст. 111 Конституции КНР, а также различными нормативно-правовыми актами, такими как ГПК КНР и Положением об организации народных примирительных комиссий от 22.03.1954 г. [3, с. 87–93].

Резюмируя вышесказанное, можно выделить позитивный опыт заимствования характерных черт примирительных процедур в КНР:

1. Это создание Федерального закона, а также изменение ГПК РФ в части примирительных процедур - детальный порядок регулирования переговоров и судебного примирения.
2. Создание специального примирительного органа, состоящего как из опытных юристов или судей в отставке, так и граждан, имеющих дополнительное образование в сфере медиации.
3. Идеологическое строительство общества, сохранение традиций и бережное их применение.
4. Обязанность включить в полномочия судьи активное содействие сторон при заключении мирового соглашения.

В Южной Корее давно практикуют примирительные процедуры в связи со сложившимися традициями. Особенностью правового регулирования является то, что в корейской практике существует два вида посредничества: путем подачи заявки на примирение сторонами, либо путем подачи заявки непосредственно судьей, разрешающим спор [4, с. 100–103]. Отличие от российской системы кроется в самом понимании сущности примирительной деятельности. По мнению корейцев, это нечто вроде вмешательства судом в отношения между спорящими сторонами. Если в нашей системе преобладает принцип конфиденциальности и беспристрастности судей, то в Корее беспристрастность судьи означает равнодушное поведение судьи, который не стремится к урегулированию спора. Судья-примиритель должен изучить все материалы дела, проанализировать доказательства по существу дела, поэтому, вероятно, примиритель может поддерживать ту или иную позицию. Как и в российской системе, в корейской ограничиваются полномочия судьи и судебного примирителя. Сам судья не примиряет граждан, лишь передает дело примирителю, что соответствует принципу независимости судьи. Порядок проведения процедуры регулируется Законом о примирении гражданских споров в суде.

Таким образом, проанализировав законодательство стран Азиатско-Тихоокеанского региона, необходимо отметить, что правовые нормы обладают общими чертами в регулировании института примирения. Во-первых, это глубокая историческая традиция: нормы морали тесно пересекаются с нормами права. Во-вторых, это активная, инициативная деятельность судьи для примирения сторон. В-третьих, это наличие отдельного специализированного органа, который наравне с судьей действует с целью урегулирования спора. Например, Комитет по гражданскому примирению, примирительные комиссии, народные примирительные комиссии и так далее).

Оценивая особенности каждой взятой страны и указанные Верховным Судом РФ недостатки примирительной деятельности судов, можно отметить следующие предложения по совершенствованию института примирения:

1. развитие культурно-правовой, просветительской деятельности государства для граждан;
2. создание специализированного примирительного органа для разрешения споров;
3. установление единой правовой базы для регулирования процедуры примирения;
4. ведение статистического учета проведения процедуры примирения с выделением характерных особенностей;
5. в этой связи в какой-то степени возможен отказ от принципа конфиденциальности разрешения споров между сторонами для проведения детального анализа и последующих рекомендаций для примирителей в целях большей эффективности и развития института примирения.

Литература

1. Ивановская Н. В. Медиация в Японии // Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире: сборник статей межвузовской конференции (Москва, 23 января 2015 г.). Москва: Российский университет дружбы народов, 2015. С. 74–78.

2. Петрова Е. Ю., Антонова Я. А. Медиация как альтернативная форма разрешения споров в Японии // Конференция «Ломоносов - 2020». Санкт-Петербург: СПбГУ, 2020. С. 1–2.
3. Литвинова С. Ф. Примирение как метод разрешения споров в КНР // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2010. № 4. С. 87–93.
4. Нигматуллина О. Э. Перспективы применения примирительных процедур в России и Южной Корее // Шаг в науку. 2020. № 2. С. 100–104.
5. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федер. закон [от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (с изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31. Ст. 4162.

УДК 347.6(520)

Особенности брачно-семейных отношений в Японии© **И. В. Жапова**

студент 3-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

innazhpb@mail.ru

В статье рассматриваются особенности брачно-семейных отношений в Японии, исследуется структура японского семейного законодательства. Проведен анализ видов браков в Японии, особые черты заключения и расторжения брака, а также новеллы, не присущие российскому законодательству. Целью работы является изучение семейного законодательства Японии и его сравнение с российским. В работе использовались общенаучные и специальные методы исследования (аналогия, анализ, синтез, сравнительно-правовой).

Ключевые слова: брак в Японии, брачно-семейные отношения, развод, раздел имущества.

Features of marriage and family relations in Japan© **I. V. Zhapova**

3rd year student,

Banzarov Buryat State University

Russia, Ulan-Ude

innazhpb@mail.ru

The article deals with the peculiarities of marriage and family relations in Japan and examines the structure of Japanese family law. An analysis of the types of marriages in Japan, the special features of marriage conclusion and dissolution, as well as innovations that are not inherent in the Russian legislation is carried out. The purpose of the work is to study the family law of Japan and compare it with the Russian one. General scientific and special research methods (analogy, analysis, synthesis, comparative-legal) were used in the work.

Key words: marriage in Japan, marriage and family relations, divorce, division of property.

Институт семьи в Японском законодательстве играет немаловажную роль. Япония ценит свои традиции, а значение традиций в семье занимает особое место, именно поэтому законодатель вкладывает немалые силы для упорядочения отношений, связанных с данным институтом. Гражданский кодекс Японии содержит специальный раздел (4), регулирующий семейные отношения (ст. 725–881). Он включает в себя семь глав: «Общая часть», «Брак», «Родители и дети», «Родительские права», «Опека», «Попечительство и помощь», «Иждивение» [1].

Логично, что брак представляет собой основу семейного института, однако российское законодательство использует общее понятие брака, вытекающее из содержания правовых норм семейного законодательства. Гражданский кодекс Японии понятия брака не содержит.

Традиционно в Японии выделяли два вида брака:

1. брак по расчету («омиай»);

2. брак, заключаемый по обоюдному, взаимному согласию («рэнъай») [2].

В настоящее время брак по расчету остается достаточно популярным в японском государстве, что объясняется объективными историческими особенностями. «Омиай» получил свое распространение в 19 веке среди слоёв населения Японии. Можно сделать вывод, что в Японии могут насильно поженить мужчину и женщину, в то время как в России брак является добровольным союзом мужчиной и женщины [2].

Тем не менее, рэнъай получает все большее распространение среди населения. Непосредственно благодаря этому институт брака продолжает развиваться, появляются новые формы. С развитием семейного права выделился так называемый смешанный брак - брак между японскими гражданами и иностранцами. Однако японские власти не поддерживают данную тенденцию, о чем может свидетельствовать усложнение получения визы с 2005 года. Кроме того, в целом отношение японского общества к смешанным бракам по-прежнему остается достаточно сложным и неоднозначным [3].

В соответствии со ст. 731 ГК Японии установлен единый брачный возраст, с момента достижения совершеннолетия, т. е. с 18 лет. В Японии запрещается многоженство, о чем говорит ст. 732 ГК [1].

В Японии отсутствуют органы записей актов гражданского состояния, как и в России. Браки регистрируются в органах городской и сельской администрации путем подачи заявлений, которые имеют свою специальную унифицированную форму. Обязательным условием является присутствие двух свидетелей.

Согласно ст. 739 ГК Японии, брак вступает в силу путем подачи уведомления в соответствии с Законом о регистрации семьи (Закон № 224 от 1947 г.). Такое уведомление подается после процедуры подтверждения о том, что заключаемый брак не нарушает ст. 731-736 ГК Японии, а также других законов и правил. Иначе брак не будет действительным [4].

Японское семейное законодательство имеет интересные особенности, касающиеся расторжения брака. ГК Японии признает следующие основания для развода:

1. нарушение супругом супружеской верности (п. п. 1 п. 1 ст. 770 ГК Японии);
2. недобросовестное оставление (п. п. 2 п. 1 ст. 770 ГК Японии);
3. отсутствие сведений о супруге в течение трех и более лет (п. п. 3 п. 1 ст. 770 ГК Японии);
4. неизлечимая душевная болезнь тяжелой степени (п. п. 4 п. 1 ст. 770 ГК Японии);
5. наличие других важных причин, делающих невозможным продолжение брака (п. п. 5 п. 1 ст. 770 ГК Японии) [1].

ГК Японии предусматривает следующие виды разводов:

1. развод, основанный на взаимном согласии супругов;
2. развод с применением процедуры медиации в суде по семейным делам (ситуации, в которых супруги не могут достичь согласия самостоятельно);
3. развод по решению суда по семейным делам, который применяется в случаях недостижения согласия при применении медиации;
4. развод по решению районного суда. Если стороны не согласны с решением суда по семейным делам, то они имеют право подать заявление в районный суд [1].

Совместно нажитое имущество делится в равных долях. Специфической возможностью является взыскание денежной компенсации за измену и другое физическое и (или) психологическое насилие, причиненное кем-то из супругов - 慰謝料 (исьярё:). Такое требования при расторжении брака является требованием возмещения ущерба за нравственные и физические страдания от действий противоположной стороны (например, измена супруг, послуживших причиной развода [1].

Компенсация является денежным выражением тех психических страданий, которые были причинены супругом виновным в прекращении семейных отношений, Срок исковой давности поданным искам составляет 9 лет. Деньги возможно взыскать даже с лица, с которым изменили при условии, что данное лицо знало о семейном положении супруги. Данную компенсацию можно получить в ходе бракоразводного процесса, проводимого в семейном или районном суде. Сумма определяется в каждом конкретном случае, исходя из обстоятельств, которые привели к разводу: продолжительности брака, срок раздельного проживания, возраст сторон, пол, материальное положение, профессии сторон, степень сотрудничества сторон, наличие общих детей, обстоятельств семейной жизни, размер алиментов, необходимость содержания, после развода и т. д. Суд фокусирует внимание на том, разрушены ли семейные отношения в результате супружеской измены или нет. Сумма такой компенсации может достигать примерно до 5,3 млн ¥ (3,2 млн рублей) [2].

Логику законодателя по поводу введения права на данную компенсацию можно вполне объяснить. Сохранение супружеской верности является взаимной обязанностью супругов, которая вытекает из самого характера брачных отношений. Государство со своей стороны не может контролировать исполнение такого рода обязанностей, так как личные неимущественные отношения сторон, однако оно нашло альтернативу в качестве возможности взыскания морального вреда. Связано это с глубокой ценностью института семьи, что объясняется историей эволюции данных отношений в Японии.

Еще одной особенностью японского семейного права является недопущение совместной опеки над детьми в случае развода, даже если оба родителя согласны на это. Дети чаще всего остаются с матерью, а отец обязан выплачивать алименты.

Литература

1. Гражданский кодекс Японии. URL: https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=129AC0000000089_20230401_503AC0000000024&keyword=民法 (дата обращения: 10 февр. 2023).
2. Силаев Л.В. Особенности брака в Японии // Проблемы и перспективы юриспруденции в современных условиях: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Казань: Инновационный центр образования и науки, 2017. Вып. IV. С. 72–74.
3. Япония: унижение метисов. URL: <https://zolord.ru/news/1454> (дата обращения: 12. авг. 2023).
4. См.: Зарубина Н. П. Частное право Японии: учебное пособие. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2016. 115 с.

УДК 340:347

**Предупреждение злоупотреблений процессуальными правами в гражданском процессе:
сравнительно-правовой аспект**

© С. А. Разумов

магистрант 2-го года обучения юридического факультета,
Забайкальский государственный университет,
Россия, г. Чита
razumovsergei99@mail.ru

В настоящей статье раскрыты основные меры предупреждения злоупотреблений процессуальными правами, применяемые в гражданском судопроизводстве. В статье приведен сравнительно-правовой анализ правовых норм разных государств по борьбе со злоупотреблением процессуальными правами. Кроме того, в статье имеются предложения по совершенствованию предупредительных мер процессуальных злоупотреблений.

Ключевые слова: злоупотребление процессуальными правами, гражданское судопроизводство, участвующие в деле лица, предупредительные меры, гражданский процесс.

Prevention of abuse of procedural rights in civil proceedings: comparative legal aspect

© S. A. Razumov

Master's student of Faculty of Law,
Transbaikal State University
Russia, Chita
razumovsergei99@mail.ru

This article reveals the main measures to prevent abuse of procedural rights used in civil proceedings. The article presents a comparative legal analysis of the legal norms of different states to combat the abuse of procedural rights. In addition, the article contains proposals for improving preventive measures of procedural abuse.

Key words: abuse of procedural rights, civil proceedings, persons involved in the case, preventive measures, civil procedure.

Среди мер гражданско-процессуального принуждения наиболее щадящими по отношению к участвующим в деле лицам, злоупотребившим своими процессуальными правами, являются предупредительные меры. Данные меры направлены на недопущение злоупотреблений процессуальными правами и на профилактику такого рода правонарушений.

Первой гражданско-процессуальной предупредительной мерой, известной отечественному праву, можно считать установленное Уставом гражданского судопроизводства 1864 г. принесение тяжущимися присяги с целью предварительного подтверждения их добрых намерений [5].

Среди гражданско-процессуальных предупредительных мер, известных современному отечественному праву, можно назвать:

1) Предложение суда совершить действия, направленные на недопущение процессуальных злоупотреблений. В рамках данной гражданско-процессуальной предупредительной меры суд может предложить участникам процесса совершить какие-либо процессуальные действия или воздержаться от их совершения, с целью недопущения злоупотребления правом. Предлагаемые судом к совершению действия должны полностью исключать возможность злоупотребления процессуальными правами и заставить недобросовестного участника процесса отказаться от совершения действий, противоречащих целям судопроизводства. В случае согласия участника процесса совершить действия, предлагаемые судом, он лишается возможности злоупотребления процессуальными правами. Если же участвующее в деле лицо отказывается от совершения процессуальных действий, предлагаемых судом, оно фактически подтверждает свои корыстные намерения. Для наглядности, в качестве примера можно привести ситуацию, когда участник процесса заявляет заведомо необоснованное ходатайство об истребовании дополнительных доказательств с целью затягивания сроков рассмотрения дела, а суд, в свою очередь, руководствуясь положением ст. 57 ГПК РФ, просит лицо, заявившее ходатайство, обосновать, какие юридически значимые обстоятельства по делу могут быть подтверждены

данными доказательствами [1]. Если заявитель ходатайства не сможет доказать его обоснованность, то суд откажет в его удовлетворении за необоснованностью.

В рамках указанной гражданско-процессуальной предупредительной меры суд, с целью недопущения злоупотребления процессуальными правами, может предложить участнику процесса воздержаться от совершения определенных действий. Например, если участник процесса отказывается от предоставления истребуемых доказательств, суд может указать этому лицу на недопустимость создания препятствий по исследованию судом доказательств. В такой ситуации лицо будет вынуждено либо согласиться с судом и представить истребуемые доказательства, либо вступить в прямую конфронтацию с судом, что даст суду основания полагать в действиях субъекта наличие признаков недобросовестного поведения [4].

2) Еще одной мерой гражданско-процессуального предупреждения можно назвать разъяснение участникам процесса их обязанности добросовестно использовать имеющиеся у них процессуальные права и обязанности. В соответствии с положениями ГПК РФ (ч. 2 ст. 12, п. 1 ч. 1 ст. 150, ст. 165, ч. 1 ст. 193 ГПК РФ и т.д.), помимо прочих процессуальных прав и обязанностей, суд должен разъяснять участникам процесса их обязанность добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами, а также последствия злоупотреблений ими [1].

Стоит заметить, что на практике суды не так часто прибегают к разъяснению участвующим в деле лицам данной процессуальной обязанности, что представляется недопустимым, поскольку перечень процессуальных обязанностей лиц, участвующих в деле, не так велик. Более того, основная часть процессуальных обязанностей участвующими в деле лицами исполняется в порядке подготовки дела к рассмотрению, т.е. до первого разъяснения процессуальных прав и обязанностей (истцом оплачивается госпошлина, оформляется исковое заявление в надлежащей форме, прикладываются необходимые документы и реквизиты, ответчиком подаются возражения на иск и т.д.).

По смыслу ч. 2 ст. 12 ГПК РФ суд, охраняя объективность, беспристрастность и независимость, руководит процессом и предупреждает участников процесса о последствиях совершения или несоблюдения определенных процессуальных действий [1]. На суд возложена обязанность по разъяснению сторонам по делу последствий отказа от исковых требований, принятия исковых требований и заключения мирового соглашения по делу. Также на суд возложена обязанность по разъяснению ответчику, что в случае отказа в предоставлении им доказательств по делу и возражений на иск в установленные сроки, дело может быть рассмотрено на основании имеющихся у суда доказательств.

Представляется, что суду, в случае обнаружения признаков злоупотребления процессуальными правами со стороны участников процесса, надлежит каждый раз разъяснять им предусмотренные ст. 99 ГПК РФ и ч. 3 ст. 150 ГПК РФ последствия злоупотребления процессуальными правами. Данное действие суда не может быть расценено, как прямое обвинение участника в попытке злоупотребить процессуальным правом, а лишь предупреждает лицо о том, что в случае совершения им злоупотребления правом, для него могут возникнуть негативные последствия. Возможно, что в случае применения данной предупредительной меры участвующее в деле лицо, которое намеревается злоупотребить процессуальным правом, откажется от своих недобросовестных намерений, побоявшись возникновения негативных последствий.

3) В качестве еще одной гражданско-процессуальной предупредительной меры, непоименованной в действующем законодательстве, можно назвать удостоверение участником процесса наличия или отсутствия определенных фактов.

В качестве примера действия данной предупредительной меры можно привести удостоверяющую подпись. Если участвующее в деле лицо после закрытия судебного заседания ставит свою личную подпись в расписке-извещении о времени и месте рассмотрения дела, то в дальнейшем, в случае неявки на следующее судебное заседание, это лицо не сможет сослаться на ненадлежащее извещение о времени и месте рассмотрения дела [4].

Некоторые другие меры гражданско-процессуального принуждения также могут оказывать предупредительный эффект в отношении злоупотреблений процессуальными правами. В качестве примера можно выделить отказ в удовлетворении необоснованных ходатайств. Указанная мера одновременно выступает в качестве защитной меры процессуальных нарушений и предупреждает потенциальные злоупотребления процессуальными правами.

Как отмечается в юридической науке, основной проблемой в сфере предупреждения злоупотреблений процессуальными правами, является проблема квалификации процессуальных действий в ка-

честве злоупотреблений процессуальными правами. С этим нельзя не согласиться, поскольку вывод о недобросовестности лица делается судом на основании предположений.

На основании анализа практики зарубежных стран можно сделать вывод, что для решения проблемы квалификации процессуальных действий в качестве злоупотреблений процессуальными правами во многих странах вводятся изменения законодательства в части механизма судебного руководства гражданским судопроизводством.

Стоит обратить внимание на то, что еще в дореволюционной юридической науке выдвигались предложения по усилению механизма процессуального контроля суда в целях предупреждения и противодействия процессуальным злоупотреблениям.

Тенденцию по увеличению контрольных полномочий суда в полной мере можно назвать общемировой, поскольку она затронула даже страны общего права, для которых процессуальная активность суда не является характерной. Такие изменения обусловлены необходимостью обеспечения доступа к правосудию в разумные сроки посредством дисциплинарного воздействия суда на тяжущихся.

В данном отношении интерес представляет опыт Англии после принятия реформы Лорда Вульфа в 1998 г. Данной реформой были внесены изменения в гражданское судопроизводство в части увеличения активности суда. В результате, культура ведения судебных заседаний в Англии претерпела существенные изменения, поскольку судьи получили больше полномочий по контролю хода судебных разбирательств [5].

Как отмечается в юридической литературе, такая нехарактерная черта для стран общего права, как увеличение контрольных полномочий суда, стала повсеместно применяться в странах англосаксонской правовой семьи. В качестве примера можно привести США, где в административном производстве была усилена роль суда и реформирование законодательства стран Карибского региона по аналогии с реформой Лорда Вульфа, принятой в Англии [5].

Тенденция по увеличению контрольных полномочий суда также затронула страны с континентальной системой права. Как отмечается, в 2001 г. в Гражданское процессуальное уложение Германии были внесены изменения, расширившие полномочия суда. В частности, это коснулось роли суда в части сбора доказательств [5].

В процессуальном законодательстве Российской Федерации также прослеживаются поползновения в сторону увеличения контрольных полномочий суда. В этой связи стоит отметить Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс РФ» [4], которым суду была дана возможность устанавливать сроки для совершения участниками процесса определенных действий, за нарушение которых на участников процесса могут быть возложены судебные расходы вне зависимости от результатов рассмотрения дела.

Кроме того, стоит отметить принятый в июле 2018 года Федеральный конституционный закон № 1 ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции». Итогом принятия данного нормативного акта стало создание кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции по аналогии с системой арбитражных судов РФ. Данные изменения были введены в целях модернизации системы судов общей юрисдикции и повышения независимости судей при рассмотрении дел [3].

При рассмотрении гражданско-процессуальных предупредительных мер стоит обратить внимание на то, что для развития данной сферы деятельности необходимо учитывать мероприятия, проводимые учеными-юристами и законодателем, по решению проблем, существующих в данной сфере. Для совершенствования механизма пресечения процессуальных злоупотреблений, в него должны быть включены эффективные превентивные меры по предотвращению недобросовестных действий. В целях реализации принципа контрдействия и более эффективного предупреждения злоупотреблений процессуальными правами нужно проводить мероприятия, направленные на решение поставленных законодателем задач.

Руководствуясь задачами судопроизводства можно констатировать, что имеется необходимость в стимуляции тяжущихся к завершению рассмотрения гражданских дел путем заключения мировых соглашений. Для реализации указанной цели судьям, при подготовке к рассмотрению дела по существу, необходимо максимально доходчиво объяснить участникам возможность заключения мирового соглашения и преимущества данного института. Данный вопрос подлежит более детальному регулированию в соответствующем постановлении Верховного суда РФ.

Кроме того, значительная часть процессуальных злоупотреблений может быть предупреждена за счет увеличения числа дел, рассматриваемых в порядке упрощенного производства. Вне зависимости от порядка рассмотрения дела, в иске должно содержаться указание на то, в чем именно заключалось нарушение прав истца.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон [от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.
3. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О судебной системе Российской Федерации" и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции: федер. конституционный закон [от 29 июля 2018г. № 1-ФКЗ] // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_303437/ (20 мая 2023).
4. О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс РФ: федер. закон [от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ] // <https://bazanra.ru/gd-rf-zakon-n228-fz-ot27072010-h1512842/> (дата обращения: 17 авг. 2023).
5. Непранов Р. Г., Воскобойникова С. А. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском процессе // Вестник науки и образования. 2020. № 23-3(101). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-protsessualnymi-pravami-v-grazhdanskom-protsesse> (дата обращения: 09 мая 2023).
6. Жуков А. А. Проблемы противодействия злоупотреблению процессуальными правами в гражданском судопроизводстве // Проблемы экономики и юридической практики. - 2014. - № 2. - [Электронный ресурс] - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-protivodeystviya-zloupotrebleniyu-protsessualnymi-pravami-v-grazhdanskomsudoproizvodstve> (дата обращения: 04 мая 2023).
7. О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс РФ: федер. закон [от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ]. URL: <https://bazanra.ru/gd-rf-zakon-n228-fz-ot27072010-h1512842> (дата обращения: 17 авг. 2023).

УДК 349.2

Особенности правового регулирования дистанционного труда работников в странах АТР

© В. Ц. Цырендашиева

магистрант 1-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

vikitsy@mail.ru

COVID-19 ускорил миграцию работы в онлайн среде и превратил наш мир в глобальную лабораторию удаленной работы. Как показывает практика, ряд государств оказались готовы к всеобщему переходу на дистанционный формат работы, а другая часть нет. В связи с этим, представляется логичным проведение сравнительно-правового анализа регулирования дистанционного труда в различных странах, чтобы выявить как позитивные, так и негативные аспекты в конкретной системе. На основе анализа сформировать стратегию дальнейшего развития отечественного законодательства в сфере регулирования дистанционного труда.

Ключевые слова: дистанционный труд, телеработа, правовое регулирование, кибербезопасность, пандемия, зарубежный опыт.

Features of legal regulation of remote work of workers in Asia-Pacific countries

© V. Ts. Tsyrendashieva

1st year master's student

Banzarov Buryat State University

Russia, Ulan-Ude

vikitsy@mail.ru

COVID-19 accelerated the migration of work to the online environment and turned our world into a global laboratory of remote work. As practice shows, a number of states were ready for a universal transition to a remote format of work, while the other part was not. In this regard, it seems logical to conduct a comparative legal analysis of the regulation of remote labor in various countries in order to identify both positive and negative aspects in a particular system, and on its basis to form a strategy for the further development of domestic legislation in the field of remote labor regulation.

Key words: remote labor, telework, legal regulation, cybersecurity, pandemic, foreign experience.

Новая коронавирусная инфекция COVID-19 стала причиной пандемии во всемирном масштабе, при этом логично, что рынок труда в иностранных государствах также претерпел определенные изменения. Поскольку часть государств оказались готовы к всеобщему переходу на дистанционный формат работы, а другая часть нет, целесообразным представляется проведение сравнительно-правового анализа регулирования дистанционного труда (телеработы) в различных странах с целью выявления позитивных и негативных аспектов в конкретной системе, а также определения возможных положительных заимствований из опыта других государств.

Для начала хотелось бы отметить, что глава 49.1 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ) [6], посвященная телеработе, была включена в Трудовой кодекс РФ еще в 2013 году, при этом она не была особенно распространенной практикой до пандемии. В результате, нормы, принятые в допандемийный период, оказались неготовыми к вызовам современности. Однако уже в начале зимы 2020 г. российский законодатель принял Федеральный закон № 407-ФЗ [7], который разрешил значительное количество проблем, связанных с дистанционной работой.

Вместе с тем, для дальнейшего совершенствования отечественного законодательства в сфере дистанционного труда, необходимо изучить особенности правового регулирования в зарубежных странах. К примеру, необходимо акцентировать внимание на особенностях регулирования дистанционного труда в Китае.

Несмотря на хорошо развитую систему регулирования телеработы, Китай при благоприятной эпидемиологической обстановке не является страной-сторонницей дистанционного труда на постоянной основе, так как было выявлено, что при постоянном дистанционном труде работник сильно

изолируется от коллектива, что влечет за собой проблемы психологического характера. Для китайских работников важно устанавливать общие цели и развивать общие ценности с работодателем [2, с. 34]. Для определения системы этих связей китайцы используют термин «гуаньси». В связи с этим, наиболее популярным видом дистанционного труда в Китае является его временная вариация с дублированием работы удаленно и на стационарном рабочем месте.

Так, опыт Китая показывает, что развитие удаленной работы во многом определяется культурными факторами. Необходимо учитывать особенности, сложившиеся в той или иной стране, включая национальный менталитет, правовые традиции и институты. Следовательно, можно сделать вывод о том, что дублирование иностранных норм в данном случае недопустимо, так как подобное отношение к труду российской системе совсем не свойственно.

Можно также акцентировать внимание на индийском опыте. Индия в сравнении с Российской Федерацией имеет более низкий уровень правовых гарантий в отношении условий и охраны труда. Так, в Индии трудовой договор не предусматривает соблюдение условий труда, которые бы соответствовали как санитарным, гигиеническим, так и прочим нормам, закрепленным в многочисленных международно-правовых актах.

Кроме того, при рассмотрении гендерного аспекта развития удаленной работы был выявлен высокий уровень гендерного неравенства. Почти 40% женщин в Индии неграмотны и не могут пользоваться электронными средствами связи [3, с. 56]. У них нет навыков, которые позволили бы им заниматься удаленной работой. Чтобы решить данную проблему, Национальный центр программных технологий, в целях сокращения гендерного неравенства, реализует спецкурс по повышению компьютерной грамотности. Данный курс уделяет особое внимание профессиональной подготовке сельских женщин. Также в качестве мер по сокращению гендерного неравенства индийский законодатель предлагает реализовать программу по предоставлению женщинам специальных льготных образовательных кредитов и субсидий на приобретение компьютерной техники и ПО. Также, отмечается, что во многих городах и сельских районах Индии по-прежнему отсутствует стабильное электроснабжение. Достаточно значимой государственной инициативой стало создание так называемых телецентров – специальных офисных зданий, где есть все необходимое оборудование, с точками коллективного доступа в Интернет. Это привело к внушительному прогрессу в области информационных технологий [1; 4].

Вышеперечисленные индийские программы представляются мерой, на которую российскому законодателю следует обратить внимание.

Следует также обратиться к опыту США. Что касается регулирования дистанционной работы в США, то сама страна и её законодательство оказались наиболее подготовленными к переходу в удаленный формат в условиях непредвиденной ситуации, вызванной респираторной инфекцией COVID-19. Это в определенной степени неудивительно, поскольку история дистанционного труда в США уже имеет историю своей эволюции и к 2020 году страной было пройдено несколько этапов по формированию законодательства в данной сфере [5].

По состоянию на 2007 год уже 46% американских компаний были готовы перевести своих работников на дистанционный формат. Логично предположить, что к 2023 году данный показатель стал на порядок выше. Наиболее привлекательным для заимствования из законодательства США о дистанционном труде является ряд обязанностей работодателя:

- разработка спецкурса для сотрудников, по итогам изучения которого будут получены основные навыки дистанционной работы. При этом, для перевода работника на телеработу необходимо его успешное прохождение.

- определение порядка доступа телеработников к информационным системам, использованию персональных данных. Также работодатель должен оценить угрозы кибербезопасности и способствовать их снижению.

- создание специального сайта, со всеми необходимыми инструкциями и объявлениями. Представляется, что подобное заимствование в полной мере отвечает задаче, заключающейся в том, чтобы ответить на наиболее типичные вопросы о дистанционном труде [5].

Особое внимание российского законодателя заслуживает американская система учета и отчетности в сфере дистанционной занятости. Как известно, каждый год органы государственной власти готовят доклады, в которых содержатся статистические и аналитические данные, такие как:

- процентное количество участия работников всех органов власти в дистанционной работе;

- данные о действиях по выявлению и устранению барьеров к максимизации возможностей дистанционной работы;
- статистические данные о численности работников, составе по полу и возрастным группам, уровню образования;
- информация по энергопотреблению, оценке эффективности труда телеработников;
- анализ показательных практик в организации дистанционного труда.

Далее полученные данные обобщаются уже на государственном уровне [1, с. 565]. Предполагается, что это одно из значимых условий для совершенствования законодательного регулирования дистанционного труда. В России на сегодняшний день не существует подобной системы статистического учета и контроля.

Итак, не вызывает сомнений то, что российское правовое регулирование дистанционного труда сделало существенный шаг вперед на текущем этапе развития правоотношений в сфере регулирования дистанционного труда. Однако благодаря сравнительно-правовому анализу регулирования дистанционного труда в иных государствах, очевидно, что внесший изменения в главу 49.1 Трудового кодекса РФ Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 407-ФЗ не является конечным актом в усовершенствовании регулирования механизма дистанционного труда.

Так, опыт Китая, Индии и в особенности опыт США даёт ясное представление о том, что дистанционное трудовое законодательство может быть дополнено рядом положений. Например, говоря об Индии, можно в качестве положительного опыта рассматривать индийскую программу дистанционного обучения, направленную на приобретение технических навыков и повышение цифровой грамотности населения в интерактивном режиме и на бесплатной основе. Если же говорить о США, то это, безусловно, закрепление за работодателем ряда вышеперечисленных обязанностей и система учета и отчетности в сфере дистанционной занятости. Указанные положительные аспекты могут использоваться и в российской практике. Таким образом, необходимо подчеркнуть, что исследование представляет собой попытку развития российского правового регулирования дистанционной работы с учетом положительного опыта зарубежных стран в данной сфере.

Литература

1. Кожевников О. А. Регулирование труда дистанционных работников в России и за рубежом // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право 3. 2020. С. 563–583.
2. Си Ву. Производительность удаленных работников в беспокойные времена. Сравнительное исследование сотрудников в Финляндии и Китае во время пандемии COVID-19 // Упсальский университет. 2021. С. 1–57.
3. Чудиновских М. В. Телеработа в БРИКС: правовые, гендерные и культурные аспекты // Юридический журнал БРИКС. 2020. № 4. С. 45–66.
4. См.: Невежина М. В. Гендерная дискриминация в сфере труда: опыт борьбы на международном уровне // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3. С. 187–193.
5. См.: Городнова Н. В., Самарская Н. А. Особенности реализации трудового права в России, Китае и в США в условиях пандемии // Социально-трудовые исследования. 2021. № 3(44). С. 130–140.
6. Трудовой кодекс РФ: федер. закон [от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (с изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1(ч. 1). Ст. 3.
7. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях: федер. закон [от 08 декабря 2020 г. N 407-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 50(часть III). Ст. 8052.

УДК 347.218.3

Сравнительно-правовой анализ института защиты частной жизни России и Китая

© А. Ю. Щепина

студент 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

cot3340@gmail.com

Данная статья представляет собой сравнительно-правовой анализ защиты частной жизни в России и Китае. В статье рассматриваются законодательные, организационные и технические механизмы защиты частной жизни в обеих странах. Особое внимание уделено сравнению механизмов защиты персональных данных в России и Китае. В статье также обсуждаются проблемы, с которыми сталкиваются обе страны в области защиты частной жизни.

Ключевые слова: защита частной жизни, персональные данные, защита личной жизни, общественный интерес, покой частной жизни.

Comparative legal analysis of the institution of protection of private life in Russia and China

© A. Yu. Shchepina

2nd year student,

Banzarov Buryat State University

Russia, Ulan-Ude

cot3340@gmail.com

This article is a comparative legal analysis of privacy protection in Russia and China. The article examines the legislative, organizational and technical mechanisms for privacy protection in both countries. Particular attention is paid to the comparison of personal data protection mechanisms in Russia and China. The article also discusses the problems faced by both countries in the field of privacy protection, and offers recommendations for improvement

Key words: privacy protection, personal data, privacy protection, public interest, privacy peace of mind.

Защита частной жизни является одной из самых важных гражданских свобод и прав в любом обществе. В настоящее время, когда технологии стали неотъемлемой частью нашей жизни, защита частной жизни стала особенно актуальной. Китай и Россия - две страны, которые в последнее время привлекают все большее внимание к своей политике в указанной сфере.

Целью данного исследования является проведение сравнительного правового анализа института защиты частной жизни в КНР и России.

В эпоху цифровизации использование персональных данных граждан происходит постоянно. Регистрируясь на различных сайтах, мы часто оставляем свои персональные данные, даем согласие на обработку персональных данных и это один из способов защиты нашей частной жизни.

Многие ученые задаются вопросом, что входит в содержание термина «частная жизнь»? Ответить на этот вопрос непросто, потому что сложно разграничить частную и общественную жизнь. К примеру, А. А. Аведян считает, что под частной жизнью понимается: «Совокупность духовных и физиологических составляющих жизни человека (вне зависимости от его возраста), не противоречащих нормам действующего законодательства, которые сам человек в своем сознании определяет тайной» [3, с. 93]. Мнение А. А. Аведян сводится к тому, что человек сам определяет то, что он считает тайной.

Охрана частной жизни регулируется в статье 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ). В диспозиции статьи указано, что не допускается без согласия граждан сбор информации касаясь частной жизни. К такой информации следует отнести, в частности, информацию о месте пребывания или месте жительства, месте происхождения, о семейной и личной жизни [1, с. 109].

Распространение этих данных без согласия гражданина может служить основанием для привлечения к ответственности виновных лиц. Не будет нарушением права гражданина на неприкосновенность частной жизни, когда без согласия лица происходит, сбор хранения распространения и исполь-

зование информации о частной жизни гражданина в государственных, общественных или иных публичных интересах, а также в случаях, если информация о частной жизни гражданина ранее стала общедоступной либо была раскрыта самим гражданином или по его воле [1, с. 109].

Так в Постановлении Пленума Верховного Суда о СМИ говорится, что под общественным интересом надо понимать «не любой интерес, проявляемый аудиторией, а, например, потребность общества в обнаружении и раскрытии угрозы демократическому правовому государству и гражданскому обществу, общественной безопасности, окружающей среде» [6, с. 5].

Также в этом постановлении Пленума указано, что СМИ могут распространять частную и личную информацию только с разрешения человека.

Помимо Гражданского кодекса РФ вопросы частной жизни в России также регулируются Федеральным законом «О персональных данных» (далее – ФЗ РФ «О персональных данных») [2].

Проблема законодателя заключается в том, что он не формулирует понятие частной жизни и не перечисляет входящие в его содержание персональные данные. Согласно п. 1 ст. 3 ФЗ РФ «О персональных данных» под персональными данными понимается «любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному, или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)» [2, с. 2].

Согласно этому закону, обработка персональных данных возможна только при наличии согласия самого гражданина или при выполнении определенных условий: если это необходимо для исполнения договора или контракта; если это требует выполнения обязательств перед органами власти; если это связано со здравоохранением или другими жизнеобеспечивающими интересами человека.

Любое нарушение правил обработки персональных данных может привести к штрафам, возмещению морального вреда.

Закон о персональных данных также предоставляет гражданам возможность контролировать использование своих личных данных. Каждый человек имеет право на доступ к своим данным, а также на их изменение или удаление в случае необходимости.

Таким образом, закон о персональных данных играет роль в защите частной жизни граждан России. Он устанавливает правила использования и хранения личной информации, а также предоставляет возможность контроля за ее использованием.

Законодательные механизмы защиты частной жизни в России включают в себя конституционное обеспечение права на частную жизнь, а также федеральные законы о защите персональных данных и об информации.

Организационные механизмы защиты частной жизни включают в себя создание специальных органов по защите персональных данных и информации, например, Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Эти органы занимаются контролем за соблюдением законодательства о защите персональных данных и информации.

Технические механизмы защиты частной жизни включают в себя использование средств защиты информации, например, шифрования данных и антивирусных программ. Кроме того, существуют методы защиты персональных данных при работе в интернете, например, использование виртуальных частных сетей (VPN).

Однако, несмотря на наличие различных механизмов защиты частной жизни в России, проблемы с их эффективностью все еще существуют. Например, не всегда возможно контролировать сбор персональных данных в интернете, особенно когда речь идет о зарубежных компаниях. Кроме того, судебная практика по защите права на частную жизнь в России неоднозначна, что может затруднить защиту прав граждан.

ФЗ РФ «О персональных данных» и предусмотренные им правовые механизмы защиты не гарантируют того, что персональные данные не будут использованы третьими лицами. Так можно привести пример утечки персональных данных в сервисе «Яндекс Еда» в 2022 году, также подвергались утечке данных пользователей сервиса «СДЭК» (Служба доставки «Экспресс-курьер»).

В Китайской народной республике защита частной жизни в настоящее время регламентирована Гражданским кодексом (далее – ГК КНР), который вступил в силу в январе 2021 года. До его принятия в Китае действовал закон о защите персональных данных.

Согласно ГК КНР вопросы защиты личной жизни регулируются главой 6 раздела 4 «Право на личную жизнь и защита личной жизни».

Первое отличие, которое можно заметить, сравнивая законодательство двух стран, это использование разной терминологии. Так, в России законодатель использует термин «частная жизнь», а в Китае –

«личная жизнь». Это связано с тем, что в Китае нет четких различий между этими понятиями и их часто используют как синонимы. Согласно, статье 1032 ГК КНР под личной жизнью понимается «покой частной жизни лица, личное пространство, о котором в силу желания лица не должны знать другие лица, личная тайная деятельность и личная тайная информация» [4, с. 342]. Но в содержательном плане понятие «личная жизнь» более конкретизировано, в отличие от понятия «частная жизнь» в России.

Из этого можно сделать вывод, что человек сам вправе выбрать границы личной жизни и общественной жизни, т.е. какую информацию он не хочет распространять о себе. В статье 1034 ГК КНР закреплена информация, которая не может разглашаться без согласия лица. К ней относятся: фамилия, имя, дата рождения, номер документа удостоверяющего личность, биометрическая персонализированная информация, адрес проживания, номер телефона, адрес электронной почты, информация о состоянии здоровья, информация о местонахождении и т.д. [4, с. 344] Дополняет этот список закон «О защите персональных данных», и в нем указаны, религиозные убеждения личности, финансовые счета [5, с. 163]. Список открытый и скорее всего это сделано для того, чтобы человек сам определял количество информации, которое он не хочет оглашать.

С одной стороны этот подход правильный, так как все люди индивидуальны и есть информация, которую человек не хочет оглашать по каким-то личным причинам. Однако с другой стороны, проблема защиты личной жизни в Китае заключается в отсутствии четкого определения этого понятия. Поэтому сложно определить грань, когда человек нарушил право другого на неприкосновенность личной жизни.

Российским законодателем предоставлена возможность самому гражданину определять объем информации, о которой он не хочет оглашать, так как в статье используется формулировка «любой информации его частной жизни». Соответственно, это дает право скрывать любую информацию, которую он считает конфиденциальной.

Использование Гражданского кодекса КНР удобнее, чем ГК РФ. Так как в ГК КНР защите личной жизни посвящена целая глава, состоящая из 8 статей. В России нужно обращаться помимо ГК РФ, к другим федеральным законам, что усложняет использование данного права. К примеру, в ГК КНР перечислены условия для получения и использования личной информации, обязанность государственных служащих хранить тайну о личной жизни человека, право лица корректировать свои данные, сообщать об ошибке и требовать их удаления. Данные положения также закреплены в российском законодательстве, но они находятся в разных законах.

Важно отметить еще одно отличие. В китайском законодательстве (в статье 1033 пункте 1 ГК КНР) закреплено правило о недопущении нарушать покой частной жизни лица посредством телефонных звонков, рассылки смс-сообщений.

В России были судебные решения, в которых суды признавали телефонные звонки нарушением частной жизни человека. Но законодательно такое правило не закреплено, что приводит к тому, что рассылки и звонки могут доставлять дискомфорт человеку. Автор исследования считает, что следует расценивать как нарушение покоя только те звонки и смс-сообщения, которые осуществляются без согласия человека. Если человек дал согласие, то нарушение отсутствует [7].

Китай является лидером в использовании технологии распознавания лиц. Однако это дает возможность государству легко отслеживать перемещение людей и собирать информацию о них без их согласия, что может быть использовано во вред человеку, посягать на неприкосновенность его личной жизни.

Если посмотреть новостную ленту, то утечка данных в Китае происходит меньше, чем в России. Это объясняется действием в этой стране более строго законодательства, направленного на защиту персональных данных граждан, а также наличием «продвинутых» современных технологий защиты.

Китай имеет строгие законы и механизмы защиты частной жизни, которые регулируют сбор, использование и раскрытие персональных данных.

Организационные механизмы включают создание специальных органов, таких как Центральный комитет государственной безопасности (ЦКГБ), которые отвечают за контроль за соблюдением законов о защите персональных данных, а также за рассмотрение жалоб на нарушения прав на конфиденциальность и персональную информацию.

Помимо ГК в КНР действуют специальные законы, например такие как:

- Закон о защите персональных данных (Personal Information Protection Law), который был принят в 2020 году и начал действовать с 1 ноября 2021 года, устанавливает правила для обработки персональных данных компаниями и организациями [8].

- Закон «О кибербезопасности КНР» (Computer Security Law), который требует от компаний сохранять конфиденциальность пользовательских данных [9].

В законах перечислены механизмы контроля доступа к информации на основе различных уровней безопасности: открытый доступ, авторизированный доступ или запрещенный доступ, а также различные инструменты шифрования для защиты конфиденциальной информации при передаче через Интернет или хранении на серверах компаний.

Последствия за нарушение права на неприкосновенность частной жизни в Китае и России схожи: в обеих странах лицо может подать гражданский иск о возмещении материального вреда.

Результаты исследования показывают, что в России защита частной жизни гарантирована Конституцией РФ, Гражданским кодексом РФ и Федеральным законом «О персональных данных». В Китае защита частной жизни также гарантирована ГК КНР и законами «О защите персональных данных» [8], «О кибербезопасности КНР» [9]. В последние годы Китай ужесточил контроль над интернетом и социальными сетями, что может, с одной стороны, положительно сказаться на защите частной жизни граждан, а с другой стороны негативно, если это уже будет касаться непосредственно личной жизни людей.

В России тоже происходит ужесточения контроля в социальных сетях, в интернете. Однако надо помимо совершенствования законодательной базы, улучшать и активно внедрять современные технологии.

Таким образом, сравнительно правовой анализ защиты частной жизни в Китае и России показал, что обе страны имеют законодательные, организационные и технические механизмы для защиты права на неприкосновенность частной жизни. Кроме того, обе страны сталкиваются с проблемами, такими как недостаточная эффективность законодательства, недостаточная эффективность деятельности соответствующих органов в сфере защиты персональных данных и технических средств защиты, а также противоречивая практика судебных органов.

Содержательно правовые нормы о защите частной жизни в России и Китае схожи. Основное различие заключается в понятии частной жизни. Подход законодателя в Китае более конкретизирован и понятен, по сравнению с российским, что создает немало коллизий в практической работе правоприменителей.

В целом, и Китаю и России необходимо продолжать совершенствовать законодательство, повышать эффективность деятельности органов по защите персональных данных и использованию новых технических средств защиты, чтобы обеспечить эффективную защиту права на неприкосновенность частной жизни. Но при этом, учитывая различия в культуре и политической системе, необходимо учитывать национальные особенности и в качественном регулировании данного вопроса.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон [от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. О персональных данных: федер. закон [от 27 июля 2006 г. N 152-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31(1 ч.). Ст. 3451.
3. Аведян А. А. Юридическая природа обеспечения права на неприкосновенность частной жизни // Юристы-Правоведь. 2012. № 2. С. 93–96.
4. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики / отв. ред. П. В. Трощинский. Москва: Синосфера, 2020. 431 с.
5. Гун Нань. Защита персональных данных в Китае: законодательство в цифровую эпоху // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. Вып. 1. С. 159–171.
6. О практике применения судами Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации": постановление Пленума Верховного Суда РФ [от 15 июня 2010 г. N 16 (с посл. изм. и доп.)] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8. август.
7. ВС РФ уточнил, когда есть основания требовать компенсацию морального вреда за назойливые звонки и смс. URL: <https://www.garant.ru/news/1198714> (дата обращения: 25 апр. 2023).
8. Закон о защите персональных данных (Personal Information Protection Law). URL: <https://www.jtl.columbia.edu/bulletin-blog/the-personal-information-protection-law-chinas-version> (дата обращения: 25 апр. 2023).
9. Закон «О кибербезопасности КНР» (Computer Security Law). URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-cybersecurity-law-of-the-peoples-republic-of-china-effective-june-1-2017> (дата обращения: 25 апр. 2023).

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АТР**

**CRIMINAL AND CRIMINOLOGICAL PROBLEMS OF COMPARATIVE LAW
IN THE APAC COUNTRIES**

УДК 343.61(517.3)

Legal regulation and practice of domestic violence in Mongolia

© **G. Gantumur**

Doctor of Laws /Ph.D./, Professor
Otgontenger University
Mongolia, Ulaanbaatar

© **S. Erdenebolor**

Head of Public Law Department, doctorates
Otgontenger University
Mongolia, Ulaanbaatar

This article will review the current legal situation with domestic violence in Mongolia, the number of cases, and the problems faced by the courts.

Key words: domestic violence, physical violence, emotional violence, sexual violence, crime, victim.

Правовое регулирование и практика домашнего насилия в Монголии

© **Г. Гантумур**

доктор юридических наук, профессор,
Университет Отгонтенгер
Монголия, г. Улан-Батор

© **С. Эрденеболор**

доктор юридических наук, преподаватель,
заведующий кафедрой публичного права,
Университет Отгонтенгер
Монголия, г. Улан-Батор

В данной статье будет рассмотрена текущая правовая ситуация с домашним насилием в Монголии, количество дел и проблемы, с которыми сталкиваются суды.

Ключевые слова: домашнее насилие, физическое насилие, эмоциональное насилие, сексуальное насилие, преступление, потерпевший.

Introduction

Domestic violence is a serious violation of human rights and is practiced in various forms, regardless of age, gender, wealth, social origin, or education. The consequences of violence can destroy a person's aspirations for well-being, self-esteem, and joy in life, as well as cause serious damage to morale, health, life, and status, potentially leading even to the most tragic end. But in life, in practice, there is still a tendency to consider people as “actions in the family sphere”, “family disputes”, “internal family problems” or “just a matter of being in life”.

Human rights violations, lack of adequate protection, and lack of accountability of perpetrators are becoming more noticeable in most countries of the world during periods of social, economic, and political transformations. Thus, the United Nations prioritizes the protection of human rights and has taken several multilateral measures, including adopting international treaties and conventions that Member States are obliged to comply with. Since Mongolia joined the National Organization in 1961, compliance with treaties

and conventions is a sign of compliance with its obligations. Mongolia has ratified almost 50 international human rights treaties and conventions and has taken steps to harmonize and improve national legislation.

Since the family is the basic unit of society, family issues are considered at the level of state policy, in Mongolia in 1926 the chapter of civil legislation on the rights and duties of the family was adopted, and in 1956 the law on marriage, family and foster families in the Republic of Mongolia was adopted for the first time.

In 1999, the National Assembly adopted the Family Law, which is still in force.

With the introduction of the revised law on domestic violence, the number of police reports on domestic violence has increased, as well as the types of services provided to victims, such as one-stop service centers, shelters, legal and psychological counseling, and social work services, have appeared. In addition, Article 11 (11.7) of the Criminal Code of Mongolia, approved in 2015 and in force since 2017, specifically legalizes the “crime of domestic violence”, which is the basis for improving the mechanism of legal responsibility.

Mongolia has established a system to combat domestic violence within the framework of relevant legislation, which provides for the implementation of functions to prevent and combat domestic violence in cooperation with the National Assembly, the Government, the Coordinating Council for Crime Prevention, the Prosecutor's Office, the Assembly of Citizens, the Governor, the police and other agencies.

However, it is important to study the above articles and categories of the Criminal Code, which are important for the protection of human rights, freedoms, and fundamental and inviolable rights, as well as problems and difficulties in practice, to make sure that the articles and provisions of the law are understood and properly applied.

There is still a need to focus on ensuring accountability and improving the legal norms in the field of criminal law about perpetrators of domestic violence. The number of violations and crimes related to domestic violence has not significantly decreased and is likely to increase, as well as serious consequences, relapses, predisposition, and subsequent harm to health have not decreased, which also affected the process of considering such cases and was observed in cases of unlawful application of the law, criminal prosecution, violations related to violence. in the family, crimes against health, crimes against domestic violence, and law enforcement agencies.

Many women have been involved in domestic violence that harms the health of their husbands and partner or even leads to the death of their partner [1]. Most of them were caused by domestic violence, the death of her husband and partner. There are also cases when one of the sentences makes the wife a criminal based on constant domestic violence and the fact that the husband is a minor victim of domestic violence.

The main factor contributing to the increase in the number of divorces is marital violence. Divorce due to violence affects not only the rights of spouses but also the rights of children.

Main Section

According to the history of mankind, the purpose of the family is to maintain the well-being of its members and society [2], and the family is used as a center for the upbringing and socialization of a person [3]. One of the main functions of the family, from the point of view of biological and social roles, is the formation of a system of production and reproduction of people. These include

- may occur when sharing material substances (such as food)
- to provide and receive care and upbringing (to develop family relations); legal rights and obligations;
- and believes that moral and sensual connections are [4].

The concept of the family was described by scientists as follows.

According to the Encyclopedia Britannica, domestic violence is a social and legal concept that, in the broadest sense, refers to any abuse—including physical, emotional, sexual, or financial—between intimate partners, often living in the same household. The term is often used specifically to designate physical assaults upon women by their male partners, but, though rarer, the victim may be a male abused by his female partner and the term may also be used regarding abuse of both women and men by same-sex partners.

For Mongolian scholars, the concept of domestic violence was discussed and explained as follows. Researcher T. Munkhdalai describes: “Domestic violence is an unequal relationship in which one is subjected to constant control and dependence on the other for power and lust for power, and these relationships always and always cause fear and changes in the psyche and body of a person,” which explains the motivation to commit domestic violence and actions that cause physical and psychological harm [5].

Ph.D. Oyunchimeg P. argues that “domestic violence is not just a narrow definition of force, it is behavior in which one of the family members dominates another with the help of force, physical and emotional violence, and property damage, and it is a manifestation of non-gender-related relationships that have led to

the deliberate restriction of their rights and freedoms" - a definition that addresses the four main types of violence from a human rights and gender perspective [6].

Ph.D. Ganbaatar G, Domestic violence has been defined as a negative social phenomenon, which includes actions (inaction), as a result of which one family member uses force or threatens to use force to exercise control over other family members, ethical and criminal civil and administrative violations [7], etc.

Women make up the majority of victims of domestic violence across the country, and women are more prone to more serious forms of violence.

However, domestic violence does not affect only women, and this type of violence seems to be a broader concept, including abuse of children [8], the elderly [9], and other violence between family members [10].

The results of the study show that there is a direct and noticeable correlation between the level of gender equality in the country and the level of domestic violence, and in countries with a low level of gender equality, domestic violence rates are higher.

Awareness, understanding, definition, and documentation of domestic violence vary from country to country. Domestic violence often occurs in the context of forced marriages or marriages of minors [11].

Victims of domestic violence are also more likely to develop mental problems after abuse due to symptoms such as physical disability, health problems, mental illness, financial constraints, and lack of ability to form healthy relationships.

The level of domestic violence in Mongolia is high, and the number of deaths and injuries of children and women as a result of domestic violence is not decreasing, and the task is to raise awareness of specialists and all those who are legally obliged to effectively prevent, detect and stop domestic violence at an early stage. Domestic violence is the most serious form of violence against women and children. Domestic violence can have many negative consequences for victims, including anxiety, heart, ache and loss of self-confidence, while simultaneously depriving the victim of the right to be free and safe, disabling the desire to feel vulnerable and weak, and causing them to lose confidence in the future. Not only that, but also the safety, health, and social aspects of the victims and their family members.

Domestic violence is regulated by the Constitution of Mongolia, the Criminal Code, the Law on Offenses, the Law on Combating Domestic Violence, the Law on the Protection of Family, Witnesses and Victims, the Law on Crime and Prevention, as well as the National Program on Combating Domestic Violence.

The sixteenth article of the Constitution of Mongolia guarantees the following basic rights and freedoms of Mongolian citizens:

...2 / Live in a healthy and safe environment... acceptable;

... 6 / maintain health...

...11 / equal rights of men and women in political, economic, socio-cultural life and family relations.

Marriage is based on an equal and voluntary relationship between an adult man and a woman, established by law. The State protects the interests of families, mothers, infants, and young children;

...13 / the right to inviolability and freedom. ... The inviolability of a citizen's personal and family life, correspondence, and the inviolability of home are protected by law;...basic rights are enshrined in the law,

Article nineteen (1) of the Constitution of Mongolia states that "the State is responsible to its citizens for providing economic, social, legal and other guarantees of human rights and freedoms, combating violations of human rights and freedoms and restoring violated rights", which is the fundamental constitutional guarantee of human rights protection in Mongolia.

The Mongolian Government has adopted several policy documents on combating domestic violence. Exactly:

In the Policy and Action Program of the President of Mongolia, "... support domestic violence policy, expand awareness-raising activities and improve legal norms to enhance the positive impact on family relations [12].

The Action Plan of the Government of Mongolia "strengthens family values and creates a favorable legal framework for reducing violence, protecting victims of violence and increasing accountability of family members [13]."

The National Program of the Government of Mongolia for the Development and Protection of Children states that "to support and encourage volunteers who provide child protection services to children at risk, to conduct regular voluntary and mandatory training to change the behavior of perpetrators of violence against children so that children are not exposed to any risk or violation". their rights and to develop in society an attitude of absolute intolerance to all forms of violence against children [14]".

The term “domestic violence” was first used in the family law adopted in 1999, which states that a marriage can be annulled without the courts taking conciliatory measures if the spouses do not abuse each other in any form and if the life or health of the spouse is damaged or may be caused by the constant abuse of one of the spouses [15].

Also, Article 129 of the Code of Civil Procedure, “preliminary measures for family-related proceedings”, contains a new provision: “instructing spouses to live separately”, which became a regulation for solving the problem of separation of abusers [16].

For domestic violence in Mongolia [17]

- physical violence;
- emotional abuse;
- economic violence;
- The content of forms of sexual violence is set out in the law as follows. These include:

Physical violence is any act or omission that may or may not cause harm to the life or health of a person subject to this Law by a person by Article 3 of the Law on Domestic Violence.

Article 3 of the Law on Domestic Violence refers to emotional violence in which a person coerces, neglects, slanders, harasses, threatens, restricts contact with others, stigmatizes, or causes other forms of emotional distress against the will of a person subject to this law.

Article 3 of the Law on Domestic Violence refers to economic violence in which a person covered by this law violates a person's right to own, use and dispose of wages, pensions, benefits, similar income, planned and joint property, restricts his ability to receive income, deprives him of necessary needs, avoids maintenance and other forms of economic dependence or causes material damage.

Article 3 of the Law on Domestic Violence defines sexual violence as the coercion of a person into an act of a sexual nature by using a situation controlled by him.

Domestic violence affects not only spouses but also cohabitants, former spouses or children, the elderly, the disabled, and other family members.

The Law on the Elderly, the Law on the Protection of Children, and the Law on the Rights of Persons with Disabilities of Mongolia state that violence or certain inaction by a family relative against an elderly person, child, or disabled person is considered a violation and a crime. The aforementioned laws specifically mention and prohibit certain acts of violence or inaction that are considered illegal, and provide for liability by criminal law. However, the Criminal Code does not sufficiently regulate responsibility for such actions, and in some cases, there is no regulation at all. Exactly:

A. The Law on Seniority 4.1.6. “violence against the elderly” - this is the act or omission of any person who violates the rights or freedoms of an elderly person, causing or threatening harm to his life, health, body or mind, 6.10. It a family member or a caregiver is prohibited from avoiding social isolation, discrimination, interference, or restriction of an elderly person's participation in public relations or exclusion from 16.2. Criminal legislation for citizens and legal entities guilty of violating this law, otherwise legislative liability is provided for the violation, but there is no specific regulation for this violation.

Article 6.5.2 of the Law on the Rights of Persons with Disabilities provides for the isolation or concealment of a person with disabilities from society, preventing his participation in any form of social interaction, and preventing access to development services; Article 45.1 states that if an offense or omission of a person in violation of this law, the law is a crime or violation, the Criminal Code or the Criminal Code of the Russian Federation imposes liability, but there are no specific provisions on violations.

Article 4.1.8 of the Child Protection Act defines “violence against children” as neglect, sexual harassment, or physical or emotional harm to life, health, and development, physical or emotional harm to children, and article 24.1 defines penalties for violations of children's rights by the Violations Act, penalties for crimes against children and coercion by the criminal law, and, some of them have been adapted to include the crime of domestic violence. The content is that the subject will be subjected to violence both by a dependent family and by an unrelated subject, but some agreements are ambiguous, while others are designed to create duplicate situations. These include inconsistency of material laws, lack of legal regulation, and duplication, which creates difficulties in resolving disputes and affects the legitimate rights and interests of participants in legal relations, as well as the risk of errors in understanding and applying the law.

In addition, article 3 of the Law on the Prevention of Domestic Violence makes it less rational to legislate any action or omission that may or may not cause harm to human health, as if it were just physical violence. This is because psychological injuries and injuries are only one of the forms of harm to human health. In other words, it is possible to harm health through emotional or psychological violence. It is also time to

look back at the harmonization of the concepts of harm to health in the Criminal Code and harm in the law on combating domestic violence. This is due to the fact because Court of Mongolia interprets the relevant provisions of the “law on domestic violence” in its interpretation of article 11.7 of the Criminal Code, or crimes related to domestic violence.

It is concluded that the definition of the form of emotional violence in the family described in this Law also could not become an ideal definition. In combination with this, there is a past that indicates little responsibility for this type of violent behavior in criminal law.

Judicial practice

According to a nationwide survey on gender-based violence in Mongolia conducted in 2017, more than half of Mongolian women have experienced some form of violence in their lives [18].

In 2019, the results of a survey on domestic violence conducted by the Public Health Service of the National Trauma Center showed that residents who visited the comprehensive service center at the center were more likely to experience emotional and physical violence, while every second woman wondered if the behavior of the offender could change [19].

There is a need to improve the regulatory framework for combating domestic violence in Mongolia. This is due to causal factors, such as violations related to domestic violence, the circumstances of the crime, the degree of responsibility of the perpetrator, the specifics of the case, and difficulties in enforcing the law.

Reports on cases of domestic violence and crimes in Mongolia are made available to the public through the report of the Institute of Judicial Research, Information and Training on Trials, and the monthly crime statistics of the Police Department.

The Office for National Statistics also prepares an annual detailed report combining crime research and data.

The "White Paper on Crime in Mongolia", published in 2016, includes specific studies of the circumstances, causes, and consequences of domestic violence.

Data on violations in the family for 2019-2020

Technical specifications	2019	2020	Rise and fall (%)
Violations related to domestic violence	8962	10306	↑ 15.0
By the provisions of the law on			
domestic violence, they have not fulfilled their duty to report	135	114	↓15.5
Entered in violation of the rules for granting temporary asylum	6	2	↓66.6
The purpose of temporary shelters has changed	1	1	
A person who has a relationship with a family relationship is called			
Beaten	6089	7917	↑30.0
Forced to perform or not to perform certain actions against his will	2453	1890	↓23.0
Limited contact with other people	34	35	↑2.9
Encroachment on the right to own, use and dispose of planned and common property	244	347	↑42.2
Ulaanbaatar City	6354	7257	↑14.2
Places	2608	3049	↑16.9

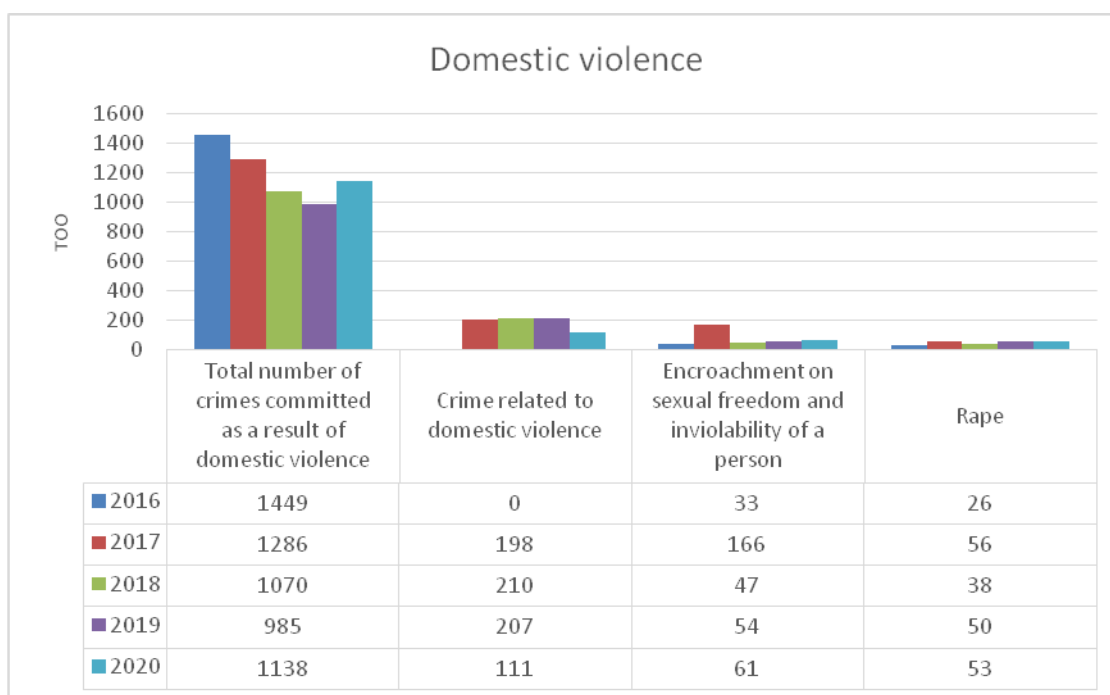
Cases of domestic violence, by type of crime, 2016–2020 [20]

By types of crimes	2016	2017	2018	2019	2020
Total number of registered crimes	27167	32259	36220	31524	23064
Total number of crimes committed as a result of domestic violence	1449	1286	1070	985	1138
Against the human right to life	17	13	12	13	22
Murder	16	12	7	12	21
Bringing a person to a suicidal situation	1	-	5	-	-

Against the inviolability of human health	1356	1089	998	913	1043
Crime related to domestic violence	-	198	210	207	111
Against sexual freedom and human inviolability	33	166	47	54	61
Rape	26	56	38	50	53
Immoral sexual desire	-	-	2	-	1
Against the human right to inviolability and freedom	-	-	5	2	2
Against health	-	-	-	1	-
Against children	-	-	7	2	4
Against public safety and interests	38	4	-	-	-
Crimes against property rights	4	10	-	-	-
Another	1	4	-	-	6

In most cases of domestic violence, domestic violence is not defined in Article 11.7 of the Criminal Code due to the lack of a “constant” quantitative frequency characteristic of the crime and the legalization of sexual violence without reference to this type of crime.

As of 2020, out of 1,138 cases committed as a result of domestic violence, 1,043 (91.6%) were crimes against human health, 61 (5.4%) were crimes against sexual freedom and human integrity, and 22 (1.9%) were crimes against the human right to life.

In the last 5 years of the 2018 -2022 Criminal Court-reviewed domestic violence cases, 6,365 people were victims of domestic violence. Of these, 5,916 cases, or 92.9% of all cases, were victims of physical violence.

2018-2022оны хүчирхийлэлд өртөгчдийн талаарх тоон мэдээ

Domestic violence as a form of criminal behavior	figures and years					total
	2018	2019	2020	2021	2022	
Total number of victims of domestic violence	1135	1193	1552	1353	1132	5233

Physical	1053	1101	1465	1269	1028	4888
Emotions	18	39	40	15	17	129
Partial	50	51	47	68	85	301
Economy	14	2	0	1	2	19

As seen in the table above, one in 13 cases dropped from the court is physical violence.

If a victim of domestic violence or a victim of a crime is classified [21]

Victims of crimes		figures and years				
		2018	2019	2020	2021	2022
Kinship	Wife	607	374	511	604	456
	husband	28	109	51	116	106
	Companion	230	442	644	316	301
	Granny	0	0	0	2	0
	mother	19	22	20	12	11
	Mother-in-law	8	13	28	6	6
	sister	3	1	5	17	7
	Nephew	26	7	17	15	24
	A born child	45	40	58	49	60
	Adopted child	7	1	6	1	1
	Stepson	28	39	48	48	57
	Another	134	145	164	167	103

Judging by the above study of the status of victims of domestic violence, there is evidence that violence against a partner is committed many times more often than against other subjects.

The number of crimes related to domestic violence initiated in 2017-2022 is 681.

Number of domestic violence crimes over the past 6 years

Offense	Crime rates and years						
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	total
Committing domestic violence	59	115	210	101	99	97	681

Judging by the table above, the number of crimes related to domestic violence seems to be decreasing over the years.

In 2017-2022, the number of defendants convicted by the court for crimes committed by justice is 493 people. To illustrate this in the table:

The number of convictions for domestic violence and news over the past 6 years

Offense	the number of people convicted in this case						
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	total
Committing domestic violence	33	73	176	67	60	84	493

Lower courts in 2017 prosecuted 59, in 2018 115 cases of domestic violence 73, and in 2019 210 cases resulted in 176 convictions, a 2.4-fold increase from the previous year. In 2020, however, the number of convicted felons fell to 67, a decrease of 61.9 percent from the previous year, and in 2021, the same decrease was made to 60, according to the statistics.

Problems and conclusions

First. encroachment on the right to own, use and dispose of planned and shared property;

Due to economic abuse and protective isolation, victims often have very little money of their own and few people they can rely on when seeking help. This is one of the biggest obstacles faced by victims of domestic violence, and it turned out to be the strongest factor preventing them from escaping from criminals.

A. Article 11.7.1.3 of the Criminal Code, article 11.7.1.3, does not constitute a rational regulation of such an act as an encroachment on the right to own, use and dispose of registered and common property, which is defined in this article as a group of crimes against the inviolability of human health.

Although the definition of economic violence in GBPC is much broader than provided for in the Criminal Code and the Code of Torts (infringement of the right to own, use and dispose of registered and common property), it is also applied in practice within the Criminal Code and the Code of Torts, as indicated above. It is necessary to formulate actions that prevent the right to own, use and dispose of planned and shared property, which is provided for in 2 laws of the Criminal Code. The Court informs that there is no such crime at all (see Chapter 3.2).

vt. There is a need to improve the form of economic violence, both the reference to the international standard law adopted in the study and its inclusion in the legislation of foreign countries. For example, in the Kyrgyz Republic, Laws No. 4, 27, No. 63 "On Protection from Domestic Violence" are in force in 2017, we believe that economic violence is the deliberate inability of one family member to provide for another member, as well as the deliberate deprivation or restriction of the right to receive and dispose of property and income that are intended by law for this person, or the use of the property or the property of the trustee - are determined rationally.

Second. committed against a child, a pregnant woman, an elderly person, or a disabled person;

Article 11.7 (11.7.2.1) of the Criminal Code deals with actions against children, pregnant women, the elderly, and the disabled.

The Law on the Elderly, the Law on the Protection of Children, and the Law on the Rights of Persons with Disabilities of Mongolia state that violence or certain inaction by a family relative against an elderly person, child, or disabled person is considered a violation and a crime. The aforementioned laws specifically mention and prohibit certain acts of violence or inaction that are considered illegal, and provide for liability by criminal law. However, the regulation of liability for such actions in the Criminal Code and the Criminal Code of the Russian Federation differs. Exactly:

A. The Law on Seniority 4.1.6. "violence against the elderly" - this is the act or omission of any person who violates the rights or freedoms of an elderly person, causing or threatening harm to his life, health, body or mind, 6.10. It a family member or a caregiver is prohibited from avoiding social isolation, discrimination, interference, or restriction of an elderly person's participation in public relations or exclusion from 16.2. Criminal legislation for citizens and legal entities guilty of violating this law, otherwise legislative liability is provided for the violation, but there is no specific regulation for this violation.

Article 6.5.2 of the Law on the Rights of Persons with Disabilities provides for the isolation or concealment of a person with disabilities from society, preventing his participation in any form of social interaction, and preventing access to development services; Article 45.1 states that if an offense or omission of a person in violation of this law, the law is a crime or violation, the Criminal Code or the Criminal Code of the Russian Federation imposes liability, but there are no specific provisions on violations.

vt. Section 4.1.8 of the Child Protection Act defines "violence against children" as neglect, sexual harassment, or physical or emotional abuse that intentionally or unintentionally harm the life, health, development, body, or psyche of the child, as well as section 24.1 of the law. Responsibility for violations of children's rights is provided for by the law on violations, punishment and enforcement measures for crimes against children are provided for by the Criminal Code, and some regulations provide for violations and crimes in the field of children's rights, some of them have been adapted to include the crime of domestic violence. The content is that the subject will be subjected to violence both by a dependent family and by an unrelated subject, but some agreements are ambiguous, while others are designed to create duplicate situations. These include inconsistency of material laws, lack of legal regulation, and duplication, which creates diffi-

culties in resolving disputes and affects the legitimate rights and interests of participants in legal relations, as well as the risk of errors in understanding and applying the law.

The Parliament is also obliged to amend the law on torture and other violations to clarify the regulatory mechanism.

Three. It is not true that the object of the criminal component - a crime related to domestic violence - falls under the category of crimes against health.

A. In the previous law, the Criminal Code of 2002, the crime of domestic violence corresponded to the object of the type of crime, since it related to crimes against children, families, and public morality. But the Criminal Code of 2015 (amendment) 11.7 from 1.3. it is noted that if the right to own, use and dispose of planned and common property is violated, then the decree does not apply to objects of a criminal nature directed against the inviolability of human health. Therefore, it is necessary to pay additional attention to whether this is the object of the crime belonging to this group. This is because article 11.7 of the Criminal Code of 2015 defines the object of criminal domestic violence as the inviolability of human health and the interests of the family, but the direct object of the crime is the right to own, use and dispose of registered and common property, which is theoretically contradictory. Thus, we believe that it would be appropriate to create a heterogeneous group dealing with crimes arising from family relationships.

Four. We give a theoretical definition of domestic violence as follows.

1. Physical violence refers to intentional actions of a family member that can cause physical pain, injury, injury-injury or physical pain or harm by attacking a family member to gain control or belonging to others. Physical violence is an act of violation and a criminal offense, depending on the nature of the social threat.

2. Sexual violence refers to any sexual or sexually motivated act committed with the intent to threaten a person's sexual integrity or sexual freedom, regardless of whether consent was obtained without his consent or against another family member when the sexual partner does not want it. Sexual violence is a crime and should be prosecuted by the Criminal Code, especially if it is appropriate to sentence a non-partner family member in terms of aggravating circumstances. In Mongolia, forced reproductive activity should be considered a form of sexual violence and prosecuted by criminal law. Reproductive coercion is a type of coercion that can only be considered as coercion of a husband towards his wife and can also be violated by an adult woman concerning the rights of her relatives. As a result, if serious damage has been caused to his health or if he repeatedly fails to have an abortion or a child, it is recommended to bring him to justice.

3. Psychological violence refers to intentional psychotic actions, such as threatening to seriously endanger a person's life or health, repeatedly or for many hours, forcing a person to perform or not perform a certain action, prohibiting contact with a person, causing fear, chronic depression, psychological distress, trauma, as well as interference with psychological, physical or personal development through threats, humiliation, intimidation or harassment of a person. Depending on the nature of the threat of causing social harm, this is also an act of violation and criminal law that imposes liability.

4. Economic violence is a deliberate encroachment on the rights to housing, food, clothing, property, and money provided for by law.

In addition, neglect violence refers to the deliberate refusal of caregivers to assist when, due to mental or physical disability or lack of self-sufficiency, a family member cannot provide himself with food, shelter, clothing, medical, medical, or other services. Neglect violence should be enshrined in the law on the legal status of the elderly, the Law on the Protection of Children's Rights, and the law on combating violence, the requirements for the protection of guardianship should be protected concerning the rights of pregnant women, young children and the elderly. In case of repeated commission, it is advisable to introduce criminal liability. Mongolia is responsible only if the child becomes a subject.

Literature

1. Munkhdalai, T. Some criminological issues of homicides committed by women // issues of combating crime. Quarterly Journal of theory and methodology. -- UB., 2009. №4 (30).
2. Alhussain, Khalid, Shah, Drishti, Thornton, James, Kelly, Kimberly. Familial Opioid Misuse and Family Cohesion: Impact on Family Communication and Well-being. Addictive Disorders & Their Treatment 2019;18 (4):194–204.
3. Lander L, Howsare J, Byrne M. The impact of substance use disorders on families and children: from theory to practice. Soc Work Public Health. 2013;28:194–205.
4. Schneider, David. A Critique of the Study of Kinship. Ann Arbor: University of Michigan Press. p. 182. 1984.
5. Mukhdalai T. Violence in the family and the influence of women on crime //Issues of science and practice. Research paper-23. Police Academy. 2010.

6. Oyunchimeg P. Domestic violence-human rights. // National Human Rights Commission for three years (2001-2003) compilation of speeches, interviews and lectures. 2004. Side 81.
7. The 6th aspect of the Doctor of Law's work. Ulaanbaatar, 2015.
8. WHO (2015). "Child maltreatment" (PDF). Geneva, Switzerland: World Health Organization. <https://web.archive.org/web/20150501075026/>.
9. "Elder abuse". Geneva, Switzerland: World Health Organization. https://web.archive.org/web/20150908195535/http://www.who.int/ageing/projects/elder_abuse/en.
10. Wallace, Harvey (2005), "Characteristics of family violence", in Wallace, Harvey (ed.), Family violence: legal, medical, and social perspectives, Boston, Massachusetts: Pearson, p. 2.
11. WHO (March 7, 2013). "Child marriages: 39,000 every day". who.int. World Health Organization.
12. Policy and action program of the President of Mongolia for 2017. Articles 2.6.1, 2.6.5.
13. Action Program of the Government of Mongolia for 2016-2020. 2016. Article 3.4.2.
14. Resolution of the Government of Mongolia // National Program for the Development and Protection of Children 2017.09.20 270.
15. National Center against violence" comprehensive victim protection systems and interdisciplinary coordination- a guide for professionals" --UB., 2019, side 53.
16. In addition to the principles set out in the Constitution of Mongolia, the following principles apply to domestic violence. These include:
 1. Respect for the dignity of the victim, rejection of accusations, non-discrimination in any form
 2. Protection of the rights and legitimate interests of children in the first place
 3. Protect the life and health of the victim and ensure immediate safety.
17. Domestic violence Act 2016, 6.1. article.
18. The Naked Truth about Violence, Gender Violence Research Report, NSO, 2017.
19. Survey of perpetrators of domestic violence, GCC, 2019.
20. https://www.1212.mn/Stat.aspx?LIST_ID=976_L23&type=sectorbook.
21. Report of the Mongolian Court for 2018, 2019, 2020, 2021 https://judcouncil.mn/site/site/news_full/10084, <https://www.court.za.gov.mn/812--2019-.html>, http://admincourt2.gov.mn/site/full_story/2339.

УДК 349.3

Особенности мошенничества в сфере страхования

© **И. Д. Гершевич**
магистрант 2-го курса,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
gershevich28@icloud.com

В данной статье рассматривается мошенничество в сфере страхования (статья 159.5 УК РФ). Рассмотрены случаи мошенничества в страховании, которым подвержены все страховые компании в процессе осуществления страховых услуг. Приводится официальная статистика по данному виду преступления. Автором предложены меры совершенствования квалификации мошенничества в сфере страхования и проанализирован зарубежный опыт некоторых стран. Анализ зарубежного опыта позволяет на их основе сформировать рекомендации для регулирования российского рынка страхования в целях противодействия страховому мошенничеству.

Ключевые слова: мошенничество в сфере страхования, страховое мошенничество, субъект страхового мошенничества, подделка официального документа.

Features of insurance fraud

© **I. D. Gershevich**
2nd year master's student,
Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
gershevich28@icloud.com

This article discusses fraud in the insurance industry (Article 159.5 of the Criminal Code of the Russian Federation). Cases of fraud in insurance, to which all insurance companies are exposed in the process of providing insurance services, are considered. The official statistics on this type of crime is given. The author proposes measures to improve the qualification of fraud in the field of insurance and analyzes the foreign experience of some countries.

Key words: insurance fraud, insurance fraud, subject of insurance fraud, forgery of an official document.

Рассмотренная тема не теряет своей актуальности. Согласно данным МВД РФ по итогам 2022 года было зарегистрировано 343 159 тыс. мошенничеств из общего числа зарегистрированных 1 823 700 тыс. преступлений [5].

Подобные статистические данные свидетельствуют об увеличении с каждым годом процентного соотношения числа совершенных преступлений в сфере мошенничества, в связи с чем стоит обратить внимание на то, что распространение мошенничества стало следствием развития экономики, института частной собственности и договоров, а в настоящее время этому способствовало также развитие информационных технологий. Благодаря этим обстоятельствам и существуют различные способы, посредством которых мошенники, не применяя значительных усилий, могут совершать хищения чужого имущества и приобретать права на чужое имущество.

На сегодняшний день проблема мошенничества в сфере страхования (ст. 159.5 УК РФ) является наиболее актуальной и распространенной в сфере страхования.

Рост мошенничества в сфере страхования связан с быстрым развитием экономических отношений в целом и является наиболее актуальной и распространённой в сфере страхования проблемой (рис. 1).

Из Рисунка 1 видно, что с каждым годом уровень мошенничества в сфере страхования планомерно растёт. Все это подтверждает факт того, что многие страховые мошенники продолжают свою преступную деятельность, при этом наращивая объемы причинённого ущерба.

Действующее законодательство не содержит понятия «страховое мошенничество», однако в УК РФ используется понятие «мошенничество в сфере страхования», которое определено в ч. 1 ст. 159.5 УК РФ [1].

Необходимо отметить, что данная норма является бланкетной и понятия, содержащиеся в ней, можно детализировать, используя другие точки зрения российского законодателя. В первую очередь

стоит обратиться к Закону РФ от 27.11.1992 года № 4015-1 «Об организации страхового дела в РФ» [9].

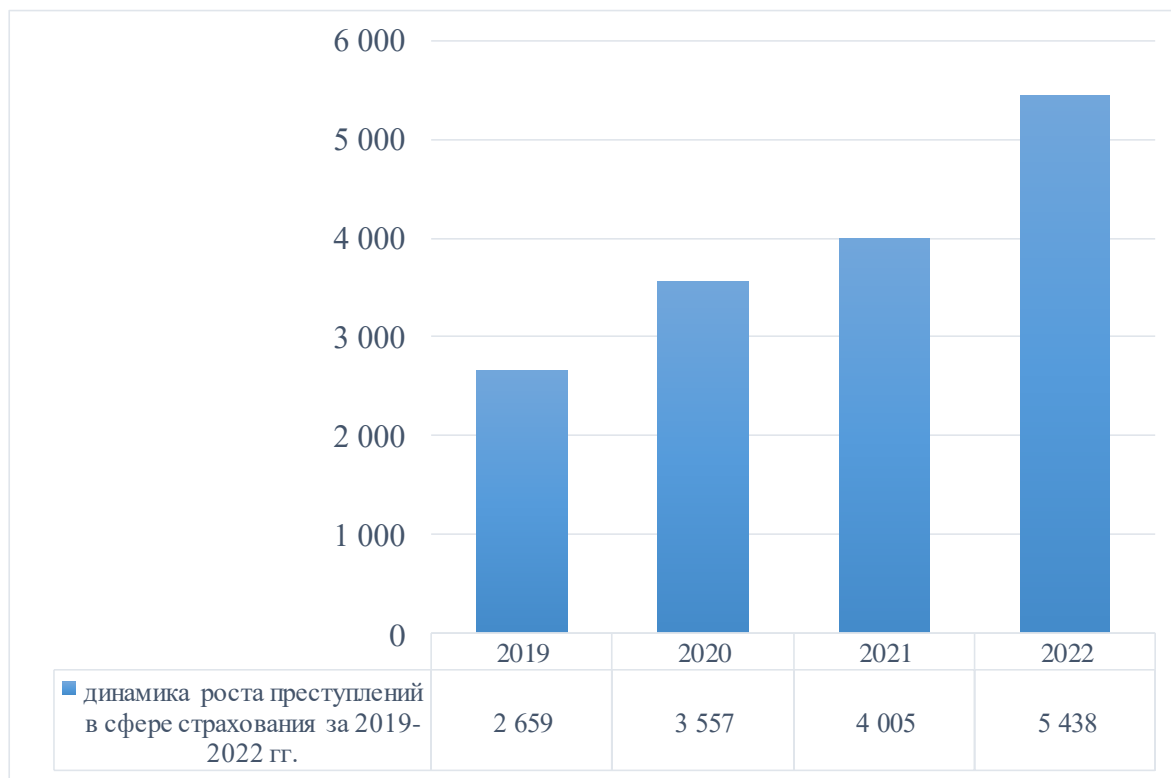

Рис. 1. Динамика роста преступлений в сфере страхового мошенничества за 2019–2022 гг. [8].

Одной из задач организации страхового дела является установление принципов страхования и формирование механизмов страхования, обеспечивающих экономическую безопасность граждан и хозяйствующих субъектов на территории Российской Федерации.

Рассматривая проблемы квалификации данного преступного деяния, то следует отметить, что в настоящее время большой рост мошенничества связан с автострахованием.

Страхователи при заключении договоров ОСАГО искажают информацию, предоставляемую страховщикам, что в свою очередь ведет к снижению страховой премии по договору.

Ярким примером данного вида мошенничества является страхование такси как транспортного средства, используемого в личных целях.

При этом размер страховой премии занижается минимум в три раза, а страховой риск наоборот увеличивается в разы. Но, исходя из анализа ст. 159.5 УК РФ, данные действия не подпадают под ее состав. При выявлении такого рода обмана страховым компаниям приходится обращаться в суд для признания договоров недействительными. Положительная практика по данному виду споров уже сложилась к примеру, в Республике Бурятия [3, с. 51].

В вышеуказанных случаях можно говорить о пробеле в законодательстве и необходимости внесения изменений в ч. 1 ст. 159.5 УК РФ, расширив ее действие.

Характеристика объекта такого вида преступлений, как мошенничество в сфере страхования, не представляется возможным без рассмотрения вопроса о его предмете.

По мнению Б. В. Елифанова, «правильное понимание предмета преступления способствует четкому уяснению сущности объекта преступного посягательства, его места в системе норм Особенной части УК РФ, позволяет сделать верное различие между ним и орудием или средством совершения преступления» [4, с. 72].

Принимая во внимание тот факт, что страховое мошенничество относится к преступлениям, непосредственным объектом которых выступают общественные отношения по охране прав собственника, установление предмета является одной из первостепенных задач.

Проанализировав труды В. А. Маслова, можно сделать вывод, что предмет страхового мошенничества обязательно должен обладать следующими признаками:

- 1) он должен обладать признаками вещи, быть материальным;
- 2) иметь определенную экономическую ценность;
- 3) предмет преступления должен быть чужим и субъект преступления прекрасно осознает, что не имеет на него никакого права (действительного или предполагаемого).

Весьма интересным представляется также уголовное законодательство зарубежных стран, регулирующих уголовную ответственность за мошенничество в сфере страхования. Данный анализ позволит дать рекомендации для совершенствования отечественного уголовного права с учетом положительного опыта иностранных государств.

Первой страной, чей опыт правового закрепления мошенничества в сфере страхования, представляется интересным рассмотреть, является КНР, где наблюдается на сегодня строгая система санкций за совершение преступного деяния.

В частности, согласно ч. 1 ст. 198 УК КНР «При наличии одного из нижеследующих условий мошенничество в области страхования в сравнительно крупном размере - наказывается лишением свободы на срок до 5 лет или краткосрочным арестом, а также штрафом в размере от 10 до 100 тыс. юаней; то же деяние, совершенное в крупном размере или при иных отягчающих обстоятельствах, - наказывается лишением свободы на срок от 5 до 10 лет, а также штрафом в размере от 20 до 200 тыс. юаней; то же деяние, совершенное в особо крупном размере или при иных особо отягчающих обстоятельствах, - наказывается лишением свободы на срок свыше 10 лет, а также штрафом в размере от 20 до 200 тыс. юаней или конфискацией имущества:

- 1) умышленное выдумывание страхователем страховой нормы и получение страховой суммы мошенническим путем;
- 2) фальсифицирование страхователем или выгодополучателем причины произошедшего страхового случая или завышение степени понесенного ущерба и получение страховой суммы мошенническим путем;
- 3) фальсифицирование страхователем или выгодополучателем не имевшего места в действительности страхового случая и получение страховой суммы мошенническим путем;
- 4) умышленное причинение страхователем или выгодополучателем материального ущерба, являющегося страховым случаем, и получение страховой суммы мошенническим путем;
- 5) умышленные действия страхователя или выгодополучателя, приведшие к смерти, травмированию или болезни застрахованного лица, и получение страховой суммы мошенническим путем» [10].

Обращаясь к законодательству КНР, следует отметить, что ст. 266 УК КНР предусматривает лишение свободы на срок до 3 лет за мошенничество, совершенное как в отношении государственного, так и частного имущества в крупном размере. Также наказание может быть заменено арестом или надзором, штрафом [10].

Следует отметить, что во всех странах в настоящее время популярно к сожалению и активно практикуемо мошенничество с использованием компьютерных технологий. Это свойственно в том числе и России, например в случаях, когда страховой полис оформляется электронно.

Как отмечается в литературе, к примеру в США, где страховой рынок крупнейший в мире, в стране действует несколько организаций по борьбе с мошенничеством в страховании: Национальное страховое криминалистическое бюро; Объединение против страхового мошенничества; Бюро страховых услуг; Национальная ассоциация по борьбе с мошенничеством в медицинской сфере; Национальная академия подготовки кадров для борьбы с преступностью в страховании [11, с. 123]. В России подобных организаций нет.

Таким образом, страховое мошенничество относится к преступлениям, которые совершаются с прямым умыслом и конкретной целью.

Необходимо отметить, что состав преступления, закреплённый в ст. 159.5 УК РФ, является узконаправленным, в связи с чем некоторые противоправные действия субъектов в сфере страхования нельзя квалифицировать как страховое мошенничество. Законодателю стоит рассмотреть вопрос о расширении состава преступления ст. 159.5 УК РФ, включив в него как минимум обманные действия субъектов при заключении договоров страхования.

Таким образом, несомненно, российское законодательство следует совершенствовать, особенно в части применения компьютерных технологий при их использовании с целью совершения мошенни-

ческих действий, чему российская практика пока не уделяет должного внимания. Необходимо использовать положительный опыт зарубежных стран в российской практике.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ [от 30 ноября 2017 г. N 48] // Рос. газета. 2017. № 280. 11 декабря.
3. Модельный Уголовный Кодекс США. URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1250258&subID=100114498,100114499> (дата обращения: 10 апр. 2023).
4. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. А. И. Коробеева, пер. с китайского Д. В. Вичикова. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. 303 с.
5. Уголовный кодекс Польши / под ред. А. И. Лукашова, Н. Ф. Кузнецовой. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. 234 с.
6. Боровских Р. Н. Мошенничество при получении выплат и в сфере страхования: проблемные вопросы квалификации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 3 (33). С. 50–52.
7. Епифанов Б. В. Предмет преступления: понятие и проблемы правотворчества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2. С. 70–75.
8. Статистический сборник «Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 г.». URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 26 апр. 2023).
9. Об организации страхового дела в Российской Федерации: закон РФ [от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 (с изм. и доп.)] // Рос. газета. 1993. № 6. 12 января.
10. Уголовный кодекс КНР. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz/zgflyd/201601/t20160111_3149373.htm (дата обращения: 08 авг. 2023).
11. Степанов А. Л. Опыт США в сфере противодействия страховому мошенничеству // Вопросы студенческой науки. Вып. № 12(64). 2021. декабрь. С. 122–125.

УДК 343.25(510)

Порядок применения смертной казни в законодательстве КНР

© Лу Чжаоюй

студент 2-го курса,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
3129633793@qq.com

В статье автор делает попытку проанализировать порядок применения смертной казни как в исторической ретроспективе, так и раскрыть внутреннее законодательное содержание, раскрывающее характер указанного вида уголовного наказания. Отдельно описывается круг лиц, к которым законодательно не может быть применено самое суровое уголовное наказание за совершенное преступление. В заключение определено авторское видение вопроса, почему не может быть применено указанное уголовное наказание для пожилых лиц, подробно аргументируются причины неприменения смертной казни, раскрываются основные критерии.

Ключевые слова: уголовные наказания; критерии применения; история законодательства; смертная казнь; альтернативные меры.

The procedure for applying the death penalty in the legislation of the PRC

© Lu Zhaoyu

2nd year student,
Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
3129633793@qq.com

In the article, the author makes an attempt to analyze the procedure for applying the death penalty both in a historical retrospective and to reveal the internal legislative content that reveals the nature of this type of criminal punishment. Separately, a circle of persons is described who, by law, cannot be subject to the application of the most severe criminal punishment for a crime committed. In conclusion, the author's vision is given why the specified criminal punishment for the elderly cannot be applied, the reasons for not using the death penalty are argued in detail, and the main criteria are revealed.

Key words: criminal penalties; application criteria; history of legislation; the death penalty; alternative measures.

В целях ограничения и сокращения применения смертной казни, и в частности для защиты права на жизнь некоторых конкретных групп населения, Экономический и Социальный Совет ООН издал ряд международных конвенций, исключающих смертную казнь для несовершеннолетних, беременных женщин, молодых матерей, лиц с психическими отклонениями и пожилых людей определенного возраста. Аналогичные положения содержатся в региональных конвенциях, таких как Американская конвенция по правам человека [1]. Реализация принципа неприменения смертной казни к этим особым субъектам не только отражает требование гуманности наказания, но и имеет положительное значение в ограничении и сокращении применения смертной казни.

Следовало бы акцентировать внимание на запретах смертной казни для несовершеннолетних в Китае.

С точки зрения истории и культуры Китая, принцип запрета применения смертной казни к несовершеннолетним основан на традиционной культуре выражения сострадания к молодым в Древнем Китае, которая является своего рода факторами «терпимости» и «сострадания» к несовершеннолетним. Многолетняя неполнота китайского законодательства по вопросам о неприменении смертной казни к несовершеннолетним тесно связаны с отсутствием правильного понимания особой защиты несовершеннолетних как особой группы населения.

На протяжении развития китайского уголовного законодательства Уголовный кодекс Китайской Республики, обнародованный в 1935 году, несомненно, оказал положительное влияние, впервые установив правило, согласно которому несовершеннолетние в возрасте до 18 лет не могут быть приговорены в Китае к смертной казни или пожизненному заключению [7]. Однако Кодекс предусматривал это правило, за исключением убийства лица, непосредственно восходящего на престол, что

оставляло возможность для применения смертной казни к несовершеннолетним. После образования Китайской Народной Республики в Инструкции по обращению с женщинами, несовершеннолетними и престарелыми преступниками, изданной Министерством общественной безопасности в октябре 1951 года, было указано, что "несовершеннолетние преступники в возрасте до 18 лет не могут быть приговорены к смертной казни", тем самым установив уголовную политику, согласно которой смертная казнь не может быть применена к несовершеннолетним. Это положение сохранялось во всех последующих проектах уголовных законов до принятия китайского Уголовного закона 1979 года.

В конце 1970-х годов, в связи с ростом преступлений, совершенных несовершеннолетними, и ухудшением ситуации с социальным обеспечением, уголовно-правовое законодательство 1979 года изменило предыдущий проект уголовного закона, который не применял смертную казнь к несовершеннолетним: "Лица, не достигшие 18 лет на момент совершения преступления, не подлежат смертной казни. ". Но в то же время он предусматривал, что "несовершеннолетний, достигший 16 лет, но не достигший 18 лет, может быть приговорен к смертной казни условно, если совершенное преступление является особо тяжким". Судебное толкование, изданное Верховным народным судом в сентябре 1983 года, предусматривало, что лицо, приговоренное к условному смертному приговору за то, что на момент совершения преступления ему не исполнилось 18 лет, может быть казнено в соответствии с законом, если в период отсрочки исполнения приговора преступник достиг 18-летнего возраста и серьезно сопротивлялся реабилитации. Это дает возможность сначала применить отсрочку от смерти к несовершеннолетним, которым на момент совершения преступления не исполнилось 18 лет, а затем перевести ее в разряд реальной казни. В определенной степени это отражает некоторую двойственность законодателя при принятии решения о применении смертной казни к преступлениям, совершенным лицами моложе 18 лет.

Когда в 1997 году был пересмотрен Уголовный закон, возникли жаркие споры о том, следует ли применять смертную казнь к несовершеннолетним, и по мере продолжения дискуссии был достигнут консенсус в отношении того, следует ли применять смертную казнь к несовершеннолетним. Поскольку несовершеннолетние еще незрелы физически и психологически, их способность к идентификации и контролю еще не сформирована, и они очень податливы, поэтому их наказание должно отражать принцип "сначала воспитание, потом наказание". Применение смертной казни к несовершеннолетним преступникам (включая отсрочку от смерти) - это наказание без обучения и не может достичь цели наказания. Принцип абсолютного неприменения смертной казни к несовершеннолетним был установлен в соответствии с принципом "принципиального отсутствия увеличения или уменьшения числа преступлений, караемых смертной казнью". Установление этого принципа, который находится в органической гармонии с международными стандартами, освободило несовершеннолетних преступников от возможности применения смертной казни и ознаменовало большой прогресс в защите прав и интересов несовершеннолетних в Китае [3, с. 225].

Китайское действующее уголовное законодательство исходит из необходимости защиты несовершеннолетних, не применяя смертную казнь к преступлениям, совершенным лицами до 18 лет [7]. В частности, несовершеннолетние являются незрелыми и податливыми, и законы о защите несовершеннолетних многих стран рассматривают молодежь и несовершеннолетних как единое целое. Например, китайский Закон о браке гласит, что возраст вступления в брак не должен быть ранее 22 лет для мужчин и 20 лет для женщин [8]. В настоящее время в Китае возраст совершеннолетия фактически отсрочен, и те, кому меньше 20 лет, как правило, еще учатся в университете или еще не получили работу, они еще не самостоятельны в экономическом и социальном плане и не обладают той независимостью, которую должны иметь взрослые, из-за удлиненного школьного цикла, повышенного давления со стороны занятости и избалованности со стороны семей.

Способность психически больного человека осознавать или контролировать свое поведение при совершении преступления является ключом к определению того, следует ли привлекать психически больного человека к уголовной ответственности и можно ли смягчить или уменьшить наказание, что в определенной степени определяет возможность применения смертной казни к психически больным. В настоящее время уголовное законодательство Китая предусматривает, что психически больной человек, не способный осознавать или контролировать свое поведение и причиняющий вред, что подтверждается установленной законом процедурой, не подлежит уголовной ответственности. Это сделано с учетом того, что психически больной человек в данный момент не способен осознавать или контролировать свое поведение и находится в состоянии полного отсутствия уголовной ответственности. В это время, хотя деяние и повлекло определенные вредные последствия для общества, но оно

не имеет познания в субъекте и объекте. Согласно принципу единства субъективности и объективности, виновный не должен нести уголовную ответственность. Если к нему будет применена смертная казнь, то это будет противоречить принципу соразмерности преступления и наказания, предусмотренному уголовным законодательством Китая.

В судебной практике Китая смертная казнь может быть применена к преступнику, который находится в нормальном психическом состоянии как во время совершения преступления, так и во время судебного разбирательства, но не способен осознавать или контролировать свои действия до приведения приговора в исполнение. По мнению автора, в таких случаях казнь следует приостановить и сообщить об этом в Верховный народный суд для получения инструкций. Поскольку целью назначения наказания является сдерживание и воспитание, если преступник больше не является социально опасным или лично опасным, то его наказание должно быть соответствующим образом сокращено, и казнить его нецелесообразно. В то же время, даже если психически больной обладает некоторой способностью к ответственности, его способность к ответственности, очевидно, находится между способностью к несению ответственности и неспособностью к ответственности. Применение смертной казни к такому психически больному человеку не соответствует неполной степени ответственности, которой он обладает, а также подвергает обвиняемого риску того, что он может быть неправильно казнен.

Таким образом, очевидно, что положения действующего Уголовного закона Китая, предусматривающие более мягкое или менее строгое наказание для психически больных людей, которые еще не полностью утратили способность определять или контролировать свое поведение, не отражают эффективно особую защиту психически больных людей. Основная политика Китая в отношении смертной казни заключается в том, чтобы убивать экономно и осторожно", подтекст которой заключается в строгом ограничении применения смертной казни, и особые субъекты преступлений также должны быть максимально ограничены в применении смертной казни. Психически больные, как особая группа, имеют определенные особые причины для совершения преступлений, и их состояние может измениться в любой момент, поэтому их нельзя рассматривать как абсолютно нормальных людей, и к их обращению нельзя предъявлять требования по стандартам суждений нормальных людей. Поэтому в применении закона должна быть отражена определенная степень терпимости, а смертная казнь должна применяться к психически больным с осторожностью [4, с. 172].

Уголовный закон Китая 1997 года не предусматривает освобождения от смертной казни за преступления, совершенные пожилыми людьми [2]. В 1999 году Китай вступил в «стареющее» общество. В июне 2010 года в Китае насчитывалось более 160 миллионов человек старше 60 лет, что составляло около 12,8% всего населения. Старение населения породило ряд социальных проблем, а преступления, совершаемые пожилыми людьми, стали социальной проблемой, заслуживающей особого внимания. До принятия Закона о внесении изменений в уголовное законодательство (VIII) не было четких положений о том, могут ли преступления, совершенные пожилыми людьми, быть смягчены, однако в судебной практике было принято относиться к преступлениям, совершенным пожилыми людьми, со снисхождением. Китайское законодательство должно соответствовать потребностям развития уголовного права международного сообщества и унаследовать прекрасную китайскую традицию уважения к пожилым и молодым людям, чтобы отразить мягкое отношение к пожилым людям [5]. Поэтому Поправка (VIII) к Уголовному закону Китая предусматривает, что смертная казнь в принципе не применяется к пожилым людям, достигшим 75-летнего возраста, за исключением тех, кто использует крайне жестокие средства для причинения смерти другому человеку, что в определенной степени расширяет сферу ограничения применения смертной казни и завершает коллизии законодательства Китая о мягком наказании за преступления, совершенные пожилыми людьми, и является важной мерой по ограничению смертной казни в законодательстве Китая, которую следует рассматривать в судебном порядке. Это очень значимая мера по ограничению смертной казни в законодательстве Китая, которая должна строго соблюдаться при отправлении правосудия.

Поправка (VIII) к Уголовному закону Китая содержит четкие положения об ограничении применения смертной казни к пожилым людям, однако до сих пор возникают споры о том, являются ли разумными верхний возрастной предел и оговорка об ограничении применения смертной казни к пожилым людям [6].

По мнению автора, критерии применения смертной казни к преступлениям, совершенным пожилыми людьми, можно усовершенствовать следующим образом: во-первых, следует еще больше сни-

зить начальный возраст для неприменения смертной казни и установить верхний возрастной предел для неприменения смертной казни на уровне 70 лет. Причины для этого следующие:

1. 70-летние люди вступают в «закат» своей жизни, их физические и психологические функции деградировали, их физическая сила и энергия относительно уменьшились, и они менее склонны снова совершать преступления против общества, поэтому нет необходимости применять к ним смертную казнь. Более того, поскольку пожилые люди могут легко умереть во время отбывания наказания, у них меньше шансов совершить преступление повторно.

2. Смертную казнь, как самую суровую меру наказания, нет необходимости применять к пожилым людям старше 70 лет. Ограничение смертной казни за преступления, совершенные пожилыми людьми, на самом деле должно применяться в возрасте, превышающем пенсионный возраст, но не превышающем среднюю продолжительность жизни. Информация шестой переписи населения Китая в 2010 году показывает, что средняя продолжительность жизни населения Китая составляет 74, 83 года. Соответствующее снижение возрастного порога для неприменения смертной казни и неприменение смертной казни к лицам старше 70 лет может отразить прогресс законодательства.

3. Международное сообщество и другие страны мира в основном учитывают принцип гуманизма при применении смертной казни к пожилым людям. Профессор Чэнь Синлянь отметил, что наказание должно оставаться в пределах допустимого для достоинства людей, и что в уголовном праве должны проявляться терпимость, снисходительность, справедливость и мораль [9].

Литература

1. Американская конвенция о правах человека // *normativ.kontur* – [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=12652&ysclid=lg6egwa9dx626356709> (дата обращения: 23 март. 2023).

2. Коробеев А. И., Чучаев А. И. Уголовный кодекс Китая: общая характеристика (к 20-летию со дня принятия) // *Актуальные проблемы российского права*. - 2018. - № 2 (87) – [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnyy-kodeks-kitaya-obschaya-harakteristika-k-20-letiyu-so-dnya-prinyatiya> (дата обращения: 27 март. 2023).

3. Куриганов С. А. Сравнительно-правовое исследование института смертной казни в Японии и КНР // *Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона – VIII: материалы Международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов (Улан-Удэ, 19 мая 2017 г.)* / отв. ред. Ю. П. Гармаев. Улан-Удэ: Байкальский меридиан, 2017. С. 225–227.

4. Liu Tianlai. Меры наказания, альтернативные применению смертной казни (сравнительное исследование России и Китая) // *Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона – VI: материалы Международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов, соискателей, магистрантов и студентов (Улан-Удэ, 17 апреля 2015 г.)* / отв. ред. Ю. П. Гармаев. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2015. С. 172–175.

5. Гао Миньсюан. О мерах наказания, альтернативных смертной казни в Уголовном праве Китая // *Юридическая наука Хэбэя*. 2008. № 2.

6. Пан Дунмэй Новые тенденции развития уголовного законодательства в Китае (интерпретация «Поправок к Уголовному кодексу китайской Народной Республики (№ 8)» // *Всероссийский криминологический журнал*. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-tendentsii-razvitiya-ugolovnogo-zakonodatelstva-v-kitae-interpretatsiya-popravok-k-ugolovnomu-kodeksu-kitayskoy-narodnoy> (дата обращения: 07 март. 2023).

7. Уголовное право Китая (2017). URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/criminal-law-of-china-20171104> (дата обращения: 17 авг. 2023).

8. Гражданский кодекс Китая: Книга V. Брак и семья (2020). URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/civil-code-of-china-part-v-marriage-and-family-20200528> (дата обращения: 17 авг. 2023).

9. См.: Чэнь Синлянь. Количественные показатели преступления как элемент состава преступления: анализ на основе китайского уголовного права (кит. яз.) // *Всемирное юридическое обозрение*. 2003. № 3. С. 275; см. также: Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). Пер. с кит. и коммент. А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова, Л. С. Переломова, П. С. Попова при участии В. М. Майорова; вступит. ст. Л. С. Переломова; Ин-т Дальнего Востока. Москва: Восточ. лит., 2004. 431 с. (Китайский классический канон в русских переводах: осн. в 1998 г.)

УДК 343.13

**Уголовная ответственность за превышение должностных полномочий
в некоторых странах Азиатско-Тихоокеанского региона**

© Н. А. Пешков

магистрант 2-го курса,
Восточно-Сибирский государственный университет
технологий и управления
Россия, г. Улан-Удэ
nikitapeskov76@gmail.com

В данной статье автор проводит исследование относительно вопросов уголовной ответственности за превышение должностных полномочий в России, Японии, Китае и США, с целью изучения особенностей данной проблематики в разных странах. Основой исследования служат нормативные акты, которые регулируют уголовную ответственность в отношении превышения полномочий по должностным преступлениям. Для достижения целей исследования автор использовал как общенаучные, так и специальные методы, такие как аналогия, анализ, синтез и сравнительно-правовой подход. При помощи сравнительного анализа автор приходит к выводу о высокой актуальности вопросов, касающихся привлечения к уголовной ответственности за превышение должностных полномочий во всех рассматриваемых странах.

Ключевые слова: превышение должностных полномочий, должностные преступления, должностное лицо, полномочия, злоупотребление должностными полномочиями.

Criminal liability for abuse of power in some countries Asia-Pacific

© N. A. Peshkov

2nd year master's student,
East Siberian State University
technology and management
Russia, Ulan-Ude
nikitapeskov76@gmail.com

In the article, the author made an attempt to study the specific features of criminal liability for abuse of office in the Russian Federation, Japan, China and the United States. The purpose of the work is to study the regulations, criminal liability in the field of regulation of malfeasance. The work uses general scientific and special research methods (analogy, analysis, synthesis, comparative legal). As a result of a comparative analysis, a conclusion is formulated about the relevance of issues related to bringing to criminal liability for abuse of office.

Key words: abuse of power, malfeasance, official, powers, abuse of power.

Анализ иностранного опыта в вопросах ответственности за превышение должностных полномочий является актуальным для России, особенно в контексте развития институтов гражданского общества и структур государственной власти, отвечающих за выполнение ключевых экономических и правоохранительных функций. Изучение уголовно-правовых систем различных стран вносит свой вклад в совершенствование национального законодательства. В этом направлении целесообразно исследовать подходы законодательства зарубежных стран в области ответственности за превышение должностных полномочий в уголовном праве. Такие преступления особенно опасны из-за высокой степени их скрытности, которая обуславливает нарушение экономической стабильности страны и подрывает авторитет властных структур и управленческих органов. Начнем с рассмотрения законодательства стран, таких как Япония, Китай и США, где законодательно закреплён состав превышения должностных полномочий [7, с. 206]. Отметим, что характеристики данного преступления в каждой из стран имеют свои особенности.

Вначале рассмотрим уголовное законодательство Японии в интересующей нас части. Глава 25 Уголовного кодекса Японии [3] раскрывает преступления, совершаемые публичными должностными лицами - специальными субъектами. Такими лицами считаются исполняющие публичные обязанности в соответствии с законом члены комитетов, депутаты, а также государственные и муниципальные служащие. Определение «публичное должностное лицо» в японском законодательстве осуществляет-

ся через «публичные обязанности», что может вызвать сложности при определении состава должностных преступлений.

Японский УК также выделяет разные категории должностных лиц: бывшее публичное должностное лицо и особое публичное должностное лицо. Такая классификация может быть использована при совершенствовании российского уголовного закона.

В УК Японии состав превышения должностных полномочий представлен приблизительно в статьях, касающихся ответственности особого публичного должностного лица за злоупотребления, связанные с исполнением их властных полномочий. В то время как в России действующим УК РФ он регламентирован отдельной статьей.

Статья 194 УК Японии относится к случаям злоупотребления властью и незаконное содержание под стражей, а статья 195 - к случаям насильственных действий или оскорблений со стороны лиц, осуществляющих судебные, прокурорские, полицейские полномочия или их помощников. Признаки, квалифицирующие наступление общественно опасных последствий, такие как смерть или телесные повреждения, указаны в статье 196 УК Японии.

Сравнивая японское и российское законодательства, отметим, что в Японии вышеуказанные статьи УК охватывают злоупотребление властью со стороны лиц, имеющих судебные, прокурорские или полицейские полномочия, или их помощников. В России аналогичные преступления относятся к преступлениям против правосудия (ст. 301 и 302 УК РФ) [1]. В отличие от российского, японский Уголовный кодекс предлагает менее детализированную систему и реже использует квалифицирующие признаки для рассматриваемых преступлений [4, с. 50].

Что касается превышения должностных полномочий и его соотношения с другими составами преступлений, важно отметить различия между злоупотреблением и превышением должностных полномочий. При злоупотреблении деяние совершается в рамках полномочий, в то время как при превышении они явно превышаются.

Неправомерные действия должностных лиц могут нанести существенный ущерб интересам государства, общества и отдельных лиц, подрывать авторитет государства и нарушать установленный порядок осуществления полномочий.

Уголовный кодекс Китая также предусматривает уголовную ответственность за преступления, сходные по характеру с теми, что совершены против интересов службы в коммерческих и других организациях. Особенное внимание стоит обратить на статьи 167-169 Уголовного кодекса Китая [2], которые устанавливают уголовную ответственность за действия, аналогичные злоупотреблению властью.

В заключение, стоит отметить, что между уголовными кодексами России и Китая существуют значительные отличия в определении составов преступлений, субъектов и субъективных характеристик преступлений, а также в наименованиях конкретных коррупционных правонарушений. Однако, обе уголовные системы обладают и сходствами, касаясь аналогичных видов преступлений.

Для большинства зарубежных стран характерно наличие уголовной ответственности за превышение должностных полномочий. Ответственность за превышение должностных полномочий в России обеспечивается присущими особенностями регулирования данной проблемной сферы и криминализации. Уголовное законодательство большинства стран предусматривает ответственность за данное деяние при причинении материального или морального вреда, а также наличии квалифицирующего признака - применения насилия [5, с. 65].

Подходы законодателей различных стран к определению субъекта указанного деяния также различаются. Во многих странах субъектом является должностное лицо, однако в Уголовном кодексе Китая, кроме физических лиц, за аналогичные преступления могут быть привлечены и юридические лица; в Уголовном кодексе США также предусмотрены различные категории субъектов для должностных преступлений [6]. В странах с активным уголовным законодательством, таких как США, превышение должностных полномочий часто понимается как совершение действий, которые выходят за рамки этих полномочий и причиняют ущерб правам и законным интересам граждан [8, с. 120].

Таким образом, превышение должностных полномочий закреплено в уголовном законодательстве России, Японии, Китая и США. Однако анализ зарубежного законодательства показывает существенные различия в подходах этих стран к его регулированию. В отличие от России, в правовых системах Японии и США не проводится различия между превышением и злоупотреблением властью, а в Китае допускается абстракция от существенных признаков превышения должностных полномочий.

Формулировки и понимание должностного лица также имеют свои особенности в каждой из рассмотренных в данном случае стран.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон {от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики от 14 марта 1997 г. // [Электронный ресурс]. – URL: <https://asia-business.ru/law/law1/criminalcode> (дата обращения: 10 апр. 2023).
3. Уголовный кодекс Японии от 24 апр. 1907 г. (с изм. и доп.) // [Электронный ресурс]. – URL: <https://constitutions.ru/?p=407> (дата обращения: 10 апр. 2023).
4. Басова Т. Б. Регламентация уголовной ответственности за должностные преступления: законодательный опыт России и Японии // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2005. № 4 (122). С. 48–56.
5. Погорелая А. О., Хаданова Д. Н. Сравнительно-правовой анализ привлечения к уголовной ответственности за превышение должностных полномочий в Китае и России // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона – XII. материалы ежегодной Международной молодежной научно-практической конференции. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. С. 64–67.
6. Примерный уголовный кодекс США. Официальный проект Института американского права. Москва: Прогресс, 1969. 303 с.
7. Семенюк А. В. Зарубежный опыт реализации уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий // Молодой ученый. 2019. № 13 (251). С. 206–208.
8. Федосеев К. В. Особенности уголовно-правовой регламентации ответственности за превышение должностных полномочий в законодательстве зарубежных стран // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2020. № 4(39). С. 117–122.

УДК 343.21

Элементы системы российского уголовного законодательства© **В. Н. Сизова**

кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России
Россия, г. Москва
svnn@inbox.ru

В статье автором предпринята попытка исследования элементного содержания российского уголовного законодательства, которое является системным образованием, состоящим из совокупности взаимосвязанных и взаимообусловленных уголовно-правовых норм, направленных на охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности и т.д., в связи с чем, его изучение должно иметь системный характер, позволяющий исследовать системные элементы, которые и образуют данную систему.

Ключевые слова: уголовное законодательство, уголовно-правовые нормы, системное содержание, системные элементы.

Elements of the Russian criminal legislation system© **V. N. Sizova**

Candidate of Legal Sciences, Leading Researcher,
research center
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Russia, Moscow
svnn@inbox.ru

The article, the author made an attempt to study the elemental content of the Russian criminal legislation, which is a systemic formation, consisting of a set of interrelated and interdependent criminal law norms aimed at protecting the rights and freedoms of man and citizen, property, etc., in connection with which, its study should have a systemic character, allowing one to explore the systemic elements that form the given system.

Key words: criminal legislation, criminal law norms, system content, system elements.

Подход к уголовному законодательству в качестве системы нашел свое отражение в конструировании Общей и Особенной частей Уголовного кодекса Российской Федерации [12], являющихся упорядоченными элементами системы уголовного законодательства, что обуславливает собой необходимость обращения при выборе определенной уголовно-правовой нормы Особенной части УК РФ к части Общей, а это, в свою очередь, свидетельствует об относительно прочном фундаменте для построения системных элементов российского уголовного законодательства.

Это, по сути своей общетеоретическое положение, обладающее бесспорной значимостью и на сегодняшний день, было отражено еще в научных публикациях и фундаментальных трудах профессора Н.С. Таганцева, который особо отмечал положение, в соответствии с которым, обращение к рассмотрению законодательных конструкций уголовных законоположений в качестве, отраженном в современных кодексах, обуславливает классификацию законов на два взаимообусловленных и взаимосвязанных системных элемента: положения, которые регламентируют общие условия преступности и наказуемости, составляющие содержание Общей части Уголовного кодекса, и положения специальные, регламентирующие частные случаи совершения преступных деяний, определяющие признаки наказуемых деяний, а также виды и пределы уголовной ответственности, составляющие содержание Особенной части Уголовного кодекса [11].

При этом, примечательными с позиции проводимого исследования являются точки зрения ученых, занимающихся изучением вопросов системы уголовного законодательства, системного построения Общей и Особенной частей УК РФ. Так, в частности указывается, что вопросы внутреннего строения и систематизации уголовного законодательства сохраняют свою актуальность, несмотря на множество научных сочинений, посвященных этой проблеме [1, с. 82].

Действительно, сегодня в правовой литературе исследованию понятий «система уголовного закона», «системные исследования уголовного права», «системность уголовно-правовых явлений» посвящено немало работ. Вместе с тем, сущностная характеристика уголовного законодательства, выступающего перед исследователями в качестве системы, осуществляется посредством структурного и функционального инструментария, тогда как о непосредственном системном подходе речь не заходит, в связи с чем, системное содержание уголовного законодательства остается недостаточно раскрытым.

При этом, по мнению автора настоящей публикации, на сегодняшний день приобретают особую актуальность вопросы не только и не столько системного свойства уголовного закона, сколько своеобразия отражения данной системы вовне, что выражается ее взаимообусловленностью складывающимися общественными отношениями, и является свидетельством воздействия внешней среды на уголовно-правовые нормы, когда требования реальности придают уголовному законодательству динамизм, вызывая к жизни новые уголовные законы, к которым, в то же время, предъявляются высокие требования на предмет их юридико-технического совершенства и способности регулировать определенную область общественных отношений.

В этой связи, говоря об отражении системы уголовного законодательства в общей системе общественных отношений, нельзя обойти вниманием то значение, которое имеют ее элементы, в качестве которых ранее были определены Общая и Особенная части УК РФ.

В частности, учеными отмечается, что Общую часть УК РФ составляют такие ее элементы, как базирующиеся на общепризнанных принципах права уголовно-правовые положения, выступающие векторами, которые определяют в целом направление развития отрасли, фундаментальные терминологические инструментарии, регламентируют основания и пределы уголовной ответственности [5, с. 55].

В этой связи, при рассмотрении элементного состава Общей части УК РФ, в юридической литературе указывается на множественный характер образующих ее нормативных источников, которые, в свою очередь, сами соединяются в определенную подсистему с преобладанием в ней выстроенной по иерархическому принципу структуры. Содержание же данной структуры составляют конституционные положения и положения международных договоров, Общая и Особенная части действующего Уголовного кодекса Российской Федерации, а также Общая часть УК РСФСР 1960 г.; ранее принятые уголовно-правовые акты, которые не противоречат УК РФ 1996 г.; другие отраслевые правовые акты; акты амнистии [6, с. 43].

Характеризуя систему Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации А. И. Бойцов, отмечает, что она представляет собой «порядок объединения юридических предписаний, содержащих признаки конкретных составов преступлений, в группы (разделы и главы) по признакам общности их родового объекта и последовательное расположение этих групп, а также конкретных составов внутри их относительно друг друга в зависимости от социальной значимости объекта посяательства и занимаемого ими места в иерархии локальных ценностей» [2, с. 10].

При этом, определяя предмет Особенной части Уголовного кодекса, учеными указывалось на то, что детальное и предметное изучение конструкций составов преступных деяний и предусмотренных видов наказаний за их совершение и составляют в своей совокупности предметную область Особенной части УК, при этом, именно определение наказуемости данных деяний с точным установлением размеров предусмотренного наказания и есть основная ее задача [9, с. 3].

Кроме того, следует отметить, что учеными-юристами обособленно выделяется система Особенной части УК и система науки. Такое положение обусловлено правилами научной категоризации преступных деяний, в основу которой положен непосредственный объект – свободы и права личности, общества и государства. Они же, в свою очередь, образуют предметную составляющую нарушаемого уголовно-правового установления [8, с. 15].

Вместе с тем, принимая во внимание статистические данные по отдельным видам совершаемых преступных деяний, сегодня приходится констатировать, что существующая система российского уголовного законодательства вряд ли может быть признана эффективной и идеально структурированной. Очевидно, что крайне высоки динамизм в принятии уголовных законов, нестабильная уголовно-правовая политика государства в целом и низкая результативность действия норм об ответственности за отдельные преступления свидетельствуют о том, что правотворческими органами зачастую не принимаются во внимание реальное состояние общественных отношений, потребности в

уголовно-правовой охране с учетом их преобразования на определенных исторических этапах развития общества.

В этой связи, автор обращается к научной позиции профессора В. Н. Кудрявцева, который указывал на то, что уголовное законодательство создавалось на протяжении длительного периода и неоднократно подвергалось изменениям, в результате которых совокупность его норм не может рассматриваться в качестве завершенной логической системы [7, с. 123], с чем сегодня следует согласиться.

Что касается современной юридической литературы, исследователями системного построения Уголовного кодекса Российской Федерации указывается следующее: концепция реформирования современной уголовно-правовой политики с необходимостью должна отражать качественные изменения в сущностно-содержательном аспекте уголовного закона, включая в себя такие направления, как обеспечение непротиворечивости содержания уголовно-правовых норм; обеспечение иерархичности в построении системы подлежащих уголовно-правовой охране ценностей; уточнение видов и размеров назначаемого за совершение преступлений уголовного наказания [4, с. 58].

Изложенное с учетом положения о том, что системность УК РФ является одним из его основополагающих качеств, обуславливает постановку и необходимость решения основополагающего вопроса, включающего в себя существование разных подходов к его сущности и содержанию: так, одними учеными указывается на необходимость создания совершенно нового Уголовного кодекса [3, с. 15], другие высказывают идеи о разработке новой редакции действующего УК РФ [8, с.16]. Однако, данный вопрос представляет собой предмет самостоятельного научного анализа и открывает возможности для разработки соответствующих концепций в сфере уголовного правотворчества.

Литература

1. Асланян Р. Г. Понятие и содержание нормативного предписания Особенной части уголовного права // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16. – № 1. – С. 82-90.
2. Бойцов А. И. Преступления против собственности / А. И. Бойцов. Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. 775 с.
3. Голик Ю. В., Иногамова-Хегай Л. В., Коробеев А. И., Кибальник А. Г., Лопашенко Н. А. // Цепелев В. Ф. Уголовный закон: современное состояние и перспективы развития. В монографии «Качество уголовного закона: проблемы Общей части» / отв. ред. А. И. Рарог. Москва: Проспект, 2023. 300 с.
4. Грудинин Н. С. Совершенствование норм Уголовного кодекса Российской Федерации как драйвер развития уголовно-правовой политики государства // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 58–61.
5. Жук М. С. Доктринальные подходы к определению системы институтов Общей части российского уголовного права // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 1 (15). С. 58–61.
6. Коняхин В. П. Теоретические основы построения общей части российского уголовного права: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / В. П. Коняхин. Краснодар, 2002. 386 с.
7. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юристъ, 2004. 304 с.
8. Цепелев В. Ф. Уголовный закон: современное состояние и перспективы развития / Качество уголовного закона: проблемы Общей части: монография // отв. ред. А. И. Рарог. Москва: Проспект, 2023. 300 с.
9. Сергеевский Н. Д. Конспект Особенной части Русского уголовного права. – СПб., 1884 г. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1423293/ (дата обращения: 16 авг. 2023).
10. Сергеевский Н. Д. (1849–1908). Русское уголовное право: пособие к лекциям Н. Д. Сергеевского: часть особенная / [Н. Д. Сергеевский; под общ. ред. И. В. Лукьяновой, А. И. Чучаева]. Калуга: Полиграф-Информ, 2008. 194 с.
11. Таганцев Н. С. Уголовное право (Общая часть). Часть 1. По изданию 1902 года. Allpravo.ru. – 2003. URL: <https://http://allpravo.ru/> (дата обращения 20 янв. 2023).
12. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

УДК 343.9:316.723

**Противодействие криминальной субкультуре:
сравнительно-правовой анализ механизмов в РФ и КНР**

© А. В. Суван-оол
магистрант 2-го курса,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
alinasuvanool99@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные проблемы противодействия распространения криминальной субкультуры. Автором проводится сравнительно-правовой анализ норм действующего российского права и норм зарубежного уголовного законодательства – КНР. Анализируются статистические данные мониторинга социальных сетей, представленные за прошедший 2022 год. Также автором на основе опыта КНР предложены меры противодействия распространению криминальной субкультуры в РФ.

Ключевые слова: криминальная субкультура, противодействие, уголовное законодательство КНР, зарубежный опыт.

**Countering the criminal subculture: comparative legal analysis of mechanisms
in the Russian Federation and China**

© A. V. Suvan-ool
2nd year master's student,
Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
alinasuvanool99@mail.ru

The article deals with topical problems of counteracting the spread of criminal subculture. The author conducts a comparative legal analysis of the norms of the current Russian law and the norms of foreign criminal legislation - the People's Republic of China. The statistical data of monitoring social networks presented for the past 2022 are analyzed. Also, based on the experience of the PRC, the author proposes measures to counteract the spread of criminal subculture in the Russian Federation.

Key words: criminal subculture, counteraction, Chinese criminal law, foreign experience.

Криминальная субкультура является одним из значимых факторов деградации личности и стимулирования противоправного поведения. Она представляет собой систему псевдоценностей, поощряемых и поддерживаемых, прежде всего, представителями профессионального типа.

Распространение криминальной субкультуры представляет собой угрозу не только в виде роста пенитенциарной преступности, но и для общего состояния криминогенной обстановки в стране.

Особую озабоченность в отношении криминальной субкультуры вызывает одна из крупнейших неформальных групп молодежи — АУЕ («Арестантский уклад един»), которая по иску Генерального прокурора РФ Верховным Судом РФ признана в качестве запрещенного экстремистского международного общественного движения.

Данное криминальное сообщество действует в 40 субъектах Российской Федерации, включая 34 тыс. несовершеннолетних сторонников в возрасте от 10 до 17 лет, психика которых особо подвержена криминальному деструктивному воздействию. При этом, в качестве активных интернет-пользователей сайтов АУЕ в социальных сетях констатировано более 6,5 миллиона человека, основная часть которых – лица в возрасте от 10 до 17 лет [8].

Между тем, нельзя не признать, что не менее актуальной является проблема деструктивного влияния сети «Интернет» на личность путем пропаганды потребления наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, что отражено в Стратегии государственной антинаркотической политики до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 7333 [9].

В настоящее время в криминологии представлены различные классификации мер противодействия распространению криминальной субкультуры в сети Интернет.

Противодействие распространению криминальной субкультуры в сети Интернет (в широком смысле) – многоуровневая система, включающая соответствующие меры противодействия (общесоциальные (общие) и специальные (криминологические)).

В соответствии со ст. 2 Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», основной задачей, стоящей перед правоохранительными органами, является выявление и устранение причин и условий, способствующих противоправному образу жизни среди несовершеннолетних [10].

О необходимости совершенствования мер противодействия распространению криминальной субкультуры говорит наличие достаточного опыта правоприменительной практики.

Одной из причин роста особо тяжких преступлений большинством специалистов признается влияние криминальной субкультуры «АУЕ». Динамика показателей развития популярности субкультур показывает следующие результаты (рис. 1) [11].

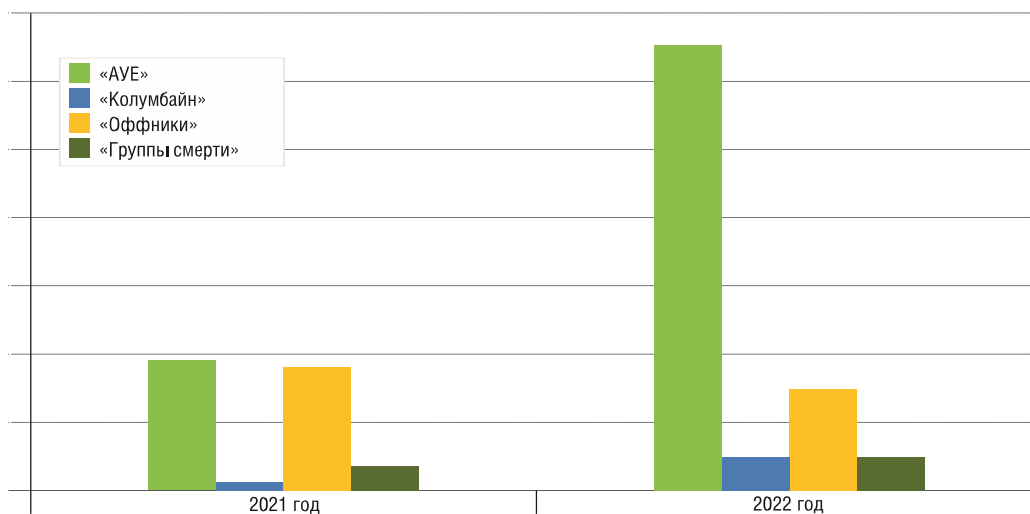

Рис. 1. Динамика количества участников (подписчиков) сообществ криминальной субкультуры за 2021–2022 годы

В связи со сложившейся ситуацией, представляется необходимым обратиться к зарубежному опыту КНР для дальнейшего совершенствования противодействия криминальной субкультуре.

В целях эффективности реализации мер по противодействию распространения криминальной субкультуры в сети Интернет в Китае действует более 60 нормативных правовых актов, в т. ч., Закон о защите несовершеннолетних 2012 г., в который в 2020 г. внесены изменения в отношении информационной безопасности [12].

В новой редакции Закона отмечено, что, с целью обеспечения защиты несовершеннолетних от негативного воздействия интернет-информации, на производителей и продавцов сетевых продуктов возлагается обязанность:

- 1) по установлению соответствующего программного обеспечения;
- 2) по информированию несовершеннолетних и их законных представителей о необходимости защиты, как личной информации, так и от негативно влияющей информации;
- 3) по применению ограничений в отношении использования несовершеннолетними личной информации в сети «Интернет».

В соответствии с поправками к Закону, запрещается сбор, хранение и использование личной информации о несовершеннолетних без согласия родителей или других опекунов, выраженного в письменной форме. В обязанности образовательных организаций входит: формирование механизма предотвращения киберагрессии, иных проявлений психологического давления на личность несовершеннолетнего; предоставление психологического консультирования, поддержки лиц возраста несовершеннолетия с целью предупреждения психологических травм.

В направлении противодействия распространения криминальной субкультуры в сети Интернет, особое значение в Китае имеют, в частности, следующие нормативные правовые акты: Закон о ки-

бербезопасности 2016 г. [13], Закон о безопасности данных 2020 г. [14], положения которого основаны на Национальной стратегии развития информатизации [15], на Стратегии международного сотрудничества.

Уполномоченными органами власти реализуются также надзорные функции за деятельностью компаний, производящих оборудование для стационарного доступа к сети «Интернет», призванных к осуществлению действий по предустановке, последующей установке соответствующих программ-фильтров. Аналогичным образом осуществляется контроль в отношении деятельности провайдеров информационных данных, которые передаются посредством серверов. Представители власти КНР призваны обеспечить контроль за наличием на устройствах, обеспеченных доступом к глобальной сети, которыми пользуются несовершеннолетние (перед подключением), специальных программных продуктов, позволяющих реализовать цели по фильтрации интернет-контента.

Администрация киберпространства Китая (Cyberspace Administration of China, САС) системно разрабатывает меры, ужесточающие правила распространения нежелательного контента в Сети [4].

Таким образом, для противодействия различной информации, содержащей в себе признаки криминальной субкультуры в КНР разработаны более эффективные механизмы, по сравнению с законодательством РФ. Поэтому отечественному законодателю необходимо обратить внимание на некоторые особенности, которые возможно применить и в России в целях противодействия криминальной субкультуре.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: основной закон [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с посл. изм. и доп.)] // Официальный сайт справочно-правовой системы «Консультант плюс» - Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (11. янв. 2023).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Система кибербезопасности в Китае. Полковник С. Носов. URL: http://factmil.com/publ/strana-kitaj/sistema_kiberbezopasnosti_v_kitae_2021/59-1-0-1833 (дата обращения: 09 авг. 2023).
4. Китайский регулятор ввел меры по защите несовершеннолетних в Интернете. URL: <https://habr.com/ru/news/568940/https://habr.com/ru/news/568940/https://habr.com/ru/news/568940/> (дата обращения: 09 авг. 2023).
5. Борзунова Н. Ю., Копылов К. Ю. Современные проблемы, связанные с популяризацией тюремной субкультуры в молодежной среде // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2021. № 1(50). С. 54–59.
6. Польщиков А. В., Буданова Е. А. Основные направления противодействия распространению криминальной субкультуры несовершеннолетних в современных условиях // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 3. С. 249–254.
7. Архив Засвияжского районного суда г. Ульяновска. Уголовное дело № 1-298/2022.
8. В России запретили движение АУЕ. URL: <https://lenta.ru/brief/2020/08/17/ae/> (дата обращения: 10 апр. 2023).
9. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ [от 23 ноября 2020 г. № 733] // Информационно-правовой портал «Гарант.ру» (дата обращения: 10 апр. 2023).
10. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон [от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (с изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 26. Ст. 3177.
11. См.: Дакашев И. Х., Зыбина Ю. В. Влияние криминальной субкультуры на преступность среди несовершеннолетних и молодежи: современное состояние и профилактика // Вестник Самарского Юридического института. 2021. № 4(45). С. 121–125.
12. Закон Китайской Народной Республики о защите несовершеннолетних. 2012 год. URL: http://ru.swewe.net/word_show.htm (дата обращения: 09 нояб. 2022).
13. Закон Китайской Народной Республики о кибербезопасности (Cybersecurity Law of the People's Republic of China). 2017 год. Китайская Народная Республика. URL: https://ru.xcv.wiki/wiki/Cybersecurity_Law_of_the_People%27s_Republic_of_China (дата обращения: 09 янв. 2023).
14. Закон Китайской Народной Республики о безопасности данных. 2020 год // Официальный сайт электронного правительства КНР. URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2016/content_5100032.htm. (дата обращения 09 янв. 2023).
15. Национальная стратегия развития информатизации (Guójiā xìnxi huà fāzhǎn zhànlüè). 2016 год. Китайская Народная Республика // Официальный сайт электронного правительства КНР. URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2016/content_5100032.htm (дата обращения: 09 янв. 2023).

**УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ. ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ
В СТРАНАХ АТР**

**CRIMINAL PROCEDURE AND FORENSICAL PROBLEMS OF COMPARATIVE LAW.
LAW ENFORCEMENT AUTHORITIES IN APAC COUNTRIES**

УДК 343.57

Проблемы противодействия незаконному обороту наркотиков

© **А. Т. Арутюнян**

студент 3-го курса,
Российско-Армянский (Славянский) университет
Армения, г. Ереван
artur.artmar0@mail.ru,

© **Л. Х. Азатян**

преподаватель,
Российско-Армянский (Славянский) университет
Армения, г. Ереван
vlilit@mail.ru

В данной статье детально рассмотрена проблема развития наркоситуации в различных странах, действующие механизмы противодействия и возникающие в процессе превенции проблемные вопросы.

Ключевые слова: наркотики, психотропные вещества, незаконный оборот, производственная конопля.

Problems of countering drug trafficking

© **A. T. Harutyunyan**

3rd year student,
Russian-Armenian (Slavic) University
Armenia, Yerevan
artur.artmar0@mail.ru,

© **L. Kh. Azatyan**

teacher,
Russian-Armenian (Slavic) University
Armenia, Yerevan
vlilit@mail.ru

In this article, we examined in detail the problem of the development of the drug situation in various countries, the existing countermeasures and the problematic issues that arise in the process of prevention.

Key words: drugs, psychotropic substances, illegal circulation, industrial hemp.

Незаконный оборот наркотиков, а также психотропных веществ нашел свое место в различных государствах мира и является актуальной проблемой для изучения.

Правоохранительные органы и правоприменители часто сталкиваются с проблемами выявления преступного деяния, идентификацией лиц причастных к данному виду деяния и иных проблем, связанных с противодействием, которые связаны разрастающимся темпом развития технологий, которые открывают новый путь для наркоторговцев.

При разработке данной статьи использовались методы анализа, индукции, а также сравнительно-правовой метод.

Целью написания данной статьи является выявления проблем, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Задачами данной статьи являются изучение различных правовых актов, регулирующих область производства и оборота наркотиков, а также рассмотрение способы совершения преступления в области незаконного оборота наркотиков и возникающих в последствии проблем при противодействии.

Незаконный оборот наркотиков, как и зависимость от этих веществ, является глобальной проблемой, которая появилась задолго до наших дней и продолжает активно существовать и по настоящее время. Статистические данные, которые представляются в ежегодных докладах, подготовленных Управлением ООН по наркотикам и преступности, показывают на непоколебимые мировые тенденции роста наркозависимости, вместе с этим на необходимость расширения методов борьбы с ней, поскольку действующие методы противодействия неэффективны. В соответствии с представленной статистикой, за последнее десятилетие число потребления наркотиков во всем мире возросло до 284 млн. человек, что на данный момент на 30% больше, чем было зарегистрировано в 2010 году [10].

Потребление наркотических и психотропных веществ не только приводит к наркозависимости, но и оказывает сильное негативное влияние на здоровье, становится препятствием для нормального функционирования организма и, в частности, влияет на нервную систему, что в свою очередь приводит к состоянию неизлечимости, а в большинстве случаев и доводит до суицида.

Неэффективность действующих механизмов противодействия незаконному обороту наркотиков стала глобальной проблемой, с которой соприкасаются все страны мира, от наиболее экономически развитых, до стран, находящихся на самом низком уровне экономического развития на сегодня.

В целях координации мировой политики по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ были приняты три основные конвенции:

- Единая конвенция о наркотических средствах (1961 г.) [4];
- Конвенция о психотропных веществах (1971 г.) [5];
- Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (1988 г.) [6].

Вместе с этим, учитывая тот факт, что преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ носят международный характер, ответственность за их совершение регулируется как нормами международного, так и внутригосударственного права. Установление соответствия норм уголовного законодательства положениям международных конвенций по противодействию незаконному распространению наркотиков является необходимой предпосылкой не только для усовершенствования уголовного законодательства, но и для разработки эффективных механизмов противодействия их незаконному обороту.

Чем же можно охарактеризовать разрастающиеся тенденции наркоситуации в мире?

Во-первых, это постоянный рост количества в общем объеме потребления сильнодействующих наркотиков, в частности, таких как, героин, кокаин и т.д. и синтетических наркотиков, таких как амфетамины, экстази и т. д., которые легки в употреблении и доступны широким массам.

Во-вторых, быстрые географические масштабы распространения, а именно, некогда транзитные страны, которые служили лишь для безопасной перевозки, стали в настоящее время активными регионами их реализации.

В-третьих, постоянные очаги вооруженных конфликтов, фактически во всех регионах мира, создают неконтролируемые основы не только для реализации, но и для потребления наркотических средств. Этот факт обусловлен тем, что военным, часто для поднятия так сказать «боевого духа», «не боязни врага» и переоценки своих возможностей предлагают наркотические средства. Особенно это касается наемников, привлекаемых для проведения военных операций.

В-четвертых, увеличение количества преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в общем коэффициенте преступности.

Проведенный нами анализ показывает, что в 2020–2022 годах каждое пятое из зарегистрированных преступлений связано с продажей или хранением наркотиков. Вместе с этим, большинство корыстных преступлений также совершаются под воздействием наркотических средств, в том числе с целью приобретения очередной «дозы». Аналогичные тенденции наблюдаются как в России, так и во всем мире. Исключением не является и Армения, где также наблюдается рост преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств в рамках нарастающего Карабахского конфликта.

Что касается России, то ее географическое расположение между Западной Европой, экспортирующей синтетические наркотики, и Средней Азией, хозяйкой героина и каннабиса, неконтролируемые объемы сбыта, склонность населения, особенно эмигрирующих из Ближнего востока, к употребле-

нию наркотических средств — все это делает проблему противодействия более серьезной и в некоторых случаях выходящей из-под контроля.

Следует также отметить, что в настоящее время к основным детерминантам преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, можно отнести увеличение объемов оборота наркотиков на мировых рынках, что в свою очередь обусловило снижение цен на наркотические средства и, фактически, они стали более доступны для массового потребления.

Законодательство РФ предусматривает различные меры по противодействию незаконному обороту наркотических средств, и их аналогов, прекурсоров, растений, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества. Основной целью этих мер является обеспечение безопасности общества и избежание последствий, которые могут негативным образом повлиять как на социум, так и на государство в целом. С помощью этих норм Российская Федерация ведет свою стратегию в антинаркотической государственной политике.

Большую роль в противодействии незаконному обороту наркотических средств занимает Международный комитет по контролю над наркотиками, в деятельность которого входит анализ докладов, которые представляются правительствами; оценка эффективности применения государствами норм действующих международных конвенций; наложение санкций на государства, не выполняющие требования международных конвенций, в результате чего может быть причинен вред другому государству, а также организует подготовительные программы для руководителей учреждений по контролю над наркотиками.

Согласно статье 41 Федерального закона Российской Федерации «О наркотических средствах и психотропных веществах» [7] противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров осуществляют Генеральная прокуратура Российской Федерации, Следственный комитет Российской Федерации, федеральный орган исполнительной власти в области внутренних дел, федеральный орган исполнительной власти по таможенным делам, федеральная служба безопасности, федеральная служба внешней разведки, федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения, а также другие федеральные органы исполнительной власти, в пределах предоставленных им Правительством Российской Федерации полномочий [11].

Организация противодействия незаконному обороту наркотических средств является одним из основных направлений деятельности МВД РФ, в частности, подразделений по контролю за оборотом наркотиков, которое осуществляется посредством выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, предусмотренных УК РФ. Основными направлениями деятельности по противодействию являются:

- перекрытие каналов контрабанды наркотиков;
- обнаружение мест незаконного изготовления, переработки, хранения наркотических средств;
- изобличение организаторов наркопритонов;
- осуществление контроля деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в сфере оборота наркотиков и т. д.

Несмотря на то, что правоохранительные органы активно осуществляют возложенные на них функции по противодействию незаконному обороту наркотических средств, используя при этом всевозможные направления деятельности, однако, на сегодняшний день актуальной и фактически трудноразрешимой проблемой является наркооборот через онлайн платформы. В России, как и во всем мире распространенным способом наркоторговли является платформа «Телеграмм». Приобретение осуществляется разными способами:

Покупатель может выйти на связь с продавцом, и их переписка и данные останутся скрытными, таков механизм работы данного мессенджера.

Покупатель связывается с чат-ботом, то есть с программой, которая выполняет функцию продавца по заданному сценарию, а уж потом покупатель отмечает место, количество товара, который в последующем доставляется операторами данного бота к месту назначения.

Еще одной неконтролируемой платформой наркоторговли являются операции, осуществляемые с использованием криптовалют, который не имеет материальной или электронной формы, которая позволяет, сохраняя анонимность пользователя, выполнять незаконные финансовые операции. Эта система не дает определить адрес пользователя и его данные. В связи с этим, очень часто наркобиз-

нес осуществляется посредством использования тех самых криптовалют, в следствии чего правоохранительные органы оказываются перед следующими проблемами:

во-первых, выявления преступника,

во-вторых, изъятия имущества (денег), так как денег фактически нет [1], [12].

Помимо вышеперечисленного, представляется необходимым обратить внимание на последние изменения, внесенные в закон Республики Армения (далее по тексту - РА) «О наркотических и психотропных веществах» [8], согласно которым, в Республике Армения легализовано производство, импорт, экспорт и оптовая продажа производственной конопли. Следует отметить, что вышеуказанная деятельность является лицензируемым видом деятельности. Лицензия содержит в себе ряд условий, за соблюдением которых осуществляется государственный инспекционный контроль. Но именно на этом этапе перед государством могут возникнуть ряд проблем, в частности:

- согласно статье 3 закона РА «О наркотических и психотропных веществах», [8] наркотические средства - это любые вещества природного или синтетического происхождения, препараты и растения, которые в соответствии с законодательством РА и международными договорами, в частности Единой конвенцией о наркотических средствах 1961 года, включены в перечень наркотических средств, подлежащих контролю в Республике Армения. Согласно постановлению правительства РА N 1129-Н от 21 августа 2003 года, [9] производственная конопля считается ограниченным в обороте наркотическим веществом. При этом, единственным способом определения производственного значения конопли является лабораторный метод определения процентного содержания тетрагидроканнабинола (ТНС), который должен быть меньше или равен 0.3 процентам, в противном случае конопля производственной считается не будет.

- производственная конопля сама по себе является специфическим растением, которая может цвести 4 раза в году, в зависимости от климатических условий, что в свою очередь в определенной степени может влиять на концентрацию тетрагидроканнабинола (ТНС) в растениях. Таким образом, из производственной конопли она естественным образом становится запрещенным к обороту наркотическим средством.

Предполагается, что легализация в Республике Армения производства производственной конопли может привести к таким негативными последствиям, как например, культивация под грифом производственной конопли определенного количества простого каннабиса, и внедрения его в незаконный оборот, что потребует дополнительных усилий государственного контроля, а также разработки новых механизмов и средств выявления правонарушений.

Литература

1. Ковалев А. А. К вопросу о расследовании и раскрытии преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ через сеть Интернет // Академическая мысль. 2018. № 4(5). С. 82–84.
2. Фролова Н. А. Наркобезопасность в современных условиях нового вида войны: проблемные аспекты // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 19. С. 425–435.
3. Беляев И. Ю. Проблема систем контроля за незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // Вопросы безопасности. 2022. № 1. С. 35–47.
4. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года // Бюллетень международных договоров. 2000. № 8. август.
5. Конвенция о психотропных веществах (заключена в г. Вене 21.02.1971) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Москва, 1981. Вып. XXXV. 416 с.
6. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе противнезаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (заключена в г. Вене 20.12.1988) // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Москва, 1994. Вып. XLVII. 133 с.
7. О наркотических средствах и психотропных веществах: федер. закон [от 08 января 1998 г. № 3-ФЗ (с изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 2. Ст. 219.
8. О наркотических средствах и психотропных веществах: закон Республики Армения [от 27 июня 2022 года]. URL: <http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1345&lang=rus> (дата обращения: 10 апр. 2023).
9. Об утверждении перечня подлежащих контролю в РА наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров: решение Правительства РА [от 21 августа 2003 г. N 1129-Н]. URL: <http://www.pharm.am/index.php/ru/2015-04-06-16-01-31/729-n-1129-21-2003> (дата обращения: 10 апр. 2023).

10. Всемирный доклад о наркотиках ООН. URL: https://www.unodc.org/doc/wdr2016/WDR_2016_ExSum_russian.pdf (дата обращения: 10 апр. 2023).

11. Косарев М. Н., Обухова Т. В. О правовых основах противодействия незаконному обороту наркотиков в России // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. № 2. С. 53–56.

12. Проблемы противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемым посредством сети интернет. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-protivodeystviya-prestupleniyam-v-sfere-nezakonnogo-oborota-narkotikov-sovershaemym-posredstvom-seti-internet/viewer> (дата обращения: 10 апр. 2023).

13. Курченко В. Н. Противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... д-ра юр. наук. Екатеринбург, 2004. 519 с.

14. Лапатников М. В. Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков: учебное пособие для среднего профессионального образования. Москва: Юрайт, 2023. 174 с.

УДК 343.294

**Реабилитация в уголовном процессе некоторых стран АТР:
сравнительный анализ**

© **А. Р-Б. Бадеев**

магистрант 1-го курса,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
badeevamgalan1996@gmail.com

© **Б. Б. Батоцыренов**

магистрант 1-го курса,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
bbatotsyrenov@mail.ru

© **А. Л. Дармаев**

магистрант 1-го курса,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
ar_ar_darmaev@bk.ru

В данной статье рассматривается сравнительно-правовой анализ норм уголовного-процессуального законодательства некоторых стран АТР по реабилитации в уголовном процессе. Анализируется сущность и характеризуются особенности реализации процедур уголовно-процессуальной реабилитации. Приводятся статистические данные Судебного департамента при Верховном суде РФ. На основе изучения опыта зарубежных стран автором предложены конкретные меры совершенствования института реабилитации в РФ.

Ключевые слова: уголовный процесс, незаконное и необоснованное уголовное преследование, реабилитация, восстановление прав, возмещение вреда, зарубежный опыт.

**Rehabilitation in criminal proceedings in some Asia-Pacific countries:
a comparative analysis**

© **A. R-B. Badeev**

1st year undergraduates
Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
badeevamgalan1996@gmail.com

© **B. B. Batotsyrenov**

1st year undergraduates
Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
bbatotsyrenov@mail.ru

© **A. L. Darmaev**

1st year undergraduates
Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
ar_ar_darmaev@bk.ru

This article discusses a comparative legal analysis of the norms of the criminal procedural legislation of some Asia-Pacific countries on rehabilitation in criminal proceedings. The essence is analyzed and the features of the implementation of the procedures of criminal procedure rehabilitation are characterized. Statistical data of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation are given. Based on the study of the experience of foreign countries, the author proposes specific measures to improve the institution of rehabilitation in the Russian Federation.

Key words: criminal process, illegal and unjustified criminal prosecution, rehabilitation, restoration of rights, compensation for harm, foreign experience.

Включение института реабилитации законодателем в уголовный процесс является весьма значимым решением для дальнейшего судебного судопроизводства РФ.

В настоящее время данный институт позволяет обеспечивать одно из важнейших конституционных прав, таких как защита права на свободу человека и гражданина, естественно данное право является необходимым в современном правовом государстве, где есть все признаки демократии.

В настоящее время официальные статистические данные говорят о высоком проценте граждан, обращающихся за восстановлением своих нарушенных прав.

Так, согласно данным официальной статистики Верховного суда Российской Федерации по итогам 2022 года судами общей юрисдикции, по первой инстанции, было оправдано 1932 человека. При этом о возмещении вреда реабилитированному поступило в производство 2080 материалов, из которых 1178 были удовлетворены [8].

Такое обстоятельство говорит о необходимости совершенствования института реабилитации в уголовном процессе. Весьма важным в данном ключе является анализ опыта зарубежных стран.

Прежде всего, необходимо отметить теоретические вопросы отечественного уголовного процесса.

Вопросы, возникающие при определении круга лиц, имеющих право на реабилитацию и возмещение вреда, причинённого незаконным уголовным преследованием, по настоящее время остаются центральным поводом для обсуждений как в доктринальных кругах, так и среди практикующих юристов, порождая проблемы практического применения.

Причем круг этих проблем достаточно широк, что свидетельствует о недостатках в правовом регулировании института реабилитации в целом.

Некомпетентность или же намеренное пренебрежение основами уголовного судопроизводства представителями правоохранительных органов, иными должностными лицами, уполномоченными государством на реализацию уголовно-правовых норм, равно как и необоснованное со всех точек зрения привлечение ими к уголовной ответственности невиновных граждан – это на сегодняшний день один из актуальных вопросов в сфере правоприменения. Данный вопрос не раз освещался учеными в доктрине права, рассматривающими проблемы уголовного судопроизводства.

Вопросы реабилитации в уголовно-процессуальном законодательстве прописаны в статье 18 УПК РФ. Более конкретно в статье 133 УПК РФ отражены основные положения касательно применения института реабилитации [1].

Казалось бы уголовно-процессуальный законодатель наиболее детально отрегулировал вопрос института реабилитации в УПК РФ, однако в научной литературе до сих пор ведутся научные дискуссии относительно вопроса применения данных правовых норм. Также отметим, что судебная статистика подтверждает несовершенство института реабилитации. Согласно данным ВС РФ, с каждым годом процент оправдательных приговоров снижается, а процент незаконного привлечения возрастает.

Несомненно, основанием реабилитации является соответствующее вынесенное решение по реабилитирующим основаниям в форме:

- 1) оправдательного приговора;
- 2) либо постановления о прекращении в отношении подозреваемого уголовного преследования.

Первой страной, опыт которой в данной области необходимо рассмотреть, является КНР. Весьма примечательно, что страна характеризуется суровыми мерами наказания. Реабилитация в Китае представляет комплекс мер, который направлен на восстановление нарушенных прав граждан, которые уже отбыли наказание в специализированных учреждениях. Основания для реабилитации в целом не отличаются от ст. 133 УПК РФ.

Так, согласно ст. 167 Уголовно-процессуального закона КНР право на реабилитацию имеет лица, подвергшие уголовному преследованию и наказанию с оправдательным приговором или отменой незаконного или необоснованного постановления суда [9].

В уголовно-процессуальном законодательстве в Республике Беларусь к примеру, а именно УПК РБ содержится специальная глава 48, которая регулирует порядок восстановления нарушенных прав незаконно привлеченного подозреваемого и регулирует процесс возмещения вреда данному лицу.

Следует отметить, что выделение специальной главы облегчает процесс восстановления в кратчайшие сроки. Также следует обратить внимание, что в УПК РБ проведена дифференциация, как видов причиненного вреда, так и способов его возмещения [2]

К примеру, согласно УПК Республики Молдовы от 12.06.2003 года право на реабилитацию, поимого физического лица имеют и юридические лица (в лице их представителей).

Согласно ст. 25 УПК Республики Молдовы закреплено право лиц, пострадавших от преступлений, злоупотреблений служебным положением и судебных ошибок. Анализ данной статьи приведен в рисунке 1 [4].

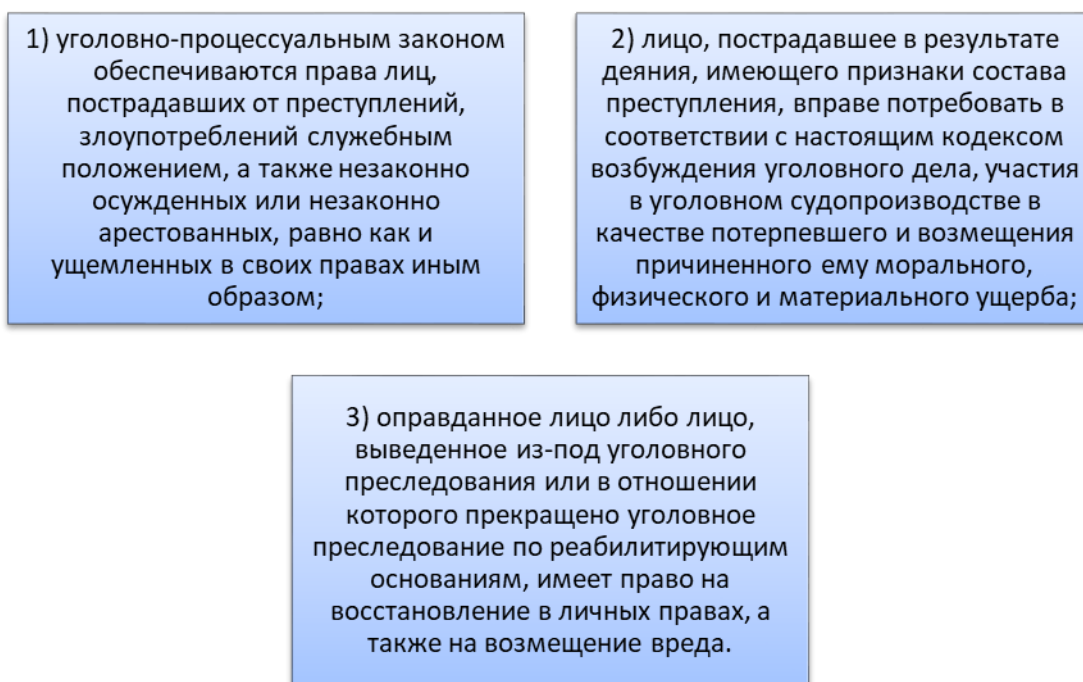

Рис 1.1 – анализ статьи 25 УПК Республики Молдовы

Таким образом, институт реабилитации в зарубежных странах закрепляет нормы, позволяющие лицу, подвергнутому незаконному уголовному преследованию и осуждению, добиться восстановления нарушенных прав, возмещения причиненного ущерба и получения компенсации морального вреда. Институт реабилитации приведен в полное соответствие с назначением уголовного судопроизводства, так же как и уголовное преследование и назначение виновному лицу справедливого наказания, делая реабилитацию одним из основополагающих принципов уголовного процесса.

Для совершенствования реабилитации в уголовном процессе и исключения дискуссий неоднозначного толкования ст. 139 УПК РФ, учитывая имеющиеся в УПК РФ положения о сущности реабилитации, круге лиц, имеющих право на реабилитацию в рассмотренных зарубежных странах, следует убрать из ст. 139 УПК РФ юридических лиц, так как им причиняется всего лишь опосредованный вред, который необходимо рассматривать не в рамках уголовного судопроизводства, а гражданского.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. Изм. И доп.)] // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [от 9 июля 1999 года № 275-З] / СоюзПравоИнформ (База данных «Законодательство стран СНГ») // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://base.spmform.ru/show_doc.fwx?rgn=1977 (дата обращения: 30 мая 2023).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [от 3 июля 2014 года № 226-У ЗРК] / СоюзПравоИнформ (База данных «Законодательство стран СНГ»). URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=68429 (дата обращения: 30 мая 2023).

4. Уголовный кодекс Республики Молдова [от 18 апреля 2002 года № 985-XV] / Со-юзПравоИнформ (База данных «Законодательство стран СНГ»). URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3835 (дата обращения: 30 мая 2023).

5. О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ [от 29 ноября 2011 г. N 17 (с изм. И доп.) // Рос. газета. 2011. № 273. 05 декабря.

6. Варпаховская Е. М., Воробьева Е. Ю. Некоторые проблемы правового регулирования круга лиц, имеющих право на реабилитацию в уголовном процессе России // Искусство правоведения. 2022. № 2 (2). С. 26–30.

7. Статистический сборник «Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 г» // [Электронный ресурс] – URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 30 мая 2023).

8. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2020 г. Форма № 1. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 30 мая 2023).

9. Уголовно-процессуальный закон Китая. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/criminal-procedure-law-of-china-20181026> (дата обращения: 10 апр. 2023).

УДК 343.26

Заключение под стражу в России и некоторых странах АТР

© **Е. П. Гребенщикова**

студент 2-го курса,
Восточно-Сибирский государственный университет
технологий и управления
Россия, г. Улан-Удэ
greben-14@mail.ru

В статье рассматриваются основания и порядок избирания меры пресечения в виде заключения под стражу в России и в некоторых странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Проводится сравнительная характеристика применения заключения под стражу в Российской Федерации, Китайской Народной Республике и Социалистической Республики Вьетнам.

Ключевые слова: система мер пресечения, заключение под стражу, основания заключения под стражу.

Detention in Russia and some Asia-Pacific countries

© **E. P. Grebenshchikova**

2nd year student,
East Siberian State University of Technology and Management
Russia, Ulan-Ude
greben-14@mail.ru

The article discusses the grounds and procedure for choosing a measure of restraint in the form of detention in Russia and in some countries of the Asia-Pacific region. A comparative description of the use of detention in the Russian Federation, China and Vietnam is carried out.

Key words: system of preventive measures, detention, grounds for detention.

В российском уголовном судопроизводстве предусмотрен комплекс мер пресечения, имеющих значение для того, чтобы обеспечить реализацию уголовно-процессуальных функций субъектов процесса, а также для того, чтобы предотвратить возможные процессуальные нарушения со стороны обвиняемых. Также важно отметить, что указанные меры пресечения имеют значение и как процессуальные средства для обеспечения исполнения законного обоснованного приговора судебного органа. В системе норм уголовного процесса России установлен целый комплекс мер пресечения. Такими мерами по нормам УПК РФ [6], выступают, например, подписка о невыезде, личное поручительство, залог, домашний арест, а также заключение под стражу. Необходимо отметить, что в комплексе мер пресечения по УПК РФ предусматриваются и другие меры пресечения. Как вытекает из ст. 98 УПК РФ, заключение под стражу представляется наиболее строгой мерой пресечения. Суть такой меры пресечения - заключения под стражу как меры пресечения в российском законодательстве заключается во временной изоляции подозреваемого или обвиняемого до постановления судебным органом приговора, в котором окончательно решается вопрос о виновности или невиновности подсудимого. Соответственно, такая изоляция данного лица имеет место в течение предварительного расследования, так как имеются основания полагать, что обвиняемый или подозреваемый сможет каким-либо образом создавать помехи для расследования уголовного дела.

В уголовном процессе РФ правила использования заключения под стражу устанавливаются в ст. 108 УПК РФ. В ст. 109 УПК РФ фиксируется период содержания под стражей, а также порядок продления данных сроков. Необходимо отметить, что в УПК Китайской Народной республики (далее - КНР) 2018 года и в УПК Социалистической Республики Вьетнам (далее - СРВ) 2015 года такая мера пресечения, как заключение под стражу, также являются самыми строгими мерами заключения, поскольку ограничивают свободу обвиняемого [1, 2].

Анализируя ст. 108 УПК РФ, укажем, что основаниями использования заключения под стражу в России, прежде всего, выступает наличие информации, которая является достаточной для того, чтобы предполагать, что какой-либо обвиняемый или подозреваемый имеет возможность каким-либо образом скрыться от предварительного следствия или может скрыться от судебных органов. Такая ин-

формация может быть самой разнообразной. Например, органы предварительного расследования, следователь, оперативный сотрудник могут получить информацию о том, что обвиняемый либо подозреваемый приобрели билет на поезд или на самолёт с целью покинуть населенный пункт, где идёт предварительное расследование. Может присутствовать информация, что подозреваемый или обвиняемый собирает вещи для того, чтобы покинуть населённый пункт, где происходит предварительное следствие и т.д. Именно на основании данной информации может быть использована такая мера пресечения как заключение под стражу. Следует отметить также, что существуют и другие основания для того, чтобы выбрать указанную меру пресечения. Так, например, основанием для выбора меры пресечения в виде заключения под стражу представляется и тот факт, что присутствует достаточно информации для того, чтобы можно было предположить, что предполагаемый преступник в период нахождения на свободе может продолжить занятие какой-либо преступной деятельностью и совершить какие-либо преступные деяния уже во время предварительного расследования. Здесь также может быть самая разнообразная информация, например, имеет место обнаружение замысла преступника на совершение какого-либо преступления по его разговорам с предполагаемыми соучастниками и т.д. Кроме того, существует и такое основание для заключения под стражу как появление угроз каким-либо иным участникам уголовного судопроизводства. Такие угрозы могут быть применены, например, в отношении свидетеля для того, чтобы данное лицо не давало уличающих показаний против обвиняемого или подозреваемого. Кроме того, если имеется достаточно информации для того, чтобы предполагать, что обвиняемый либо подозреваемый имеют возможность уничтожить какие-либо доказательства, то это также является основанием для использования указанной меры пресечения. Наконец, заключение под стражу может применяться и тогда, когда существует информация, что обвиняемый либо подозреваемый каким-либо другим способом собираются создавать помехи для предварительного следствия или для разбирательства в судебном органе.

Заключение под стражу как мера пресечения имеется и в уголовном процессе других стран АТР. Это касается в частности, как было указано выше, процессуальных законов КНР и СРВ.

В ст. 81 УПК КНР 2018 г. [1] заключение под стражу используется только в том случае, если есть доказательства, которые подтверждают факт совершения преступного деяния, за которое обвиняемый или подозреваемый может получить наказание в виде тюремного заключения на определённый срок или же более строгое наказание.

Сравнивая ст. 81 УПК КНР и ст. 108 УПК РФ важно отметить, что действующий УПК РФ более чётко устанавливает основания для использования заключения под стражу. Так, в нем зафиксировано, что заключение под стражу может иметь место только в отношении человека, которому может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок до трёх лет, если его вина будет доказана в суде. Следовательно, УПК РФ при его сопоставлении с УПК КНР, более четко устанавливает указанное основание заключения под стражу.

В процессе исследования применения указанной меры пресечения в законодательстве КНР важно указать, что использование данной меры пресечения в соответствии с положениями уголовного процессуального закона КНР может иметь место в отношении подозреваемых или обвиняемых лиц, когда данные лица находятся под следствием и могут совершить какое-либо новое преступление или имеется опасность того что данное лицо может поставить под угрозу социальную безопасность, а также безопасность государства и могут навредить общественному порядку. Также важно отметить, что основанием использования заключения под стражу в соответствии в УПК КНР является наличие достаточных сведений, чтобы предполагать возможность уничтожения подозреваемым и обвиняемым каких-либо улик, которые бы доказывали его виновность, а также создание угроз свидетелям и очевидцам, которые могут давать показания против данного лица. Кроме того необходимо отметить, что УПК КНР имеется такое понятие как «сговор». Иными словами, использование меры пресечения в виде заключения под стражу может быть в результате того, что имеются сведения, что обвиняемый может вступить или вступил в какой-либо сговор с иными лицами уголовного судопроизводства для того, чтобы сформировать такие доказательства, которые бы были выгодны для подозреваемого или обвиняемого. Кроме того УПК КНР предусматривает и такое основание использования рассматриваемой меры пресечения как наличие достаточных сведений для того, чтобы предположить, что лицо может совершить побег из населённого пункта, где происходит расследование его преступного деяния, а также может совершить самоубийство [1].

Необходимо отметить, что при анализе уголовного процессуального закона Социалистической Республики Вьетнам от 2015 года здесь также имеются основания использования заключения под

стражу как меры пресечения. Так, в ст. 115 УПК СРВ 2015 г. [2] подчёркивается, что основаниями использования такой меры как заключение под стражу является наличие достаточных сведений для того, чтобы предполагать, что подозреваемый или обвиняемый могут различными способами вредить следствию и уничтожить улики, которые доказывают их вину. Следует отметить, что в статье 119 УПК СРВ не раскрывается детально и более подробно, какие это могут быть случаи. Однако здесь подчёркивается, что это может быть, например, совершение побега или же какой-либо отрицательное воздействие на лиц, которые что-либо могут сообщить о совершении преступного деяния. Кроме того, статья 119 УПК СРВ предполагает, что это могут быть и иные основания, которые бы дали возможность разными способами обвиняемым мешать предварительному расследованию. Важно указать, что УПК СРВ и УПК КНР предусматривают заключение под стражу только для тех лиц, которые обвиняются в совершении преступного деяния, за которое может иметь место тюремное заключение.

Если рассматривать УПК РФ, то при использовании рассматриваемой меры пресечения «мотивами является, прежде всего, стремление суда и органов предварительного следствия, органов дознания пресечь возможность реализации преступного поведения обвиняемым или подозреваемым. Определённым мотивом является и исправление обвиняемого или подозреваемого. Кроме того, мотивом является желание органов предварительного расследования и суда восстановить законность в социальных отношениях» [3, с. 309].

Важнейшей гарантией надлежащего использования в России такой меры пресечения как заключение под стражу является наличие судебного решения об использовании указанной меры пресечения. Следует отметить, что в УПК СРВ и УПК КНР не обязательно получать судебное разрешение на использование указанной меры пресечения. Так, в УПК Вьетнама 2015 г. «прописано, что следующие лица уполномочены выносить определение или постановление о заключении под стражу: начальник и заместитель начальника органов дознания (с согласия приравненных к нему прокуратур); председатель, заместитель председателя народной прокуратуры и военной прокуратуры всех инстанций; председатель, заместитель председателя народных судов и военных судов всех инстанций; коллегия судей в судебном заседании» [5, с. 160]. В УПК КНР использование данной меры подлежит утверждению народной прокуратурой или постановлением народного суда и осуществляется органом общественной безопасности.

Срок заключения по ст. 109 УПК РФ не может превышать двух месяцев, хотя в ст. 109 УПК РФ предусматривается возможность увеличения данного срока. По УПК КНР после заключения под стражу подозреваемый или обвиняемый направляется в центр заключения (СИЗО), а следователь в течение 24 часов должен сообщить родственникам о его заключении под стражу. Как указывают специалисты, «в стадии предварительного следствия срок содержания под стражей не может превышать двух месяцев. В случае невозможности закончить предварительное следствие в установленный законом срок, он может быть продлен до трех месяцев после санкционирования народной прокуратурой вышестоящей инстанции, а затем и до четырех месяцев, если возникла такая необходимость по уголовному делу» [4].

Итак, в РФ исключительно судья имеет право решать вопрос об использовании заключения под стражу, тогда как в КНР и в СРВ это могут делать и другие должностные лица, например, народный прокурор и т. д. Следовательно, уголовно-процессуальное законодательство РФ определяет более строгий порядок избрания меры в виде заключения под стражу, чем уголовно-процессуальное законодательство КНР и СРВ.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс КНР. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com> (дата обращения: 04 мая 2023).
2. Уголовно-процессуальный кодекс СРВ. URL: <https://webdissertation.com/ugolovnyiy-protsess/prilojenie-104787.html> (дата обращения: 06 мая 2023).
3. Байтрукевич Е. С. Мера пресечения в виде заключения под стражу: сравнительный аспект стран Азиатско-Тихоокеанского региона // Заметки ученого. 2022. № 8. С. 308–312.
4. Воронин С. Н. Процессуальное положение следователя в Китайской Народной Республике. URL: <http://samlib.ru/w> (дата обращения: 05 мая 2023).
5. Ле Чонг Тай. Меры пресечения во вьетнамском уголовном процессе // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 4. С. 154–163.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

УДК 340.6

**Сравнительно-правовой анализ назначения и проведения судебно-медицинской
Экспертизы физических лиц в Республике Беларусь и Российской Федерации**

© А. Ю. Громыко
студентка 3-го курса,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
Республика Беларусь, г. Минск
gromykolina@gmail.com

В статье рассматриваются нормативно правовая база Республики Беларусь и Российской Федерации, а также дается оценка особенностям процедуры назначения и проведения судебно-медицинских экспертиз в вышеуказанных государствах. Целью работы является изучение нормативно-правовой базы Республики Беларусь и Российской Федерации, регулирующей общественные отношения, складывающиеся по поводу организации систем экспертных учреждений и осуществления ими служебной деятельности. В работе применены общенаучные и специальные методы исследования (аналогия, анализ, синтез, сравнительно-правовой). Сделаны выводы о позитивных и негативных чертах организации системы органов, осуществляющих проведение соответствующих экспертных исследований в названных государствах.

Ключевые слова: судебно-медицинская экспертиза; экспертное учреждение; телесное повреждение; вред здоровью; категория тяжести телесных повреждений.

**Comparative legal analysis of the appointment and conduct of forensic medical examination
individuals in the Republic of Belarus and the Russian Federation**

© A. Yu. Gromyko
3rd year student,
Academy of Management at President of the Republic of Belarus
Republic of Belarus, Minsk
gromykolina@gmail.com

The article deals with regulatory legal acts of the Republic of Belarus and the Russian Federation, providing a legal assessment of their appointment and implementation. The aim of the work is to analyze the legal framework governing expert institutions and their official functions in these countries. General scientific and special research methods (analogy, analysis, synthesis, comparative-legal) are also applied in the work. Conclusions are made about the positive and negative aspects of the expert examination system in these countries, particularly in cases of bodily harm and health damage, as well as the severity of such harm.

Key words: forensic medical exam; expert institution; bodily injury; harm to health; degree of severity of body injuries.

Современный этап взаимодействия Республики Беларусь и Российской Федерацией характеризуется формированием и развитием тенденции на упрочнение социально-политического взаимодействия между вышеуказанными субъектами международных отношений в рамках построения союзного государства.

Не последнюю роль в вышеуказанном взаимодействии играет упрочнение сотрудничества между компетентными органами данных государств в сфере административной, уголовной и гражданской юрисдикций.

Неотъемлемым элементом процесса установления объективной истины по отдельным категориям уголовных, административных и гражданских дел является качественное, своевременное назначение и проведением экспертных исследований, то есть исследований, требующих от лиц, их осуществляющих, наличия специальных знаний и опыта, а также использования специфических методик и технических средств, недоступных иным участникам процессуальных правоотношений, направленных на установление обстоятельств, последующая правовая интерпретация которых, может быть использована для установления либо оценки фактов, имеющих значение для принятия законного и обоснованного итогового процессуального решения, либо выработки тактики осуществления дальнейших проверочных мероприятий.

Принимая во внимание степень взаимодействия компетентных органов Республики Беларусь и Российской Федерации в названной сфере, существенный интерес представляет вопрос сравнительно-правового анализа нормативного регулирования материально-правовых и процессуальных аспектов назначения и проведения экспертиз в Республике Беларусь и Российской Федерации.

Необходимо отметить, что институт назначения и проведения судебных экспертиз в рассматриваемых государствах на новейшем историческом этапе может быть охарактеризован последовательной сменой ряда стадий его развития.

В частности, современному, более чем 25 летнему этапу независимого развития данных институтов в Российской Федерации и Республики Беларусь, предшествовал период его становления и развития в рамках Союза Советских Социалистических Республик.

Таким образом, применительно к цели исследования, именно приобретение Республикой Беларусь и Российской Федерацией независимости, является поворотным этапом развития и, как следствие, постепенного нарастания изменений в правовом регулировании институтов назначения и проведения судебных экспертиз названных государств.

С учетом вышеизложенного, целью данного исследования является изучение общих для Республики Беларусь и Российской Федерации тенденций развития института судебных экспертиз, а также выявление отличий в правовом регулировании данных сфер общественных отношений.

Особый интерес в данном отношении представляет порядок назначения и проведения судебно-медицинских экспертиз физических (потерпевших, обвиняемых и других) лиц, что связано с количеством преступлений против личности в общей структуре преступлений Республики Беларусь и Российской Федерации. Так, согласно статистическим сведениям о правоприменительной практике судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия, опубликованным на официальном сайте Верховного Суда Республики Беларусь, в 2022 году в рамках уголовного процесса за преступления против жизни и здоровья (за исключением убийств), половой неприкосновенности и половой свободы было осуждено 2891 лицо, что составляет 7,57% от общего количества лиц, осужденных в 2022 году – 38206 лиц [5]. Аналогичные тенденции зафиксированы и в Российской Федерации [14]. При этом не следует забывать о высокой латентности данных преступлений [2], в связи с чем представляется возможным объективно оценить исключительно вышеуказанные статистические данные по преступлениям, факт совершения которых зафиксирован правоохранительными органами. Помимо прочего в вышеназванную категорию не были учтены уголовные дела по обвинению в хулиганстве (ст. 339 Уголовного кодекса Республики Беларусь – далее УК Республики Беларусь [17] и ст. 213 Уголовного кодекса Российской Федерации – далее УК РФ [18]), а также в совершении преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств (ст. 317 УК Республики Беларусь и ст. 264 УК РФ), сопровождающиеся причинением телесных повреждений, а также дела о причинении телесных повреждений, рассматриваемые в рамках административного процесса (ст. 10.1, ст. 18.16, ст. 18.20 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях – далее КоАП Республики Беларусь [3] и ст. 6.1, ст. 12.24, ст. 12.30 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях – далее КоАП РФ [4]). Все вышеизложенное значительно увеличивает удельный вес правонарушений и преступлений, сопровождающихся причинением телесных повреждений гражданам, в общей структуре. При этом расследование данных дел, их рассмотрение и принятие по ним объективных, законных и обоснованных решений невозможно без проведения судебно-медицинских экспертиз, направленных на установление наличия либо отсутствия телесных повреждений, определение их характера и степени тяжести (вреда здоровью).

На взгляд автора следует начать с понятия судебно-медицинской экспертизы. Нормы действующего в настоящий момент законодательства Республики Беларусь не содержат легального определения данного понятия. Вместе с тем его содержание может быть установлено исходя из целей данного вида экспертизы, закрепленных в Законе Республики Беларусь «О здравоохранении» [7], среди которых - разрешение вопросов, возникающих в рамках производства по уголовным и гражданским делам, делам об административных правонарушениях, материалам проверок по заявлениям (сообщениям) о преступлениях, носящих медико-биологический характер (ст. 36). В Российской Федерации же понятие «медицинской экспертизы» закрепляется на законодательном уровне и находит свое отражение в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ РФ «Об основах охраны здоровья граждан») [9]. В частности, в соответствии с данным законом под судебно - медицинской экспертизой понимается проводимое в урегулированном законом порядке исследование, направленное на установление состояния здоровья гражданина, в целях определения

его способности осуществлять трудовую или иную деятельность, а также установления причинно-следственной связи между воздействием каких-либо событий, факторов и их влиянием на состояние здоровья гражданина (ст. 58). Основной целью ее закрепления в рассматриваемом законе является закрепление правовой регламентации деятельности экспертов в медицинских организациях, в соответствии с законодательством Российской Федерации о государственной судебно-медицинской деятельности, направленной на установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания по конкретному делу (ст. 62). Тем самым при буквальном толковании вышеуказанных норм выходит, что законодатель в Российской Федерации расширяет полномочия судебно-медицинского эксперта, позволяя ему в силу использованной формулировки, выходить за пределы специальных медицинских знаний и вторгаться в сферу немедицинских наук, в том числе и в сферу юриспруденции, что само по себе противоречит одному из основных требований, предъявляемым к заключению эксперта – обоснованность и мотивированность, о чем указано в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности» (ст. ст. 8, 16, далее – ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности») [6].

Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) [16], также как и Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь) [15], предусмотрено обязательное проведение судебно-медицинской экспертизы в уголовном процессе (ст. 228 УПК Республики Беларусь и ст. 197 УПК РФ) для разрешения вопросов следующего содержания:

установления причины смерти, характера и степени тяжести телесных повреждений (вреда, причиненного здоровью);

установления возраста подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, когда это имеет значение для уголовного дела, а документы о возрасте отсутствуют или вызывают сомнение;

определения физического состояния подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение по поводу их вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном процессе;

определения физического состояния потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать о них показания.

Помимо вышеизложенного, российский законодатель к обязательным поводам назначения экспертизы относит также физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда имеются основания полагать, что он является больным наркоманией (ст. 197 УПК РФ).

Судебно-медицинская экспертиза при осуществлении уголовного преследования в Республики Беларусь может быть назначена до возбуждения уголовного дела в рамках проверки, осуществляемой по сообщению о преступлении (ч. 2 ст. 173 УПК Республики Беларусь), с 2015 года аналогичная возможность была закреплена и в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации (ч. 4 ст. 197, ч. 25 ст. 5 УПК РФ), что помогло решить ряд спорных вопросов и облегчить процесс раскрытия преступлений, а также снизить экспертную нагрузку и финансовые затраты, поскольку до введения данной нормы имела место практика направлять в экспертное учреждение поручение о производстве специальных исследований, по результатам которых, после возбуждения уголовного дела, вновь назначалась судебная экспертиза [13, с. 119]. Примечательно, что законодатель Российской Федерации, в отличие от белорусского законодателя, не ограничивает возможность назначения судебных экспертиз нормативно закрепленным перечнем до момента возбуждения уголовного дела, в то время как согласно требованиям Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, назначение судебно-медицинской экспертизы до возбуждения уголовного дела допускается в случаях необходимости определения причин смерти и степени тяжести телесных повреждений, а также в ряде иных случаев, когда выводы эксперта могут иметь существенное значение для разрешения вопросов, связанных с возбуждением уголовного дела (ст. 226 УПК Республики Беларусь).

Необходимо отметить, что несмотря на наличие в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь норм, ограничивающих перечень следственных действий, которые могут быть проведены до момента возбуждения уголовного дела, в последние годы проявилась тенденция на постепенное увеличение перечня процессуальных действий, которые могут быть проведены на стадии доследственной проверки.

Среди ученых и практиков данная тенденция имеет неоднозначную оценку.

В частности, несмотря на предоставляемую белорусским законодателем возможность более полного и всестороннего установления обстоятельств конкретного происшествия, для дальнейшего рас-

смотрения вопроса о наличии в действиях конкретного лица признаков состава преступления на стадии доследственной проверки, позволяющую избежать случаев необоснованного возбуждения уголовных дел, полномочие на назначение экспертиз на этапе доследственной проверки зачастую воспринимается правоприменителями в качестве обязательного условия для принятия следственными органами от органов внутренних дел материалов проверок, с целью дальнейшего возбуждения уголовных дел, что в ряде случаев является одним из условий для возврата таких материалов в адрес органов, производящих дознание.

Таким образом, расширение перечня следственных действий, в т. ч. номенклатуры экспертиз, которые могут быть назначены и проведены до возбуждения уголовного дела, в зависимости от подхода конкретных правоприменителей, могут порождать две прямо противоположные тенденции, которые могут как способствовать качеству и оперативности установления обстоятельств дела, так и напротив, являться препятствием к достижению вышеуказанных целей.

По мнению автора, принимая во внимание, что деятельность государственных органов, в т. ч. органов уголовного преследования, обусловлена достижением общих общественно значимых целей, расширение правового инструментария правоприменителей по установлению обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, является прогрессивным направлением развития белорусского законодательства, в то время как злоупотребление должностными лицами предоставленными ими правами может быть нивелировано усилением контрольно-надзорной деятельности уполномоченных на то государственных органов.

Необходимо отметить, что при осуществлении правосудия по уголовным делам судами первой инстанции рассматриваемых государств, решение о назначении судебно-медицинской экспертизы может быть принято вплоть до судебных прений. Признав необходимым назначение экспертизы, следователь, лицо, производящее дознание, судья выносят соответствующее постановление, коллегия судей – определение (ст. 227 УПК Республики Беларусь, ст. 31 Закона Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности» [8], ст. 19 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности»).

В рамках административного процесса судебно-медицинская экспертиза может быть назначена в случаях, когда при ведении процесса необходимы специальные медико-биологические знания (ст. 11.12 ПИКОАП Республики Беларусь, ст. 26.4 КоАП РФ) [4]. Данная норма не оговаривает, в рамках какой из стадий административного процесса возможно назначение экспертизы, что формально предполагает ее назначение на любой из его стадий. В Российской Федерации для назначения экспертизы судья, орган, либо должностное лицо, в производстве которых находится конкретное административное дело, выносят определение о назначении экспертизы (ст. 26.4 КоАП РФ), в Республике Беларусь – уполномоченное должностное лицо органа, ведущего административный процесс, выносит постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы (ст. 11.13 ПИКОАП Республики Беларусь).

В Российской Федерации проведение судебно-медицинских экспертиз осуществляют бюро судебно-медицинской экспертизы (далее – БСМЭ), которые являются государственными экспертными учреждениями, находящимися в ведении территориальных органов здравоохранения, что можно объяснить, необходимостью обеспечения независимости данных организаций от органов уголовного преследования и суда, так и сохранением внутренней связи судебной медицины с медицинской наукой и практикой.

В Российской Федерации органом, осуществляющим научное и методическое руководство судебно-медицинской службой, является Российский центр судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения Российской Федерации (далее – РЦСМЭ). При этом согласно ст. 41 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности», судебная экспертиза может производиться и вне государственных судебно-экспертных учреждений лицами, обладающими специальными знаниями, в соответствии с требованиями процессуального законодательства Российской Федерации. В настоящий момент статут вышеуказанных учреждений не имеет надлежащего правового закрепления, в связи с чем, «экспертными учреждениями» могут именоваться как коммерческие, так и некоммерческие структуры.

Государственная судебно-медицинская экспертиза физических (потерпевших, обвиняемых и других) лиц выполняется как вышеуказанными учреждениями (РЦСМЭ и БСМЭ), так и учреждениями военно-медицинского профиля при Министерстве обороны Российской Федерации, то есть проводится в различных ведомствах. В Республике Беларусь же, в отличие от Российской Федерации,

все судебно-медицинские экспертизы, в том числе и физических лиц, проводятся исключительно в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь – уникальной организации, объединившей в себе экспертов различных специальностей. Однако, законодательством Республики Беларусь все же закреплена возможность проведения экспертиз юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, имеющими специальное разрешение (лицензию) на осуществление судебно - экспертной деятельности (ст. ст. 14, 16 Закона Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности»).

В части назначения судебно-медицинской экспертизы законодательные акты Республики Беларусь и Российской Федерации очень схожи, что, вероятнее всего связано, с повторами норм советского законодательства. Как уже было отмечено выше, процессуальное решение о назначении экспертизы выражается в форме постановления (определения) о ее назначении.

В постановлении подлежат указанию основания назначения судебно-медицинской экспертизы; сведения об эксперте либо наименование экспертного учреждения; вопросы, поставленные перед экспертом; материалы, предоставляемые в распоряжение эксперта (ст. 195 УПК РФ и ст. 227 УПК Республики Беларусь). Определяется порядок назначения и проведения экспертизы: в экспертном учреждении либо вне его. Подобный порядок отмечен как в законодательных актах Республики Беларусь, так и Российской Федерации. При назначении судебно-медицинской экспертизы в экспертное учреждение постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы направляется уполномоченным лицом в адрес данного учреждения. После получения постановления, руководитель экспертного учреждения поручает проведение экспертизы конкретному эксперту (экспертам), разъясняет экспертам их права и обязанности, предусмотренные законодательством, а также предупреждает об ответственности за отказ либо уклонение без уважительных причин от исполнения возложенных на него обязанностей или за дачу заведомо ложного заключения, о чем берет подписку, которая вместе с заключением эксперта направляется лицу, назначившему экспертизу (ст. 230 УПК Республики Беларусь). Согласно законодательству Российской Федерации, руководитель экспертного учреждения также должен уведомить следователя о том, кому было поручено проведение экспертизы, разъяснить экспертам их права и ответственность, в том числе и уголовную, за дачу заведомо ложного заключения, а также за разглашение сведений, полученных при проведении доследственной проверки либо расследовании уголовного дела, о чем отбирает соответствующую подписку в виде отметки на постановлении о назначении экспертизы (ст. 199 УПК РФ).

Назначение судебно-медицинской экспертизы специалистам учреждений, которые не являются экспертными, «частным» экспертам определяется в качестве проведения экспертизы вне экспертного учреждения (ч. 4 ст. 199 УПК РФ, ст. 231 УПК Республики Беларусь). В Республике Беларусь, в отличие от Российской Федерации, такие судебно-медицинские экспертизы практически не проводятся. При назначении указанного вида экспертизы, лицо, ее инициатор, до вынесения постановления (определения) должен удостовериться в наличии у лица, ее проводящего, соответствующей компетенции, проверить наличие оснований для отвода эксперта, затем лично вручить эксперту постановление и разъяснить права и обязанности, предупредить об установленной законом ответственности, что отмечается в постановлении и удостоверяется подписью эксперта.

Стоит также отметить, что ст. 52 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» допускает возможность проведения судебно-медицинской экспертизы, как экспертом БСМЭ (штатным сотрудником экспертного учреждения), так и, в случае отсутствия штатного эксперта - любым врачом, независимо от избранной специальности и выполняемой работы. При этом врач, выполняющий функции эксперта, имеет равное процессуальное положение с штатным сотрудником экспертного учреждения. Особенно часто такая ситуация встречается в регионах с малой плотностью населения и большими территориями. В Республике Беларусь также возможно привлечение врачей различных специальностей в качестве экспертов к проведению судебно-медицинских экспертиз, но только в состав комиссии, состоящей в обязательном порядке в том числе и из государственных медицинских судебных экспертов.

До направления постановления о назначении судебно-медицинской экспертизы для исполнения, лицо, его вынесшее, обязано ознакомить с ним всех заинтересованных лиц и разъяснить им их права, о чем составляется протокол, который удостоверяется подписью ознакомленного лица, в отношении которого назначена экспертиза (ст. 227 УПК Республики Беларусь), аналогичные права для участников уголовного процесса, за исключением свидетеля, предусмотрены и в Российской Федерации (ст. 198 УПК РФ).

Еще одним важным и схожим моментом в назначении судебно-медицинской экспертизы физических лиц в Республике Беларусь и Российской Федерации является то, что экспертиза может быть проведена как в добровольном, так и принудительном порядке. К категории лиц, в отношении которых судебно-медицинская проводится исключительно в добровольном порядке, относятся потерпевшие и свидетели, у которых (их законных представителей) отбирается письменное согласие на проведение экспертных исследований (ст. 195 УПК РФ), в законодательстве Республики Беларусь к таким лицам отнесены свидетели (ч. 5 ст. УПК Республики Беларусь), о чем также берется их письменное согласие (ч. 3 ст. 229 УПК Республики Беларусь). Вместе с тем, имеется ряд исключений, когда может допускаться принудительный порядок производства судебно-медицинской экспертизы в отношении вышеперечисленных категорий участников уголовного процесса: например, судебно-медицинская экспертиза в отношении потерпевшего может быть проведена в принудительном порядке лишь с целью определения его возраста, когда это имеет значение для уголовного дела, а документы, подтверждающие его возраст, отсутствуют или вызывают сомнение (ст.196 УПК РФ и ст. 228 УПК Республики Беларусь).

Проведение судебно-медицинской экспертизы физических (потерпевших, обвиняемых и других) лиц в Республике Беларусь и Российской Федерации также базируется на общих принципах, установленных нормативными правовыми актами в сфере судебно-экспертной деятельности: так, должны соблюдаться общие правила производства следственных действий, а именно недопустимость насилия, обмана, унижения чести и достоинства и т.п.; методика проведения экспертных исследований должна быть научно-обоснована; при проведении экспертизы разрешается присутствие лица, ее назначившего, которое не наделено правом вмешиваться в ход исследования; при проведении экспертизы, сопровождающейся обнажением лица, в отношении которого назначено исследование, могут присутствовать только лица того же пола, за исключением эксперта.

Основной целью проведения судебно-медицинской экспертизы физических (потерпевших, обвиняемых и других) лиц является определение степени вреда здоровью (в Российской Федерации) или иначе – степени тяжести телесных повреждений (в Республике Беларусь). Привычное понятие «телесное повреждение», в настоящее время используемое в Республике Беларусь и ранее существовавшее в Российской Федерации, в настоящий момент заменено в УК РФ термином – «вред здоровью».

Под вредом, причиненным здоровью человека, понимается нарушение анатомической целостности и (или) физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психогенных факторов внешней среды [11]. Понятие «телесное повреждение», используемое в Республике Беларусь, определяется, как возникшие в результате травмирующего воздействия физических, химических, биологических, психических и других факторов внешней среды объективно установленные нарушения анатомической целостности и (или) физиологических функций тканей, органов и (или) систем организма человека [10]. Как видно, два вышеуказанных определения весьма схожи между собой, в Республике Беларусь лишь несколько расширен круг возможных травмирующих факторов, за счет включения в формулировку понятия словосочетания «и иных факторов», что позволяет трактовать данную норму весьма в широком смысле.

В Российской Федерации степень тяжести вреда здоровью оценивается по следующим критериям:

- наступление последствий, непосредственно предусмотренных в Уголовном кодексе Российской Федерации, являющихся признаками тяжкого вреда здоровью:
- потеря зрения, речи, слуха или какого-либо органа либо утрата органом его функций;
- прерывание беременности;
- психическое расстройство;
- заболевание наркоманией или токсикоманией;
- неизгладимое обезображивание лица (ст. 111 УК РФ);
- опасность для жизни;
- размер и характер стойкой утраты трудоспособности;
- продолжительность временного расстройства здоровья.

Большинство из данных критериев схожи с аналогичными критериями, закрепленными в нормативных правовых актах Республики Беларусь. Из особенностей, имеющих в законодательствах обеих стран, следует отметить:

- такой признак тяжкого вреда здоровью, закрепленный в законодательстве Российской Федерации, как заболевание наркоманией или токсикоманией, отсутствующий в законодательства Республики Беларусь;
- оценки степени утраты профессиональной трудоспособности, в то время как в Республике Беларусь оценивается исключительно общая трудоспособность, что не всегда отражает субъективный ущерб, который несет потерпевший, вынужденный менять свою профессиональную сферу деятельности;
- кратковременным в Российской Федерации признается расстройство здоровья продолжительностью не свыше трех недель (до 21 дня включительно), в то время как в Республике Беларусь кратковременным признается расстройство здоровья на срок от 7 до 21 дня включительно;
- под незначительной стойкой утратой трудоспособности понимается стойкая утрата общей трудоспособности в размере 5%, в Республике Беларусь – в размере менее 10%.

По факту проведения судебно-медицинской экспертизы как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации, составляется процессуальный документ под названием «Заключение эксперта» (ст. 80 УПК РФ и ст. 95 УПК Республики Беларусь).

Подводя итоги изложенного выше, необходимо остановиться на следующих ключевых положениях.

Создание в Республике Беларусь единой, целостной системы органов, осуществляющих экспертную деятельность – Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, прочно интегрировало экспертную деятельность в систему деятельности правоохранительных органов и судов, значительно упростила процесс взаимодействия инициаторов назначения экспертиз с судебно-экспертными учреждениями и экспертами.

Кроме того, принятие мер по централизации системы органов, осуществляющих проведение судебных экспертиз, создало условия для организации единого процесса подготовки и переподготовки экспертных кадров, выработки и использования единых методик проведения экспертных исследований, а также использование единых, требований, предъявляемых к качеству заключений судебных экспертиз, позволило в значительной степени повысить качество судебных (в т.ч. судебно-медицинских) экспертиз, обеспечить повышение оперативности их проведения, а также сформировать единообразную практику дачи экспертных заключений, что в конечном итоге способствовало повышению качества уголовного преследования, а также деятельности судов по рассмотрению уголовных и гражданских дел.

Необходимо отдельно обратить внимание, что действующее законодательство Республики Беларусь, в отличие от Российской Федерации, целью исследований ставит исключительно установление обстоятельств, требующих специальных познаний, без наделения экспертов правом последующей юридической интерпретации полученных результатов, которая отнесена к компетенции субъектов, явившихся инициаторами назначения экспертиз.

Стоит отметить, что судебно-медицинская экспертиза тяжести вреда, причиненного здоровью человека, проводимая в Российской Федерации, в значительной степени схожа с судебно-медицинской экспертизой характера телесных повреждений, проводимой в Республике Беларусь, различия в данной части видятся автору минимальными и относятся большей частью к характеру используемой специальной терминологии. Из всего вышесказанного отчетливо видны общие корни, базирующиеся на опыте прошлых поколений и так тесно связывающие между собой подходы к проведению судебно-медицинских экспертиз в двух странах, несмотря на более чем 25 летний период самостоятельного развития рассматриваемых правовых институтов Республики Беларусь и Российской Федерации, также не последнюю роль в данном явлении сыграла и тенденция, связанная с принятием мер, направленных на гармонизацию законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации в рамках членства в международных организациях.

Литература

1. Ивушкина О. В. Состояние преступности против личности и ее влияние на формирование уголовной политики // Право и управление. 2022. № 8. С. 124–128.
2. Иншаков С. М. Латентная преступность как объект исследования // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. № 16. С. 107–130.
3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 янв. 2021 г. № 91-3 [Электронный ресурс]: принят Платой Предст. Нац. Собрания Респ. Беларусь 18 дек. 2020 г.: одобр. Советом Респ.

Нац. Собрания Респ. Беларусь 18 дек. 2020 г.: ввод. законом Респ. Беларусь от 6 янв. 2021 г. № 93-3. // Официальный сайт справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 10 апр. 2023).

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: [от 30 декабря 2001 г. года № 195-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. - № 1 (ч. 1). Ст. 1.

5. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2022 год // Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь: сайт. URL: https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/5b82a6c416a342a7.html (дата обращения: 24 март. 2023)

6. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федер. закон [от 31 мая 2001 № 73-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 23. Ст. 2291.

7. О здравоохранении: закон Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. N 2435-ХП: принят Верховн. Советом Респ. Беларусь (с изм. и доп., внесенными законом Республики Беларусь от 11 декаб. 2020 г. №94-3) // Официальный сайт справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 10 апр. 2023).

8. О судебно-экспертной деятельности: закон Республики Беларусь от 18 дек. 2019г. № 281-3: принят Палатой Предст. Нац. Собрания 19 ноя. 2019 г.: одобр. Советом Респ. Нац. Собрания 3 дек. 2019 г. // Официальный сайт справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 10 апр. 2023).

9. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон [от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

10. Об утверждении Инструкции о порядке проведения судебно-медицинской экспертизы по определению степени тяжести телесных повреждений: постановление Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь от 24 мая 2016 г. № 16 //Национальный центр правовой информации Республики Беларусь: сайт. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=T21603582&p1=1> (дата обращения: 28 март. 2023).

11. Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации [от 24 апреля 2008г. № 194] // Официальный сайт справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 10 апр. 2023).

12. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 янв. 2021 г. № 92-3: принят Палатой Предст. Нац. Собрания Респ. Беларусь 18 дек. 2020 г.: одобр. Советом Респ. Нац. Собрания Респ. Беларусь 18 дек. 2020 г.: ввод. законом Респ. Беларусь от 6 янв. 2021 г. № 93-3 // Официальный сайт справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 10 апр. 2023).

13. Сидоренко О.В. Назначение и производство судебных экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2(24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/naznachenie-i-proizvodstvo-sudebnyh-ekspertiz-na-stadii-vozbuzhdeniya-ugolovnogogo-dela> (дата обращения: 22 март. 2023).

14. Уголовное судопроизводство. Общие показатели по категориям дел // Агентство правовой информации: сайт. URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/11/s/1> (дата обращения: 24 март. 2023).

15. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июня 1999 г. № 295-3: принят Палатой Предст. Нац. Собрания Респ. Беларусь 24 июня. 1999 г.: одобр. Советом Респ. Нац. Собрания Респ. Беларусь 20 июня 1999 г.: ввод. законом Респ. Беларусь от 16 окт. 2000 г. № 430-3 // Официальный сайт справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 10 апр. 2023).

16. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

17. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3: принят Палатой Предст. Нац. Собрания Респ. Беларусь 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. Нац. Собрания Респ. Беларусь 24 июня 1999 г.: ввод. законом Респ. Беларусь от 18 июля 2000 г. № 424-3 // Официальный сайт справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 10 апр. 2023).

18. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

УДК 347.7 (517.3)

Современное состояние легализации (отмывания) денежных средств в Монголии

© Дорж Энхтур

кандидат юридических наук, капитан полиции,
директор Института по исследованию криминологии и полиции
Объединенного научно-исследовательского института,
Университет Внутренних дел Монголии,
Монголия, г. Улан-Батор
d.enkhtur@yandex.ru

Орчин үеийн техник, технологийн дэвшил нь хөгжлийн шинэ боломжуудыг нээж өгөхийн зэрэгцээ нийгмийн бусад сөрөг үзэгдлүүдийг шинээр бий болгож байна. Өнөө үед эдийн засгийн гэмт хэрэг нь бүтэц, зохион байгуулалт, үйлдэж буй арга, хэлбэрийн хувьд улам бүр ээдрээтэй болж байна. Үүнтэй холбоотойгоор сүүлийн жилүүдэд дэлхийн нийтэд тулгамдсан гол асуудлын нэг бол "мөнгө угаах" гэмт хэрэг юм. Харин Монгол Улсын хувьд энэ гэмт хэрэг шинэ төрлийн гэмт хэрэгт тооцогддог тул түүнтэй тэмцэх тогтолцоо, эрх зүйн хэм хэмжээ, арга, тактик хараахан бүрдээгүй байна. Мөнгө угаах гэмт хэрэгтэй тэмцэхэд төр, хууль хяналтын байгууллага, санхүүгийн байгууллага, олон нийтийн зүгээс нэгдсэн арга барил, хамтын хүчин чармайлт шаардлагатай. Мөнгө угаах гэмт хэргээс урьдчилан сэргийлэх, энэ төрлийн гэмт хэргийг илрүүлэх, таслан зогсоох, буруутай этгээдэд хариуцлага тооцох үр дүнтэй тогтолцоог бүрдүүлэх шаардлагатай байна. Ингэснээр нийгэм, эдийн засгийн нөхцөл байдлыг мөнгө угаах гэмт хэргийн сөрөг үр дагавраас хамгаалж чадна. Мөнгө угаах гэмт хэргийг олон улсад "Гэмт хэрэг үйлдэх, ашиг олох зорилгоор гэмт хэрэгтэн өөрийн орлого, хөрөнгөө хууль ёсны мэт харагдуулах үйл ажиллагаа" гэж тодорхойлдог. Мөн мөнгө угаах гэмт хэрэг нь ихэвчлэн олон улсыг дамнасан, зохион байгуулалтын шинж чанартай байдаг тул мөнгө угаах гэмт хэрэгтэй тэмцэх чиглэлээр олон улсын хамтын ажиллагааг бий болгох шаардлагатай байна.

Түлхүүр үгс: хууль ёсны болгох, мөнгө угаах гэмт хэргийн байдал, үндэсний эдийн засаг, Монгол Улс.

The current state of legalization (laundering) of funds in Mongolia

© Dorj Enkhtur

Candidate of Legal Sciences, Police Captain,
Institute Research Director criminology and police
United Research Institute
University of Internal Affairs of Mongolia
Mongolia, Ulaanbaatar
d.enkhtur@yandex.ru

Internationally, money laundering is widely studied. However, for our country this crime is considered a new type of crime, therefore the system, legal norms, methods and tactics of combating it have not yet been developed. Advances in the field of modern technology and technology, while opening up new opportunities for development, also give rise to other negative social phenomena. Currently, economic crime is becoming increasingly complex in terms of structure, organization and methods. Internationally, the crime of money laundering is "the activity of a criminal to make his/her income and assets appear legitimate in the commission of a crime, or to profit from it."

Key words: legalization, money laundering, state of crime, national economy, Mongolia.

Олон улсын хэмжээнд мөнгө угаах гэмт хэрэг нь өргөн хүрээтэй судлагдсан байдаг. Харин манай улсын хувьд уг гэмт хэрэг нь шинэ төрлийн гэмт хэрэгт тооцогддог учир түүнтэй тэмцэх тогтолцоо, эрх зүйн зохицуулалт, мөрдөн шалгах, хянан шийдвэрлэх ажиллагааны арга, тактик төдийлэн боловсронгуй болоогүй байна.

Орчин үеийн техник, технологийн дэвшил хөгжлийн шинэ боломж олгохын зэрэгцээ нийгмийн бусад сөрөг үзэгдлүүдийг ч дагуулсаар байна. Өнөө үед, эдийн засгийн гэмт хэрэг нь бүтэц, зохион байгуулалт, арга техникийн хувьд улам л боловсронгуй болсон.

Олон улсын түвшинд мөнгө угаах гэмт хэрэгт өгсөн тодорхойлолтыг агуулгын хувьд авч үзвэл “гэмт этгээд нь гэмт хэрэг үйлдэх явцдаа олсон орлого, эд хөрөнгөө хууль ёсны мэт болгох зорилгоор зах зээлийн эргэлтэд оруулах буюу түүнээс ашиг олох үйл ажиллагаа юм” гэж үзсэн байна¹.

Манай улсын хууль тогтоомжийн зохицуулалтаас үзэхэд мөнгө угаах гэсэн ойлголтонд “гэмт хэрэг үйлдэж олсон хөрөнгө, мөнгө, орлого гэдгийг мэдсээр байж түүнийг авсан, эзэмшсэн, ашигласныг, эсхүл түүний хууль бус эх үүсвэрийг нь нуун далдлах, гэмт хэрэг үйлдэхэд оролцсон аливаа этгээдэд хуулийн хариуцлагаас зайлсхийхэд туслах зорилгоор өөрчилсөн, шилжүүлснийг, эсхүл түүний бодит шинж чанар, эх үүсвэр, байршил, захиран зарцуулах арга, эзэмшигч, эд хөрөнгийн эрхийг нуун далдалсныг” ойлгоно гэж хууль зүйн тодорхойлолтыг өгсөн.

Мөнгө угаах гэмт хэрэг нь тухайн мөнгөн хөрөнгийг төвлөрүүлсэн суурь гэмт хэргийн үйл ажиллагаатайгаа нягт холбоотой ба энэ нь өөрөө гэмт хэргийн үйл ажиллагааг үргэлжлүүлэх боломжийг бий болгож байдгаараа онцлог юм.

Санхүүгийн хориг арга хэмжээ авах байгууллага буюу FATF (Financial Action Task Force)-ийн 40+9 зөвлөмжиддордурдсан гэмт хэргүүдийн аль нэгийг үйлдэж олж авсан хууль бус орлогоо цэвэршүүлэх үйлдлийг мөнгө угаах гэмт хэрэг хэмээн үзэж, түүний суурь гэмт хэргүүдийг тодорхойлсон зөвлөмжийгтусгасан байдаг.

Холбогдохгэмтхэргийн ангилалд²:

Зохионбайгуулалттайгэмтбүлэгторолцох, дарамтлах

Терроризм, терроризмыгсанхүүжүүлэх

Хүнхудалдаалах, цагаачдыгхуульбусаархилдавуулах

Бэлгийнмөлжлөг (хүүхдийнбэлгийнмөлжлөгийггоролцуулаад)

Хартамхиболонсэтгэцэднөлөөлөхэмбэлдмэлийгхуульбусаархудалдах

Хуульбусзэвсгийннаймаа

Хулгайнболонбусадбараабүтээгдэхүүнийхуульбусхудалдаа

Авлига, хээлхахууль

Залилах

Мөнгөнтэмдэгтхуурамчаарүйлдэх

Бараа, бүтээгдэхүүнхуурамчаарүйлдэхболонзохиогчийнэрхийгзөрчих

Хүрээлэн буйорчныэсрэггэмтхэрэг

Хүнийамьнасбүрэлгэх, хүндгэмтэлучруулах

Хүнхулгайлах, хуульбусаарэрхийгньбоогдуулах, барьцаалах

Хулгай, дээрэм

Хуульбусаархилнэвтрүүлэх (гаальболоннэмүүертгийнналбантатвартайхолбоотойасуудалорно)

Татварынгэмтхэрэг (шуудболоншуудбустатварыгоролцуулаад)

Айлгансүрдүүлэх

Баримтбичгийгхуурамчаарүйлдэх

Далайндээрэм

Худалдааныдотоодмэдээлэлашиглах, үнэтцаасныхзахзээлдхуульбусүйлдэлхийх

Мөн

тухайнулсоронньэнэжагсаалтаассуурьгэмтхэрэгтхамруулахдаагэмтхэр-

гийнтөрлөөрньболонуггэмтхэргийнбүрэлдэхүүниймарэлементньонц-

ноцтойгэмтхэрэгболгожбуйгдотоодынхуультогтоомжийндагуутодорхойлоххэрэгтэй гэж тусгасан байдаг.

Уг гэмт хэргийн үйл явцтай шууд холбоотой “сэжигтэй гүйлгээ” гэдэгт мөнгөний гарал үүсэл, эцсийн хүлээн авагч нь тодорхой бус, эсхүл мөнгө угаах болон терроризмыг санхүүжүүлэхтэй тэмцэх санхүүгийн хяналтын механизмыг бүрдүүлээгүй улс орноор дамжуулан хийсэн, түүнчлэн мөнгө угаахтай холбоотой гэж үзэж буй гүйлгээг, өөрөөр хэлбэл, захиран зарцуулах эрхээ хууль ёсны болгох зорилгоор гүйлгээнд оруулахыг ойлгодог.

Уг эрсдэлээс урьдчилан сэргийлэх зорилгоор “Мөнгө угаах болон терроризмыг санхүүжүүлэхтэй тэмцэх тухай хууль”-ийн 4 дүгээр зүйлийн 4.1 дэх хэсэгт: “Хорин сая төгрөг, түүнээс дээш үний

¹“Мөнгө угаах болон терроризмыг санхүүжүүлэхтэй тэмцэх Монгол Улсын тогтолцоо, асуудлууд” сэдэвт Б.Төмөрбатын илтгэл., 2013, УБ.

² Мөнгө угаах, терроризмыг санхүүжүүлэх болон үй олноор хөнөөх зэвсэг дэлгэрүүлэхийг санхүүжүүлэхтэй тэмцэх олон улсын стандарт. Санхүүгийн хориг арга хэмжээ авах байгууллага /ФАТФ/-ын зөвлөмж. 2020.01.08. <https://www.mongolbank.mn/documents/cma/20180531F2.pdf>.

дүнтэй бэлэн мөнгөний гадаад төлбөр тооцоо болон виртуал хөрөнгийн гүйлгээний тухай мэдээллийг гүйлгээ хийснээс хойш ажлын таван өдрийн дотор батлагдсан маягт, журмын дагуу Санхүүгийн мэдээллийн албанд мэдээлэх”¹ үүргийг тодорхой этгээдэд хүлээлгэсэн.

Манай улс 2019 онд мөнгө угаах, терроризмтэй тэмцэх чиглэлд хангалтгүй гэсэн үнэлгээгээр FATF-ын саарал жагсаалтад орсон бөгөөд тухайн үед бүртгэгдсэн мөнгө угаах гэмт хэргээр давхар зүйлчилсэн нийт 66 төрлийн гэмт хэргийн хохирлын хэмжээг шалгуур болгон тэдгээрийн суурь гэмт хэргийг дараах дэс дарааллаар жагсаасан байдаг. Үүнд:

Хулгайлах

Залилан мэхлэх

Мал хулгайлах, алдуул мал ашиглах

Хөрөнгө завших

Эрх мэдэл, албан тушаалын байдлаа урвуулан ашиглах

Мансууруулах эм, сэтгэцэд нөлөөт бодисыг хууль бусаар ашиглах

Хууль бусаар мод бэлтгэх

Хууль бусаар ашигт малтмал олборлох

Хууль бусаар ан хийх².

Тодруулбал, эдгээр гэмт хэргийг мөнгө угаах гэмт хэргийн анхдагч буюу суурь гэмт хэрэгт тооцдог.

Харин 2020 онд Монгол Улсаас FATF-д хүргүүлэх урьдчилсан хамгаалалтын тайланг гаргах явцад улсын хэмжээнд бүртгэгдсэн буюу мөрдөн шалгах ажиллагаа явуулсан, шүүхээр шийдвэрлэсэн нийт хэргийг ач холбогдлын түвшингээр нь эрэмбэлсэн бөгөөд уг үзүүлэлтийг үндэслэн Монгол Улсад үйлдсэн мөнгө угаах гэмт хэргийн аюул занал, хор уршгийн эрсдэлийн үнэлгээний тайлан гаргасан байдаг. Уг тайлангаас үзэхэд манай улсад үйлдэгдсэн мөнгө угаах гэмт хэргийн суурь гэмт хэргийн дээрх дэс дараалалд тодорхой өөрчлөлт оруулжээ.³ Уг жагсаалтаар:

Эрх мэдэл, албан тушаалын байдлаа урвуулан ашиглах;

Үндэслэлгүйгээр хөрөнгөжих;

Хахууль авах;

Залилан мэхлэх;

Цахим мэдээлэлд хууль бусаар халдах;

Гадаад улсаас гаралтай хууль бус мөнгөн хөрөнгийг манай улсын санхүү, эдийн засгийн тогтолцоогоор дамжуулан угаах гэсэн гэмт хэргүүдийг “өндөр эрсдэлтэйд” тооцсон бол,

Татвар төлөхөөс зайлхийх;

Хууль бусаар ашигт малтмал олборлох;

Мансууруулах эм, сэтгэцэд нөлөөт бодисыг хууль бусаар ашиглах гэмт хэргүүд “дунд зэргийн эрсдэлтэйд” харин

Хулгайлах (эд зүйл, мал),

Улсын хилээр хориглосон бараа бүтээгдэхүүн нэвтрүүлэх,

Төсвийн хөрөнгийг зориулалтын бусаар ашиглах,

Мөнгөн тэмдэгт, үнэт цаас, төлбөр тооцооны хэрэгсэл хуурамчаар бэлтгэн ашиглах зэрэг гэмт хэргүүд “бага эрсдэлтэй” ангилалд тус тус багтсан байна.

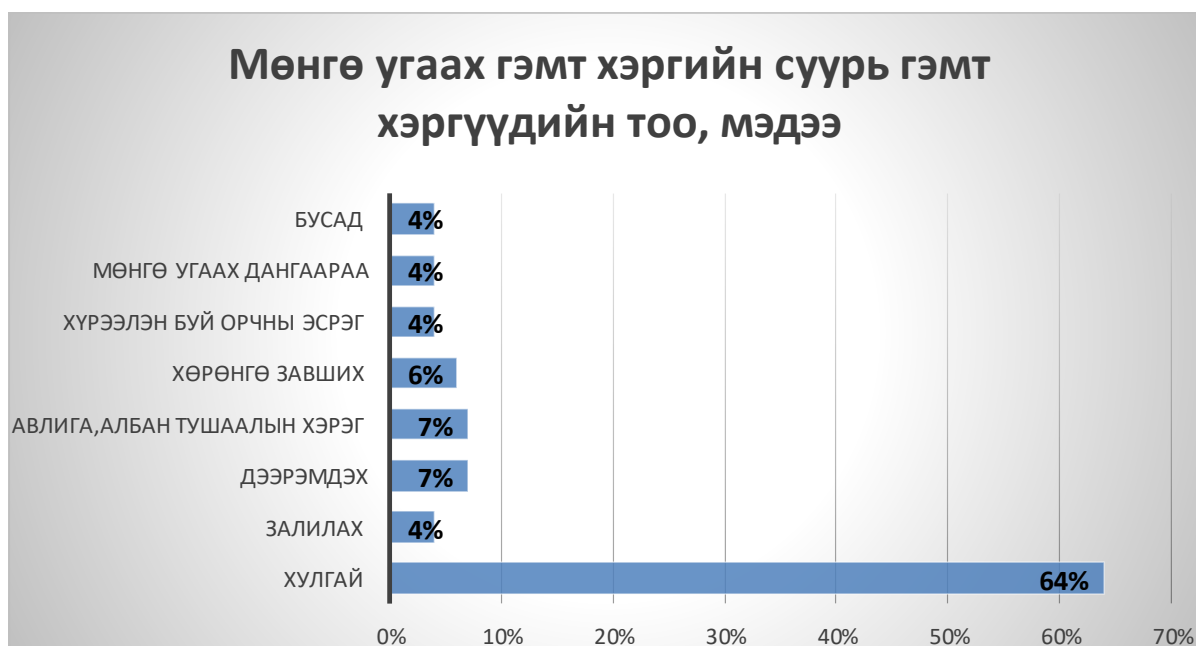
Дээрх байдлаас үзэхэд өмнөх судалгаагаар тавд дугаарлагдаж байсан “Эрх мэдэл, албан тушаалын байдлаа урвуулах” гэмт хэрэг нь эхний 3 дугаарт буюу “өндөр эрсдэлтэй” ангилалд багтсан бол “Залилах” гэмт хэргийн хувьд “өндөр эрсдэлтэй” ангилалд хэвээр үлдэж, харин шинэ төрлийн гэмт хэрэг болох “Кибер гэмт хэрэг” “өндөр эрсдэлтэй” ангилалд нэмэгдсэн дүнтэй байна.

Ийнхүү манай улсад мөнгө угаах гэмт хэргийн суурь гэмт хэргийн бүтцийн байршилд тодорхой өөрчлөлт гарсан.

¹ Монгол Улсын Мөнгө угаах болон терроризмыг санхүүжүүлэхтэй тэмцэх тухай хууль. 2013.05.31. <https://legalinfo.mn/mn/detail/9242>

² Санхүүгийн хориг арга хэмжээ авах байгууллагад хүргүүлсэн урьдчилсан хамгаалалтын тайлан. 2020.

³ Монгол Улсын Мөнгө угаах гэмт хэргийн аюул заналын эрсдэлийн үнэлгээний тайлан. 2021.

2020 онд шүүхээр хянан шийдвэрлэсэн мөнгө угаах гэмт хэргийн суурь гэмт хэргийг үндэсний эрсдэлийн үнэлгээний дагуу ангилж үзвэл, “өндөр эрсдэлтэй” суурь гэмт хэрэгтавлига, албан тушаалын гэмт хэрэг 4 буюу 7.0 хувийг, залилан мэхлэх гэмт хэрэг 2 буюу 4.0 хувийг, “дунд эрсдэлтэй” суурь гэмт хэрэгтхөрөнгө завших гэмт хэрэг 3 буюу 6.0 хувийг, “бага эрсдэлтэй” суурь гэмт хэрэгт хулгайлах гэмт хэрэг 18 буюу 34.0 хувийг, мал хулгайлах гэмт хэрэг 16 буюу 30.0 хувийг тус тус эзэлж байна.

Цагдаагийн байгууллагаас¹ 2018-2021 онд Эрүүгийн хуулийн 18.6 дугаар зүйлд заасан мөнгө угаах гэмт хэргээр давхар зүйлчилж, мөрдөн шалгах ажиллагаа явуулсан хэргийн статистик мэдээнээс үзэхэд, 2018 онд Эрүүгийн хуулийн тусгай ангийн 18.6 дугаар зүйл ангиар давхар зүйлчилсэн нийт 34 холбогдогчтой, 52 хэрэгт мөрдөн шалгах ажиллагаа явуулсанаас 16 хэрэгт хэрэг бүртгэлтийн хэрэг нээж, 36 хэрэг бүртгэлтийн хэрэгт эрүүгийн хэрэг үүсгэн яллагдагчаар татан, 8 хэрэг бүртгэлтийн хэргийг хааж, 1 хэргийг хэрэгсэхгүй болгож, 23 хэргийг яллах дүгнэлт үйлдэж шүүхэд шилжүүлснээс 21 хэргийг шүүх эцэслэн шийдвэрлэж шүүхийн шийтгэх тогтоол гаргажээ. 2019 онд Эрүүгийн хуулийн тусгай ангийн 18.6 дугаар зүйл ангиар давхар зүйлчилсэн нийт 136 холбогдогчтой, 159 хэрэгт мөрдөн шалгах ажиллагаа явуулсанаас 99-д нь хэрэг бүртгэлтийн хэрэг нээж, хэрэг бүртгэлтийн 60 хэрэгт эрүүгийн хэрэг үүсгэн яллагдагчаар татсан бол, 68 хэргийг хааж, 2 хэргийг хэрэгсэхгүй болгож, 2 хэргийг мөрдөн байцаалтаас түтгэлзүүлж, 49 хэргийг яллах дүгнэлт үйлдэж шүүхэд шилжүүлснээс 37 хэргийг шүүхээр шийдвэрлэж шийтгэх тогтоол гаргажээ. Тэгвэл 2020 онд Эрүүгийн хуулийн тусгай ангийн 18.6 дугаар зүйл ангиар давхар зүйлчилсэн нийт 109 холбогдогчтой, 211 хэрэг, хамтарсан ажлын хэсгээс 3 хэрэг, нийт 214 хэрэгт мөрдөн шалгах ажиллагаа явуулсан бөгөөд нийт 214 хэргээс ажиллагаанд байгаа 80, хэрэг бүртгэлтийн хэргийг хаасан 49, нэгтгэсэн 8, хэрэгсэхгүй болгосон 1, яллах дүгнэлт үйлдсэн 76, шүүхээр шийдсэн 71 хэрэг байжээ.

Харин 2021 онд Мөнгө угаахаар давхар зүйлчилсэн 277 хэрэг, хамтарсан ажлын хэсгээс 4 хэрэг, нийт 281 хэрэгт мөрдөн шалгах ажиллагаа явуулсан бөгөөд эдгээрээс хэрэг бүртгэлтийн хэргийг хаасан 30, нэгтгэсэн 63, яллах дүгнэлт үйлдсэн 58, хэрэгсэхгүй болгосон 2, түдгэлзүүлсэн 3, шүүхийн тогтоолоор шийдсэн 51, хэрэг бүртгэлтийн шатанд 121 хэргийг шалгаж байна. 2020-2022 оны 2 дугаар сарын 23-ны өдрийн байдлаар виртуал хөрөнгөтэй холбоотой 169 гэмт хэргийг бүртгэж, мөрдөн шалгах ажиллагаа явуулсанаас гадаад улсын иргэдээс Монгол Улсын иргэдийг криптовалютаар хөрөнгө оруулалт хийж их хэмжээний ашиг олох магадлалтай хэмээн хууран мэхэлсэн, койн худалдах, худалдаж авах зарын дагуу иргэдийг залилан мэхлэх байдлаар мөнгө угаасан 2 эрүүгийн хэрэг байна.

¹ Цагдаагийн байгууллагаас 2018-2021 онд Эрүүгийн хуулийн тусгай ангийн 18.6 дугаар зүйл мөнгө угаах гэмт хэргээр зүйлчлэн шалгасан хэргийн статистик мэдээлэл.2022.05.31.

Зөвхөн 2022 оны оны I улиралд Эрүүгийн цагдаагийн албаны Эдийн засгийн гэмт хэрэгтэй тэмцэх газар мөнгө угаах гэмт хэргээр давхар зүйлчилсэн 65 хэрэг, Авлигатай тэмцэх газар 42, ТЕГ-ын Мөрдөн шалгах газар 6, нийт 113 хавтаст хэрэгт мөрдөн шалгах ажиллагаа явуулсан байна.

Эдгээр тоо баримтаас үзэхэд манай улсад үйлдсэн мөнгө угаах гэмт хэргийн тоо жилээс жилд өсөх хандлага ажиглагдаж байна.

2020 онд мөнгө угаах гэмт хэргээр зүйлчилж шалгаж шийдвэрлэсэн эрүүгийн хавтаст хэрэгт хийсэн дүн шинжилгээнээс үзэхэд энэ төрлийн гэмт хэргийн суурь гэмт хэрэгт хулгайлах, залилан мэхлэх, хүрээлэн буй орчны эсрэг гэмт хэрэг, түүний дотор ашигт малтмал хууль бусаар олборлох, авилга, албан тушаалын хэргүүд зонхилох байр суурийг эзэлдэг болох нь харагдаж байна. Ялангуяа, шүүхээр шийдсэн хэргийн 80 гаруй хувийг хулгайлах, түүний дотроос гар утас хулгайлах гэмт хэрэг эзэлж байгаа нь манай улсын хувьд гэмт хэргийн улмаас олсон хөрөнгө гэдгийг мэдсээр байж түүнийг авсан, эзэмшсэн, ашигласан шинжтэй гэмт хэрэг, мөнгө угаах гэмт хэргийн дийлэнх хувийг эзэлдэг болохыг гэрчилж байна.

Анхан болон давж заалдах шатны шүүхийн хувьд мөнгө угаах гэмт хэргийн зүйлчлэлээр шийтгэсэн боловч, суурь гэмт хэрэг буюу хулгайлах, дээрэмдэх, залилах гэмт хэргийг шүүхээр шийдвэрлэхдээ хэрэгт цугласан нотлох баримт, баримт сэлтийг үнэлж дүгнэх явцад үгүйсгэж буй үндэслэлийг хууль зүйн үүднээс тайлбар хийлгүй тухайн шатны шүүхэд, эсхүл прокурорт буцаах, эсвэл мөнгө угаах гэмт хэрэг үйлдсэн гэм бурууг хяналтын шатны шүүхээр хэлэлцээгүй зэрэг зөрчлүүд илэрч байна. Өөрөөр хэлбэл, суурь гэмт хэргийг эцэслэн тогтоогоогүй тул мөнгө угаах гэмт хэргийг шийдвэрлэх боломжгүй гэсэн үндэслэлээр хэргийг буцаасан байх жишээтэй.

Давж заалдах болон хяналтын шатны шүүхийн шийдвэрээс үзэхэд, хэргийн оролцогчид суурь гэмт хэрэг үйлдсэн эсэх талаар маргаж байх явцад мөнгө угаах гэмт хэрэг үйлдсэн эсэхэд дүгнэлт хийх боломжгүй гэсэн үндэслэлээр анхан шатны шүүхээр хэргийг дахин хэлэлцүүлэхээр, эсхүл өмчлөх эрхийн эсрэг гэмт хэрэгт хамтран оролцсон эсэхийг тогтоологохоор прокурорт буцаасан байна.

Энэ нь Эрүүгийн хуулийн ерөнхий ангийн 1.4 дүгээр зүйлд заасан “Энэ хуульд заасан гэмт хэрэг үйлдсэн нь шүүхээр тогтоогдсон гэм буруутай хүнд эрүүгийн хариуцлага хүлээлгэнэ” гэсэн зарчмын дагуу суурь гэмт хэрэг үйлдсэн этгээд нь шүүхээр шийдвэрлэгдсэний дараа буюу гэмт хэрэг үйлдэж олсон хөрөнгө, мөнгө, орлого гэдгийг шүүхээр тогтоосны дараа түүнийг олсон хөрөнгө, мөнгө, орлогыг авсан, эзэмшсэн, ашигласан, нуун далдалсан өөрчилсөн, шилжүүлсэн, захиран зарцуулсан үйлдэлд хариуцлага хүлээлгэхээр ойлгогдож байгаа нь мөнгө угаах гэмт хэргийг эцэслэн шийдвэрлэхдээ цаг хугацааны хувьд удаашрах нэг нөхцөл болохоор байна гэж үзэж байна¹.

Дээрх байдлаас дүгнэж үзвэл, шүүхийн практикт мөнгө угаах гэмт хэрэгт оногдуулах ялын тогтолцоо бүрдээгүйтэй, аль эсвэл хэргийг буруу зүйлчилсэнтэй холбоотой гэж үзэж болохоор байна.

Гэхдээ шүүхээр хэлэлцсэн хэргийн тоог мөнгө угаах хэрэгт мөрдөн шалгах ажиллагаа явуулсан хэргийн тоотой харьцуулахад хэдийгээр цөөн хувийг эзэлж байгаа боловч, уг үзүүлэлт сүүлийн таван жилд тогтмол өсөх хандлагатай байна. Тухайлбал, уг үзүүлэлт 2018 онд 22 хэргээр буюу 8.3 дахин, 2019 онд 12 хэргээр буюу 48.0 хувиар, 2020 онд 16 хэргээр буюу 30.2 хувиар өссөн дүнтэй байна. Энэ нь мөнгө угаах гэмт хэргийг хянан шийдвэрлэх ажиллагаанд тодорхой хэмжээгээр туршлага сууж байгааг гэрчилж байна. Харин 2021 онд уг үзүүлэлт 30 хэргээр буюу 56.6 хувиар буурсан байгааг дэлхий нийтэд тархсан цар тахалтай холбон тайлбарлаж болох талтай.

Мөнгө угаах гэмт хэргийг мөрдөн шалгах, хянан шийдвэрлэх ажиллагаанд оршиж буй дутагдалтай тал, түүний шатгаан нөхцөл, нөлөөлж буй хүчин зүйлийн дотроос мөрдөн шалгах ажиллагааны явцад мөрдөгчийн зүгээс гаргаж байгаа алдаа дутагдал багагүй хувийг эзэлж байна. Үүнд нөлөөлж буй хүчин зүйл нь объектив ба субъектив шинжтэй байдаг. Субъектив хүчин зүйлийн хувьд, ихэвчлэн, тухайн сөрөг үзэгдлийн мөн чанарын талаар зохих ойлголтгүй, энэ төрлийн гэмт хэргийг мөрдөн шалгах мэдлэг хомс, туршлагагүй байдал (зарим тохиолдолд гэмт хэргийн замаар олсон мөнгийг угаахыг, эсвэл гэмт хэргийн замаар олсон эд хөрөнгө борлуулах үйлдэлтэй тус тус андуурдаг) зэргээс шалтгаалж байгаа бол, объектив хүчин зүйлийн хувьд, гол төлөв эрх зүйн зохицуулалт хангалтгүйтэй холбоотой гэж дүгнэж болохоор байна.

Эдгээр нөхцөл байдлын улмаас мөнгө угаах гэмт хэрэгт холбогдсон этгээдэд ял завших боломж олгохын зэрэгцээ энэ төрлийн гэмт хэрэгтэй тэмцэх, илрүүлэх ажиллагаа удааширдаг. Иймд уг төрлийн гэмт хэрэгтэй тэмцэх чиг үүрэг бүхий байгууллагуудын зүгээс хууль тогтоомжийн үзэл барим-

¹ Мөнгө угаах гэмт хэрэгтэй тэмцэх тогтолцоо, эрх зүйн зохицуулалт, тулгамдаж буй асуудал сэдэвт илтгэл., Б.Батжаргал. 2019.

тлал, хуулийн тайлбар зэргийг сайтар судлахын зэрэгцээ мэргэжлийн ур чадвар, мэдлэгийн түвшинг байнга дээшлүүлж байх хэрэгтэй.

Өнөөдрийн эрүүгийн хуулийн практикаас харахад мөнгө угаах гэмт хэргийг дангаар нь зүйлчлэн шийдвэрлэсэн тохиолдол байхгүй бөгөөд дандаа суурь гэмт хэрэгтэй хамт ял ногдуулж байна. Энэ нь олон улсын “дангаар нь мөнгө угаах гэмт хэргээр шийдвэрлэж байх” гэсэн зөвлөмжийг биелүүлэхгүй байгаа хэрэг юм. Мөнгө угаах гэмт хэргийг дангаар нь шийдвэрлэх нь суурь гэмт хэргийг илрүүлэх нотлохоос “амархан” байдаг тул үр дүн хурдан гарах магадлалтай байдаг. Мөн дээр өгүүлсэнтэй адил мөнгө угаах гэмт хэрэгт яллах туршлага дутуу байгаагаас хэрэглэхгүй байж болох талтай. Ийм учраас мөнгө угаах зүйл ангиар тусад нь зүйлчлэх, шүүхээр шийдвэрлүүлэх туршлага шаардлагатай байна. Мөнгө угаах зүйл ангиар суурь хэмт хэрэгтэй нь хамтад нь болон тусад нь шүүхээр эцсийн шийдвэр гарган яллуулж байж мөрдөн байцаах болон шүүхийн тогтолцоонд учирч болох хүндрэлүүд ил болж ирэх бөгөөд тулгамдаж байгаа асуудлуудыг тухай бүрт нь шийдвэрлээд явах боломжтой болно.

Эх сурвалжийн жагсаалт

“Мөнгө угаах болон терроризмыг санхүүжүүлэхтэй тэмцэх Монгол Улсын тогтолцоо, асуудлууд” сэдэвт Б.Төмөрбатын илтгэл., 2013, УБ.

Мөнгө угаах, терроризмыг санхүүжүүлэх болон үй олноор хөнөөх зэвсэг дэлгэрүүлэхийг санхүүжүүлэхтэй тэмцэх олон улсын стандарт. Санхүүгийн хориг арга хэмжээ авах байгууллага /ФАТФ/-ын зөвлөмж. 2020.01.08. <https://www.mongolbank.mn/documents/cma/20180531F2.pdf>.

Монгол Улсын Мөнгө угаах болон терроризмыг санхүүжүүлэхтэй тэмцэх тухай хууль. 2013.05.31. <https://legalinfo.mn/mn/detail/9242>.

Санхүүгийн хориг арга хэмжээ авах байгууллагад хүргүүлсэн урьдчилсан хамгаалалтын тайлан. 2020.

Монгол Улсын Мөнгө угаах гэмт хэргийн аюул заналын эрсдэлийн үнэлгээний тайлан. 2021.

Цагдаагийн байгууллагаас 2018-2021 онд Эрүүгийн хуулийн тусгай ангийн 18.6 дугаар зүйл мөнгө угаах гэмт хэргээр зүйлчлэн шалгасан хэргийн статистик мэдээлэл.2022.05.31.

Мөнгө угаах гэмт хэрэгтэй тэмцэх тогтолцоо, эрх зүйн зохицуулалт, тулгамдаж буй асуудал сэдэвт илтгэл., Б.Батжаргал. 2019.

УДК 347.94 (450+510)

Сравнительный анализ электронных доказательств между Россией и Китаем

© Дун Цзыхэ

магистрант 1-го курса,
Китайский университет политических наук и права
Китай, г. Пекин
1134277297@qq.com

© Юань И
профессор,

Китайский университет политических наук и права
Китай, г. Пекин
1129290@sina.com

В последние годы электронные доказательства стали актуальной темой в России и Китае. В данной статье сравнивается развитие электронных доказательств в двух странах с точки зрения законодательства, взглядов учёных и актуальных проблем применения электронных доказательств, чтобы выявить особенности развития электронных доказательств и предоставить полезную информацию для учёных обеих стран.

Ключевые слова: электронные доказательства, доказательства больших данных, уголовно-процессуальное право России и Китая, виды доказательств, технологическая революция.

Comparative analysis of electronic evidence between Russia and China

© Dong Zihe

1st year master's student,
China University of Political Science and Law
China, Beijing
1134277297@qq.com

© Yuan Yi

Professor,
China University of Political Science and Law
China, Beijing
1129290@sina.com

In recent years, electronic evidence has become a hot topic in Russia and China. This article compares the development of electronic evidence in the two countries in terms of legislation, the views of scientists and current problems in the application of electronic evidence in order to identify the features of the development of electronic evidence and provide useful information for scientists in both countries.

Key words: electronic evidence, big data evidence, criminal procedure law of Russia and China, types of evidence, technological revolution.

Сравнение законодательства об электронных доказательствах в России и Китае.

Электронные доказательства (Electronic Evidence), — это данные, которые хранятся, обрабатываются и передаются в цифровой форме и способны доказать факты по делу [17].

В 2012 году электронные доказательства были внесены в УПК КНР как самостоятельный вид доказательств. Позднее был выпущен ряд документов, таких как Положения о некоторых вопросах сбора, извлечения, проверки и оценки электронных данных при производстве по уголовным делам, обнародованные в 2016 г. и Правила получения электронных доказательств при ведении органами общественной безопасности уголовных дел, обнародованные в 2019 г. Эти документы содержат соответствующие правила об определении, предмете, объекте, способе и процедуре доказывания электронных доказательств в уголовном процессе, и в настоящее время являются относительно совершенными правовыми документами по электронным доказательствам в Китае. Несмотря на то, что в Китае существуют соответствующие правила об электронных доказательствах, некоторые формули-

ровки в законе расплывчаты, сфера применения недостаточно ясна, правила распределены по разным статьям закона и не формируют полную и независимую систему, из-за чего использование электронных доказательств в уголовном процессе все ещё сопряжено с некоторыми проблемами.

В российской практике можно отметить, что на данный момент электронные доказательства не включены в УПК РФ [18]. Согласно статье 74 УПК РФ, существует возможность отнесения доказательств в виде электронной информации к вещественным доказательствам или иным документам. Проблема в том, есть ли необходимость относить электронные доказательства к перечню видов доказательств (ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Взгляды учёных можно разделить на две группы: признание и непризнание электронных доказательств как самостоятельного вида доказательств.

К примеру, в части признания электронных доказательств как самостоятельного вида доказательств можно привести следующие точки зрения.

М. И. Воронин рассматривает электронные доказательства как самостоятельный вид доказательств, относя к ним как электронные носители информации, так и саму электронную информацию в форме электронных документов [0, с. 80].

По мнению А.С. Александрова, в цифровую эпоху старые запреты и ограничения, практиковавшиеся в традиционном доказывании по уголовным делам, утрачивают свою актуальность. Пришло время снятия других следственных ограничений на использование информации в доказывании обвинения [0, с. 137].

В. Н. Григорьев и О. А. Максимов утверждали, что следует задуматься о выделении электронных носителей информации в отдельный вид (источник) доказательства и определить его как «предмет, содержащий значимую для уголовного дела информацию, созданную не в процессе расследования (раскрытия) уголовного дела, восприятие которой невозможно без использования электронно-вычислительных средств» [0, с. 4].

Согласно Р. И. Оконенко, для того чтобы электронное доказательство как научное понятие имело право на существование, необходимо наполнить его содержанием, выделить в соответствующих явлениях действительности те признаки, которые имеют юридическое значение и подлежат учету законодателем при выработке новых процессуальных правил [0, с. 123].

В качестве примера суждений о непризнании электронных доказательств как самостоятельного вида доказательств можно отметить следующие взгляды ученых.

С точки зрения стабильности доказательств, Л.В. Головкин считает, что в виртуальном мире все так же динамично, как и в реальном. Такие технологии, как блокчейн например, в настоящее время не могут навсегда защитить доказательства от фальсификации. Поэтому электронные данные ничем не отличаются от любых других доказательств. Поэтому электронные доказательства не нуждаются в закреплении в законе [0, с. 23].

Проводя различие между «источниками доказательств» и «видами доказательств», А.М. Баранов возражал против существования электронных доказательств. По его словам, источником (носителем) доказательств (информации) в уголовном процессе всегда является человек. Доказательства - информация существует только в сознании человека, нет человека – нет информации. В таком случае электронная среда (Интернет), электронные средства сохранения и передачи информации будут не вещественными доказательствами и не электронными доказательствами, а хранителями информации [0, с. 67].

П. Г. Марфицин полагает, что существующая система доказательств сформирована таким образом, что многие из них содержат в себе элементы иных доказательств. И признак «электронности» можно растворить в иных видах доказательств. Например, рассматривать его как форму, в которую обличены необходимые для дела сведения. В этом случае нам не понадобится формулировать понятие «электронные доказательства» [0, с. 108].

Электронные доказательства также могут быть использованы в качестве вещественных доказательств или иных документов в соответствии с УПК РФ на основании их характеристик.

П. С. Пастухов считает, что не следует вводить новый вид электронных доказательств, т.к. использование электронной доказательственной информации охватывается общим понятием доказательств, под которыми понимаются «любые сведения», способные установить обстоятельства, имеющие значение для дела (ст. 74 УПК РФ). Определяя понятие «вещественное доказательство», «иные документы», надо лишь уточнить, что сведения могут быть в виде электронной информации [0, с. 696].

Похожего мнения придерживается и С. В. Зуев, который считает, что, несмотря на существенные особенности, электронная информация вполне может быть представлена в виде одного из традиционных доказательств – вещественного доказательства или иного документа [0].

К. Ю. Яковлева подняла несколько вопросов об электронных доказательствах. Например, является ли электронная информация документированной, т. е. содержание электронной информации представлено электронным документом? Несёт ли в себе электронная информация следы преступления? Электронная информация неразрывно связана с материальным объектом? Электронная информация при утрате материального носителя, на которой хранилась, может быть восстановлена? Электронная информация обладает признаками ст. 81 УПК РФ? Ответив "да" или "нет" на эти вопросы, определить, относятся ли электронные доказательства к вещественным доказательствам или относятся к иным документам [0, с. 156].

Анализ проблем использования электронных доказательств в России и Китае позволяет отметить следующее.

Электронные доказательства с трудом принимаются судьями.

Из-за нестабильности самих электронных доказательств электронные доказательства очень легко подделать, а следы фальсификации нелегко обнаружить. Кроме того, поскольку судьи имеют разный уровень знаний и понимания электронных доказательств, они оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, что может привести к различным стандартам электронных доказательств. Исследование, проведенное юридическим факультетом Китайского народного университета, показало, что в подавляющем большинстве случаев электронные доказательства не были однозначно признаны судом допустимыми, что составило 92,8%; лишь небольшое количество было однозначно признано допустимым, что составило всего 7,2% [0, с. 110]. Чтобы решить эту проблему, по мнению А. С. Александрова, деформализация доказывания и переход к самой "цифре", а также технологиям получения, передачи, проверки аутентичности цифровой информации. Вместо юридического стандарта допустимости должен быть стандарт «аутентичности цифровой информации, представляемой суду. Юридические требования к допустимости и достоверности электронных доказательств нуждаются в дальнейшем совершенствовании» [0, с. 138].

Конфликт между быстрым развитием электронных доказательств и отстающим характером закона позволяет определить следующее.

Электронные доказательства постоянно развиваются, причём электронные носители информации варьируются от магнитных лент и жестких дисков до современных облачных хранилищ. Каждая технологическая инновация накладывает требования на обновление и совершенствование закона (например, процедуры доказывания, методы доказывания и т. д.).

Л. В. Головкин, комментируя перечень доказательств в УПК РФ, отметил, что ни один перечень не способен угнаться за развитием жизни, особенно сегодня - в условиях научно-технического прогресса, расцвета информационных технологий, появления виртуальной информации и т. п. [0, с. 445].

В то же время новые разработки в области электронных доказательств будут предъявлять более высокие требования к судьям для их возможного применения и использования. Это определяет, что судьи и сейчас нуждаются в поддержке профессионального и технического персонала, и тем более будут активно в этом нуждаться и в последующем.

Проблема правонарушений, возникающая в связи с электронными доказательствами, позволяет определить следующее.

В большинстве случаев электронные доказательства возникают из данных, которые генерируются отдельными лицами в ходе их деятельности в Интернете. Когда следователь получает электронные доказательства, все данные должны быть систематически проанализированы, что может привести к нарушению личной жизни граждан. Операторам онлайн-платформ также сложно оказать помощь судебным органам из-за риска утечки электронных данных и негативного влияния на репутацию платформы. В Китае правила исключения незаконных электронных доказательств еще несовершенны, поэтому если такие доказательства будут получены, то они могут быть признаны незаконными.

Проблема путаницы между электронными и вещественными доказательствами позволяет акцентировать внимание на следующем.

При исследовании уголовных дел выявлено, что при изъятии электронных носителей информации, в 93% случаев они признавались вещественными доказательствами и лишь в 7% – иными документами [0, с. 214]. В китайской судебной практике распечатанные истории чата WeChat, скриншоты и т. д. также часто рассматриваются как письменные доказательства. Это путаница в понятиях и ос-

новых характеристиках электронных и письменных доказательств. Согласно Л. В. Головки, в большинстве случаев судебной практике удается адаптироваться к новым реалиям, вкладывая новые смыслы в традиционные понятия, например, когда вещественными доказательствами стали признаваться не только ножи и пистолеты, но и разного рода носители, на которые в ходе следственных действий переносится информация из социальных сетей, Интернета и т. п. [0, с. 445].

А.Р. Шарипова подчеркивает, что цифровой информации в судопроизводстве на базе технологических методов обращения с ней отечественный процесс останется на позициях приспособления ее к старым формам, разрыв возможностей формы и содержания будет увеличиваться. Форма окажется все менее способной передавать свойства содержания [0, с. 85].

Одной из важных причин трансформации электронных доказательств в письменные являются традиционные взгляды о том, что электронные доказательства - это то, что люди не могут физически ощутить, и людям не ясен механизм их действия, поэтому считается само собой разумеющимся, что электронные доказательства можно легко сфальсифицировать и легко подделать.

Новое развитие электронных доказательств в Китае - доказательства больших данных (Big dataevidence).

На основе электронных доказательств в Китае появились доказательства в виде больших данных, которые вызвали интенсивные споры среди китайских учёных. На данный момент нет единого определения понятия "доказательства больших данных".

По мнению профессора Юань И, свойства доказательств больших данных таковы: во-первых, общий объем необработанных данных в качестве доказательств настолько огромен, что не может быть прочитан человеком в допустимых пределах; во-вторых, набор необработанных данных преобразуется в отчет больших данных с ограниченным объемом информации посредством анализа больших данных, прежде чем он может быть воспринят лицом, устанавливающим факт. Доказательства больших данных не являются неделимым однородным целым; они состоят из двух частей - набора больших данных и отчета об алгоритмическом анализе набора больших данных [0, с. 146].

О классификации доказательств больших данных, некоторые учёные считают, что доказательства больших данных относятся к электронным доказательствам. Однако между доказательствами больших данных и электронными доказательствами все ещё существуют различия. Хотя оба они полагаются на развитие информационных технологий, но на стадии развития, электронные доказательства являются начальной формой доказательств больших данных, доказательства больших данных были отделены от электронных доказательств и развивались независимо.

С точки зрения относимости и достоверности доказательств, по сравнению с электронными доказательствами, доказательства больших данных менее относимы к фактам дела. Доказательства больших данных содержат огромные объемы информации и сложны для чтения, что требует многократной очистки и анализа для преобразования информации в понятные людям доказательства больших данных. Что касается методов проверки, то проверка достоверности электронных доказательств является более простой, в то время как проверка доказательств больших данных опирается на техническую сложность и требует проверки с помощью сложных алгоритмов.

В судебной практике, представляя доказательства, судьи могут напрямую выбрать электронные доказательства, связанные с фактами дела. Представленная информация отделена от оригинальных данных. В процессе представления доказательств больших данных вся платформа постоянно обновляется и изменяется, поэтому доказательства больших данных могут быть изменены в любое время, а изменения в информации больших данных нестабильны. Поэтому, чтобы обеспечить достоверность доказательств больших данных, доказательства больших данных и платформа больших данных должны быть представлены одновременно.

В уголовной сфере, в связи с ограничениями в форме и достоверности доказательств, большинство доказательств больших данных все еще используются только как следственный инструмент для исследования и оценки криминальных улик, без формирования правил для судебного рассмотрения и применения. Китайские учёные определяют необходимость, чтобы доказательства больших данных стали самостоятельными доказательствами. Профессор Лю Пинсинь предложил, что в практике, хотя во многих делах в Китае большие данные не фигурируют в качестве доказательств, но всё же, умело играют свою роль в доказывании, что во многом подчиняется традиционным взглядам, но также отражает наличие потребностей в судебном доказывании [0, с. 24]. Поэтому следует как можно скорее улучшить правила, связанные с доказательствами больших данных. Необходимо срочно создать систему пересмотра доказательств больших данных и способствовать повышению качества и эффек-

тивности судебного процесса путём разумного пересмотра доказательств больших данных [19]. Таким образом, видно, что независимость доказательств больших данных в Китае тесно связана с улучшением и совершенствованием правил рассмотрения, оценки и применения доказательств больших данных.

В России, аналогичным образом, начинает уделяться внимание роли больших данных в предотвращении и раскрытии преступлений. Однако, могут ли доказательства в виде больших данных быть независимыми от электронных доказательств — это вопрос, на который еще предстоит ответить.

Таким образом, российское и китайское законодательство по вопросам, связанным с электронными доказательствами, постоянно совершенствуется в соответствии с развитием науки и техники. Учёные из России и Китая провели полезные дискуссии по вопросам, возникающим при практическом применении электронных доказательств. В будущем Китай и Россия должны укреплять порядок обмена опытом и изучать полезный опыт друг друга.

Литература

1. Александров А. С. Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-teorii-ugolovno-protsessualnogo-dokazyvaniya-kotorye-nado-reshat-v-svyazi-s-perehodom-v-epohu-tsifrovyyh-tehnologiy> (дата обращения: 18 мая 2023).
2. Балашова А. А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... канд. юрид. наук. Москв, 2020. 216 с.
3. Баранов А. М. Электронные доказательства: иллюзия уголовного процесса XXI в. // Уголовная юстиция. 2019. № 13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-dokazatelstva-illyuziya-ugolovnogo-protsesssa-xxi-v> (дата обращения: 18 мая 2023).
4. Воронин М. И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // LexRussica. 2019. № 7 (152). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-dokazatelstva-v-upk-byt-ili-ne-byt> (дата обращения: 18 мая 2023).
5. Головки Л. В. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. Москва: Статут, 2016. С. 444.
6. Головки Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-v-ugolovnom-protsesse-lokalnaya-optimizatsiya-ili-globalnaya-revolutsiya> (дата обращения: 18 мая 2023).
7. Григорьев В. Н., Максимов О. А. Некоторые вопросы использования электронных носителей информации при расследовании уголовных дел // Полицейская деятельность. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-ispolzovaniya-elektronnyh-nositeley-informatsii-pri-rassledovanii-ugolovnyh-del> (дата обращения: 18 мая 2023).
8. Зуев С. В. Электронные доказательства, используемые в уголовном процессе // Международная Ассоциация Содействия Правосудию: сайт. URL: <https://www.iaaj.net/node/2666> (дата обращения: 21 мая 2023).
9. Лю Пинсинь. О доказательствах на основе больших данных // Global Law Review. 2019. 41(01):21–34.
10. Лю Пинсинь. От верификации к вероятности: объективная приемлемость цифровых доказательств // Global Law Review. 2017. 39(04):109–127.
11. Марфицин П. Г. Некоторые подходы к формулированию понятия «Электронное доказательство» в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-podhody-k-formulirovaniyu-ponyatiya-elektronnoe-dokazatelstvo-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 18 мая 2023).
12. Оконенко Р. И. Электронные доказательства как новое направление совершенствования российского уголовно-процессуального права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-dokazatelstva-kak-novoe-napravlenie-sovershenstvovaniya-rossiyskogo-ugolovno-protsessualnogo-prava> (дата обращения: 18 мая 2023).
13. Пастухов П. С. "Электронные доказательства" в нормативной системе уголовно-процессуальных доказательств // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnye-dokazatelstva-v-normativnoy-sisteme-ugolovno-protsessualnyh-dokazatelstv> (дата обращения: 21 мая 2023).
14. Шарипова А. Р. Новые источники уголовно-процессуальных и иных судебных доказательств в цифровой реальности // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-istochniki-ugolovno-protsessualnyh-i-inyh-sudebnyh-dokazatelstv-v-tsifrovoy-realnosti> (дата обращения: 18 мая 2023).
15. Юань И. Свойства бинарных вещественных доказательств и критерии объективной проверки доказательств больших данных // Journal of Shanxi University (Philosophy and Social Science Edition), 2021, 44(05):143–152. doi:10.13451/j.cnki.shanxi.univ(phil.soc.).2021.05.017.
16. Яковлева К. Ю. Соотношение электронной информации с некоторыми видами доказательств в уголовном процессе // Теория и практика общественного развития. 2023. № 2 (180). URL: <https://cyberleninka.ru/article/>

n/sootnoshenie-elektronnoy-informatsii-s-nekotorymi-vidami-dokazatelstv-v-ugolovnom-protsesse (дата обращения: 18 мая 2023).

17. Положение о рассмотрении дел о киберпреступлениях народной прокуратурой. URL: https://www.spp.gov.cn/spp/xwfbh/wsfbh/202101/t20210125_507446.shtml (дата обращения: 21 мая 2023).

18. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 18 декабря 2001г. № 174-ФЗ (с изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

19. Создание системы проверки доказательств больших данных для уголовно-процессуального судопроизводства. URL: <https://www.chinacourt.org/article/detail/2022/09/id/6913976.shtml>(дата обращения: 21 мая 2023).

УДК 347.9 (510)

Правила онлайн-судебного разбирательства в Народном суде КНР© **В. В. Захаренкова**

ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург
zakharenkovavera@mail.ru

Данная статья затрагивает правила проведения онлайн-судебного разбирательства в КНР. Автор обратился к Правилам онлайн-судебного разбирательства в Народном суде КНР, опубликованным на сайте Верховного Народного суда КНР. Предложен аутентичный перевод некоторых положений Правил для более четкого понимания современной процедуры онлайн-судебного разбирательства в КНР.

Ключевые слова: уголовный процесс в КНР, судопроизводство в КНР, онлайн-судебное разбирательство в КНР, судебное разбирательство в режиме онлайн в КНР, цифровизация судопроизводства.

Rules for Online Trial in the People's Court of the People's Republic of China© **V. V. Zakharenkova**

assistant at the department of criminal procedure and criminology,
St. Petersburg State University
Russia, St. Petersburg
zakharenkovavera@mail.ru

This article concerns the rules of conducting online court proceedings in the PRC. The author turned to the Rules of Online Litigation in the People's Court of the People's Republic of China, published on the website of the Supreme People's Court of the People's Republic of China. An authentic translation of some provisions of the Rules is proposed for a clearer understanding of the modern procedure of online court proceedings in the PRC.

Key words: criminal proceedings in China, legal proceedings in China, online court proceedings in China, digitalization of legal proceedings.

Верховный Народный Суд КНР 18 мая 2021 года опубликовал Правила онлайн-судебного разбирательства в Народном суде КНР, которые вступили в силу 01 августа 2021 года. Данные Правила соотносятся с уголовным, гражданским производствами и производством по административным спорам. Правила опубликованы на сайте Верховного Народного суда КНР [1].

Для осуществления Правил была создана электронная судебная платформа, на которой субъекты судебного разбирательства должны пройти регистрацию для получения специальной учетной записи и дальнейшего входа на эту платформу. Платформа является единой для всех народных судов, в том числе и для Верховного народного суда [2].

Данные Правила являются нормативным актом и руководством к действию для Народных судов, потому что как нам известно, в КНР такие акты как Разъяснения Верховного Народного Суда и Верховной Народной Прокуратуры приравниваются к законам.

До принятия данных Правил в Китае уже существовал и функционировал полностью “электронный” суд. Так, в августе 2017 года официально был создан Интернет-суд в городе Ханьчжоу [3], который рассматривает дела исключительно посредством сети Интернет и к компетенции которого относятся споры об интеллектуальной собственности в Интернете. Подобное нововведение стало качественно новым этапом в цифровизации процесса судопроизводства [4, с. 15]. И уже к концу 2019 года китайские онлайн-суды рассмотрели около трёх миллионов судебных дел, среди которых наиболее популярными стали торговые споры, дела в области авторского права и электронной коммерции [5].

Онлайн-судебное разбирательство имеет такую же юридическую силу, что и разбирательство в обычном порядке.

Помимо общих принципов, установленных законодательством Китая для судебного производства, Народным судам также надлежит принимать во внимание следующие моменты при проведении судебных разбирательств в режиме онлайн:

- судебные онлайн процедуры должны строго соответствовать закону;
- должны быть усилены технические гарантии доступа к судебной платформе;

- должны совершенствоваться механизмы, повышающие эффективность судебной системы;
- должна осуществляться защита государственной, коммерческой, личной и иных видов тайн;
- народный суд не может принуждать к онлайн-судебному разбирательству или скрывать от сторон и других участников процесса такую возможность;
- судебная платформа должна обеспечить удобство доступа, оптимизацию судебных услуг, сокращение судебных издержек, повышение эффективности разрешения споров (в частности, относительно таких групп населения как несовершеннолетние, пожилые и инвалиды).

В Правилах подробно указаны виды производств, которые могут быть рассмотрены в онлайн формате, среди них:

- гражданские и административные дела;
- уголовные дела, рассматриваемые в ускоренном порядке, дела о смягчении наказания, дела об условно-досрочном освобождении;
- специальные процедуры гражданского производства (в качестве примера можно привести банкротство);
- и иные виды, перечисленные в ст. 3 соответствующих Правил.

В случае, если одна из сторон согласна с применением онлайн-судебного разбирательства, а другая сторона не согласна, то соответствующий судебный процесс может быть проведен в режиме онлайн для той стороны, которая выразила свое согласие и в обычном порядке для стороны, которая не согласна.

Также в Правилах есть уточнение, согласно которому если сторона добровольно соглашается или выбирает проведение онлайн-судебного разбирательства относительно некоторых процедур судебного процесса, то это не означает, что подобное желание суд должен положительно трактовать относительно других процедур судебного процесса (ст. 4 Правил).

Однако, если одна из сторон в ходе судебного разбирательства требует судопроизводства в обычном режиме для той стороны, которая выбрала онлайн формат, то на усмотрение суда производство может полностью быть перенесено в офлайн. Причинами этого могут быть: трудное и запутанное дело, необходимость провести перекрестный допрос в режиме офлайн, необходимость, связанная с предоставлением доказательств и иные причины, которые установлены Правилами (ст. 5 Правил).

Если сторона предоставила жалобу и другие материалы, которые соответствуют требованиям в онлайн режиме, то бумажные копии уже предоставлять не нужно (ст. 9 Правил).

Кроме жалобы предоставлять в онлайн режиме можно также и доказательства, путем их сканирования, копирования, расшифровки. В ситуации, когда стороне затруднительно предоставить электронные материалы самостоятельно, Народный суд может помочь стороне в электронной обработке таких материалов и импорте их на платформу для дальнейшего судебного разбирательства (ст. 11 Правил).

Помимо вышесказанного у Народного суда всегда остается право требовать от сторон предоставления документов и предметов в оригинале. В Правилах также перечислены конкретные обстоятельства, которые способствуют такому решению. В Правилах также подробно расписан момент хранения и проверки на подлинность электронных данных и момент предъявления таких данных сторонами друг другу.

Что касается Народной прокуратуры, то здесь необходимо сказать, что если онлайн-судебное разбирательство применимо к делам, в которых участвует Народная прокуратура, то обязательным является получение ее согласия.

Правилами также предусмотрена ответственность за разглашение информации при осуществлении онлайн-судебного разбирательства и нарушение порядка применения данных Правил.

Литература

1. Правила онлайн-судебного разбирательства в Народном суде КНР. URL: <http://gongbao.court.gov.cn/Details/ac5f36e345967c22e0a2ac4fbeb0a6.html> (дата обращения: 13 апр. 2023).
2. 46 основных сайтов для изучения правовой и судебной системы Китая. URL: <https://ssfw.court.gov.cn/ssfww/> (дата обращения: 13 апр. 2023).
3. 46 основных сайтов для изучения правовой и судебной системы Китая. URL: <https://evidence.netcourt.gov.cn/#/page> (дата обращения: 13 апр. 2023).
4. Степанов О. А., Печегин Д. А., Дьяконова М. О. К вопросу о цифровизации судебной деятельности // Право. Журнал высшей школы экономики. 2021. № 5. С. 15. URL: [https://www.hse.ru/data/2022/06/30/1765556892/1Право%202021-5%20\(1\).pdf?ysclid=lgfbojxipl309372262](https://www.hse.ru/data/2022/06/30/1765556892/1Право%202021-5%20(1).pdf?ysclid=lgfbojxipl309372262) (дата обращения: 13 апр. 2023).
5. В погоне за цифровым правосудием. Опыт России и мира. Эксперты сервиса Synerdocs. 02.03.2020. URL: <https://www.klerk.ru/blogs/directum/496336/> (дата обращения: 13 апр. 2023).

УДК 343.132(470+510)

**Сравнительный анализ методики проведения осмотра места происшествия
в Российской Федерации и Китайской Народной Республике**

© Ю. С. Лаптева
студентка 3-го курса,
Саратовская государственная юридическая академия
Россия, г. Саратов
yulia.lariery@mail.ru

© Д. Р. Ибрагимова
студентка 3-го курса,
Саратовская государственная юридическая академия
Россия, г. Саратов
yulia.lariery@mail.ru

В статье рассматриваются нормативные правовые акты в Китайской Народной Республике и Российской Федерации, а также рассмотрена методика проведения осмотра места происшествия в сравниваемых государствах. Сделаны выводы о возможном заимствовании правовых норм в сравниваемых государствах. Приведены примеры ключевых различий в проведении осмотра. Целью работы является изучение нормативных актов, сравнение подхода к пониманию и развитию криминалистической техники. В работе применены также общенаучные и специальные методы исследования (аналогия, анализ, синтез, сравнительно-правовой).

Ключевые слова: криминалистика, сравнительное правоведение России и Китая, осмотр места происшествия, следователь, следственное действие.

**Comparative analysis of the methodology for conducting an inspection of the scene of an incident
in the Russian Federation and the People's Republic of China**

© Yu. S. Lapteva,
3rd year student
Saratov State Law Academy
Russia, Saratov
yulia.lariery@mail.ru

© D. R. Ibragimova
3rd year student
Saratov State Law Academy
Russia, Saratov
yulia.lariery@mail.ru

The article examines the regulatory legal acts in the People's Republic of China and the Russian Federation, and also considers the methodology for conducting an inspection of the scene of the incident in the compared states. Conclusions are drawn about the possible borrowing of legal norms in the compared states. Examples of key differences in the inspection are given. The purpose of the work is to study regulations, compare the approach to understanding and development of forensic technology. The work also uses general scientific and special research methods (analogy, analysis, synthesis, comparative law).

Key words: criminalistics, comparative jurisprudence of Russia and China, inspection of the scene, investigator, investigative action.

Провозглашенная в 1949 году Китайская Народная Республика опиралась на поддержку специалистов Советского союза, включая область юриспруденции, в том числе и криминалистику. Однако, из-за изменений государственно-правовых отношений почти полностью прервались и научные связи между советскими и китайскими криминалистами [6, с. 141–150].

За прошедшие годы в КНР получили заметное развитие криминалистическая техника и экспертно-криминалистическая практика. Их достижения настолько успешны, что представляют интерес и

для российского криминалистического обеспечения борьбы с преступностью. В то же время, положения криминалистической тактики и использование методик расследования преступлений не получили должного развития, а также по оценкам специалистов-криминалистов их уровень не изменился с середины двадцатого века. В настоящее время происходит обратный процесс, в связи с чем стоит разобраться: как далеко разошлись криминалистические теории данных стран.

Осмотр места происшествия — неотложное следственное действие, заключающееся в непосредственном восприятии и исследовании следственной группой признаков различных объектов в целях обнаружения, исследования, фиксации следов преступления, приобщения к материалам дела данных, указывающих на значимые для него обстоятельства [9, с. 435–454]. Но этот же термин в Китае [4] интерпретируется как вид следственной деятельности с использованием научно-технических средств для осмотра мест, предметов, лиц, трупов и т.д., связанных с преступлениями. Именно о сравнительной характеристике данного следственного действия в криминалистической теории Российской Федерации и КНР и пойдет речь.

Начнем с того, что на месте совершения преступления всегда остаются следы содеянного. К ним могут относиться: орудия преступления и следы транспортных средств, отпечатков ног, рук, оставленных на разных вещах и поверхностях (например, стекло, поверхность диска). Обнаруженные и зафиксированные следы при осмотре дают обширную информацию, которая используется для построения следственных версий и производства различных видов экспертиз.

УПК КНР посвящает главу осмотру, как следственному действию, она носит название: «勘验、检查» («Следствие и проверка») [3, ст. 101–108]. В ней говорится о том, что дознание и осмотр мест, предметов и т.п. производятся следователем органов общественной безопасности с привлечением лиц, обладающих специальными знаниями. При этом, до прибытия уполномоченного следователя, любое подразделение органов общественной безопасности обязано взять под охрану место преступления. Для выездных проверок необходимо наличие документов, подтверждающих определенные действия, два свидетеля, которые являются беспристрастными гражданами по отношению к делу. Непосредственно, термин «свидетель» аналогичен российскому термину «понятой» или «очевидец» в зависимости от перевода [3, ст. 106].

Общие процессуальные тенденции нормативной базы России и Китая отражают политические курсы и приоритеты данных стран. Например, УПК РФ [2, ст. 176–177, 180] сосредотачивается на особенностях отсчета времени производства осмотра, правилах изъятия вещественных доказательств и соблюдении при производстве следственных действий прав граждан. В «Правилах проведения выездного расследования» [4, ст. 5] также идет речь о методике действий, но встречаются экстраординарные статьи об осмотре, не имеющие аналогов в российском законодательстве за счет своей идеологической направленности [4, ст. 37]: «при осмотре места крамольного дела должны использоваться методы для устранения лозунгов, листовок, плакатов и т.п., носящих реакционный характер, а место после сбора доказательств своевременно очищено». Подобное для России является пережитком прошлого.

Разница выделения стадий процесса осмотра места происшествий образует базис сравниваемой в данном случае системы. То есть, осмотр места происшествия в Российской Федерации – это трёх-этапный поступательный процесс, состоящий из: подготовительного этапа, рабочего этапа, включающего общую и деятельную стадию, и заключительного этапа. Китайские криминалисты, напротив, выделяют комплексные мероприятия, являющиеся разновидностями деятельности по осмотру: полевое обследование, исследовательский визит и заключительный этап.

Следует разобраться подробнее в данных этапах осмотра. Полевое исследование заключается в проведении осмотра по пути следования преступников на месте происшествия и из него. Как правило, этот этап совмещает статическое и динамическое исследование местности. Статическое расследование проходит как наблюдение за всеми изменениями, вызванными вследствие преступления на месте происшествия, без вмешательства в обстановку, как правило оно сопряжено с фото-фиксацией обстановки на месте происшествия. Динамическое расследование, наоборот, заключается в осмотре, связанных с инцидентом предметов, их детальным исследованием и перемещением, при необходимости, например, для изучения места положения трупа. Ознакомительный визит проводится одновременно с расследованием на месте, в него включается посещение потерпевшего, свидетелей и сотрудников охраны на месте для ознакомления. Материалы, полученные в результате следственных выездов и осмотров на месте, объединяются для подтверждения и дополнения друг друга. Следует отметить статью китайского законодательства [4, ст. 87], уточняющую, что после завершения обследо-

дования и инспекции, сотрудники органов общественной безопасности Китая обязаны очистить объект, а все расходные материалы вывезти для утилизации.

Осмотр места происшествия в Российской Федерации [2, ст. 177] начинается с подготовительного этапа, то есть, до выезда на место происшествия. Сюда включается:

- 1) получение всей первичной информации от дежурного следователя;
- 2) организация охраны места и следов;
- 3) определение необходимости привлечения специалистов и т.д.

Рабочий общий этап состоит из:

- 1) изучения местности, ее особенностей;
- 2) фото-фиксации (все действия совершаются от центра к периферии или от периферии к центру, что является еще одним сходством тактик).

Детальный осмотр заключается в поиске следов преступления и объектов, связанных с ним, при помощи динамического метода. В ходе данного вида осмотра производится изъятие и предварительное исследование следов. Заключительный этап [2, ст. 180] идентичен в российской и китайской практике. Это фиксация хода и результатов осмотра в протоколе с последующим сопоставлением данных для составления полной картины происшествия с изъятием доказательств с места происшествия.

На основании приведенных тезисов, можно говорить о том, что законодательство Российской Федерации и Китайской Народной Республики достаточно схожи ввиду своей правовой базы. Самые яркие их различия проявляются в терминологии и отдельных процессуальных оговорках. Также хотелось бы обратить внимание на важность заимствования нормативных положений для развития криминалистической практики и теории обеих стран. В первую очередь, речь идет о детализации статей, посвященных проведению осмотра места происшествия отдельных категорий преступлений - как это сделано в китайском уголовно-процессуальном законодательстве. Это имеет большую значимость вследствие того, что в УПК РФ освещаются, в большей степени, лишь общие моменты, которые при возникновении специфических ситуаций становятся пробелами законодательства. Тем не менее, в китайской практике детализирована сущность политико-идеологического преступления, что при полном заимствовании противоречило бы российскому законодательству, в первую очередь Конституции РФ, так как Конституция РФ гарантирует всем свободу слова и вероисповедания [1, ст. 13, 28, 29], а соответственно, положение является устаревшим для российского права и востребованным для изменения в китайском праве, настолько, насколько это позволяют государственно-правовая система, культурная идентичность и правосознание.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: основной закон [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с пос. изм. и доп.)]. URL: Официальный сайт справочно-правовой системы «Консультант плюс» - Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (дата обращения: 11. янв. 2023).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 18 декабря 2001г. № 174-ФЗ (с изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
3. Уголовно-процессуальный кодекс КНР. URL: <https://asia-business.ru/law/law1/criminal/procedurallaw2/> (дата обращения: 15 март. 2023).
4. Закон КНР «Правила проведения выездного расследования и проверки уголовных дел на месте». URL:http://gat.jl.gov.cn/zwgk/zcfg/xszc/201205/t20120530_1214693.html (дата обращения: 16 март. 2023)
5. Агафонов В. В. Криминалистика: краткий курс лекций / В. В. Агафонов, А. Г. Филиппов. 7-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2015. 184 с.
6. Балашов Д. Н. Криминалистика: учебник / Д. Н. Балашов, Н. М. Балашов, С. В. Маликов. 3-е изд., доп. и перераб. Москва: ИНФРА-М, 2021. 448 с.
7. Возгрин И. А. Введение в криминалистику: история, основы теории, библиография: учебник / И. А. Возгрин. Санкт-Петербург: «Юридический центр Пресс», 2003. 475 с.
8. Савельева М. В. Следственные действия: учебник для магистров / М.В. Савельева, А.Б. Смушкин. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2015. 293 с.
9. Яблоков Н. П. Криминалистика: учебник / под ред. Н. П. Яблокова, И. В. Александрова. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: ИНФРА-М, 2023. 752 с.
10. Исследование места преступления. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E7%8E%B0%E5%9C%BA%E5%8B%98%E6%9F%A5/5851384> (дата обращения: 16 март. 2023).

УДК 343.16 (470+510)

Особенности прокурорского надзора в России и Китае

© **К. С. Латыпова**

канд. юр. наук, доцент кафедры
уголовного права, уголовного процесса и криминалистики,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
krista.100@mail.ru

© **Ю. А. Алексеенко**

магистрант 2-го года обучения,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
yuralex963@mail.ru

В статье рассмотрены актуальные вопросы, связанные с особенностью осуществления прокурорского надзора в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. В представленном сравнительном анализе было изучено законодательство двух государств, регламентирующих вопросы становления и развития норм, регламентирующих надзорную систему этих стран. Как положительный момент, следует отметить, что в статье были исследованы вопросы, посвященные истории зарождения и развития органов прокуратуры, а также сформулированы выводы и предложения.

Ключевые слова: прокурорский надзор, прокуратура, Российская Федерация, Китайская Народная Республика.

Features of prosecutorial supervision in Russia and China

© **K. S. Latypova**

Ph.D. legal Sciences, Associate Professor of the Department
criminal law, criminal procedure and criminology,
Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
krista.100@mail.ru

© **Yu.A. Alekseenko**

Master's student 2nd year of study,
Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
yuralex963@mail.ru

The article deals with topical issues related to the peculiarities of the implementation of prosecutorial supervision in the Russian Federation and the People's Republic of China. In the presented comparative analysis, the legislation of the two states regulating the issues of the formation and development of the norms regulating the supervisory system of these countries was studied. On a positive note, it should be noted that the article explored issues related to the history of the origin and development of the prosecutor's office, as well as formulated conclusions and suggestions.

Key words: prosecutor's supervision, prosecutor's office, Russian Federation, People's Republic of China.

На сегодняшний день большая часть государств выделяют в качестве приоритетной задачи быстрое и своевременное выявление прокурором нарушений закона, а также реагирование на них с целью восстановления нарушенных прав.

Таким образом, Генеральный прокурор Российской Федерации определяет возможность эффективности работы органов прокуратуры, в частности осуществляющих прокурорский надзор за законностью, учитывая реальное устранение нарушений закона, а также возможность восстановить нарушенное право, как граждан, так и организаций. Что является очень важным моментом в функционировании органов прокуратуры [1, с. 238]. Необходимо учитывать, что оценивать их воз-

можно исходя из имеющих особенностей того или иного вида надзора. Безусловно, имеют место быть такие отрасли прокурорского надзора, в которых имеются более четкие признаки и характеристики, дающие возможность оценивать эффективность проделанной работы органами прокуратуры в той или иной сфере.

Постараемся в контексте данной статьи остановиться на анализе особенностей прокурорского надзора в Китайской Народной Республике в сравнении с Российской Федерацией. Это два государства, которые имеют как огромную территорию и население, так и богатейшую историю развития органов прокуратуры. В рассматриваемых государствах в качестве основной функции органов прокуратуры можно определить надзор за законностью. Остановимся на сравнительно-правовом анализе особенностей прокурорского надзора в этих странах, имеющих очень много схожих черт.

Прокурорский надзор в Китае имеет давнюю и многогранную историю, так как она зародилась в 220 г. н.э., в этот период появился такой орган, как Цензор – который был создан при императоре династии Хань [2, с. 205]. В свою очередь, цензоры были наделены функцией по осуществлению надзора за соблюдением законов императора всеми чиновниками, в их права входил также контроль «земель и домов местных могущественных семей», но данный надзор распространялся только на дома территориально входившие в столицу.

Необходимо отметить, что в один из периодов истории Китая можно увидеть временной отрезок, в котором прослеживается территориальное расширение полномочий надзорных органов (1368—1644 гг. — при династии Мин). В этот период были учреждены две новые должности вместо старого Цензора: Duchayuan, у которого основными полномочиями было осуществление надзора за соблюдением законов именно в столице, и появляется новая должность Цензор Yushuxu'an, к которому перешли все полномочия по надзору за соблюдением законов в провинции [2, с. 204].

Органы прокуратуры в России были образованы в 1722 г. Это был очень сильный и централизованный орган, в полномочия которого входили функции, определяемые государством. Работники органов прокуратуры имели значимость и мощь среди других органов государственной власти. Идея Петра I заключалась в том, что генерал-прокурор должен был представлять интересы императора, государства и всех граждан [4, с. 87].

На сегодняшний день в Китае существуют Верховная народная прокуратура, местные народные прокуратуры, военные прокуратуры и иные специальные народные органы, которые осуществляют надзор за соблюдением законности на территории государства, их в отличие от устройства органов прокуратуры в Российской Федерации относят к четвертой ветви власти в Китае.

Так, например, ст. 134 Конституции КНР законодательно закрепляет основную функцию органов прокуратуры, о которой мы говорили выше, осуществление прокурорского надзора за законностью на территории Китая [3].

Народная прокуратура Китайской Народной Республики является органом, осуществляющим основную функцию государства, связанную с соблюдением закона на территории страны, иными словами прокурорского надзора за законностью.

В Российской Федерации органы прокуратуры законодательно не относятся к органам федеральной государственной власти. Таким образом, ссылаясь на ч. 1 ст. 11 Конституции РФ, государственную власть в Российской Федерации реализуют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации [7].

В статье 129 Конституции России определено, что прокуратура Российской Федерации — единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации, исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции.

Таким образом, основные функции органов прокуратуры, рассмотренные выше, ее структура, полномочия закреплены в Федеральном законе «О Прокуратуре», действующем на территории Российской Федерации [5]. В рассматриваемом федеральном законе закреплены также особенности организации органов прокуратуры и виды прокурорских надзоров, осуществляемых прокуратурой от имени государства. Например, надзор за законностью, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина; надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие; надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказания и назначаемые судом меры принудительного

характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу. Помимо этого прокурор участвует в рассмотрении дел судами.

Проводя анализ закона КНР «О государственных прокурорах», необходимо отметить, что в нем изложены основные обязанности и функции государственного прокурора. Он осуществляет контроль за исполнением всех законов; выступает в качестве государственного обвинителя в судах; осуществляет уголовное преследование и расследует уголовные дела; также выполняет и иные функции, которые закреплены в нормах закона [4].

Необходимо отметить, что в главе II Конституции КНР законодательно установлены права граждан КНР, в частности, избирать и быть избранными; право на свободу личности; право на неприкосновенность жилища; на труд и обязанность трудиться; на отдых, материальное обеспечение. Как положительный момент, необходимо отметить, что брак, семья, материнство и младенчество находится под охраной государства [3].

В свою очередь в ст. 2 Конституции РФ необходимо отметить, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются обязанностью именно государства.

На наш взгляд, является правомерным возможность выделения с 1995 г. в Федеральном законе от 17.01.1992г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [5] главы 2 раздела 3 «Надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина». Проводя сравнительный анализ двух государств, необходимо отметить, что представленное законодательство имеет много схожих и общих черт.

Таким образом, сравнительный анализ перечисленных выше аспектов исследуемого вопроса позволяет сделать вывод о том, что основные аспекты, связанные с осуществлением деятельности органов прокуратуры КНР напрямую зависят от законодательного органа. Это прослеживается в возможности выбора прокуроров, именно путем обязательной процедуры избрания законодательными представительными государственными органами Китая на любом уровне власти, что является основополагающей функцией этих органов и свидетельствует о приоритетном значении закона в данной стране. Необходимо отметить, что Прокуратуры РФ и КНР в качестве основной функции по надзору, выделяют общий контроль за законностью на территории этих государств.

Тем не менее, подводя итог вышесказанному, необходимо заметить, что законы Российской Федерации более подробно и четко регулируют указанный вопрос. Тем не менее, на фоне более либеральных норм законодательства о прокурорском надзоре в Российской Федерации, в целом законы в Китае дают возможность более эффективно осуществлять надзор за органами государственной власти.

Полагаем, что причиной тому являются не только различия в законодательстве, но и в значительной степени ненадлежащее исполнение своих надзорных функций органами прокуратуры РФ по отношению к перечисленным структурам, что вызывает подобные ситуации [6, с. 150].

Литература

1. Коломоец И. И. Совершенствование организации прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного следствия // Организация прокурорского надзора. Проблемы в российском законодательстве. № 5. 2018. С. 237–239.
2. Корешникова Н. Р. Правовые статусы прокуратур Российской Федерации и Китайской Народной Республики (сравнительно-правовой анализ) // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 2. № 16. С. 204.
3. Конституция КНР (в редакции 2022 г.) Ст. 134. URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2023_russian/ (дата обращения: 15 март. 2023).
4. Отческая Т.И. Прокуратура на защите прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации и Китайской Народной Республике // Юридическая наука без границ. 2021. № 4. С. 87–82.
4. Закон КНР «О государственных прокурорах». URL: http://russian.china.org.cn/links/txt/2007-09/25/content_8946155.htm. (дата обращения: 15 март. 2023).
5. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон [от 17 января 1992г. № 2202-1 (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.
6. Чукреев П. А., Саргаев А. В. Различия надзорного законодательства в Российской Федерации и Китайской Народной Республики и их влияние на особенности поведения граждан КНР в России // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 6А. С. 148–151.
7. Конституция Российской Федерации: основной закон [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с посл. изм. и доп.)] // Официальный сайт справочно-правовой системы «Консультант плюс» - Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (11 янв. 2023).

УДК 347.918

**Процессуальный порядок обжалования и проверки
судом апелляционной, кассационной инстанций решений,
вынесенных в особом порядке судебного разбирательства в России и Китае**

© А. С. Чич

аспирант кафедры уголовного процесса,
Российский государственный университет правосудия
Россия, г. Москва
asker-chich@mail.ru

В статье изложены основные, наиболее общие особенности пересмотра приговоров, вынесенных в особом порядке, в апелляционной инстанции. Автором рассматриваются общие основания пересмотра приговора в апелляционной инстанции, характеризуются проблемные аспекты применения таких оснований. Также в статье приводится сравнительный анализ судебной практики Китая по исследуемой теме.

Ключевые слова: приговор, вынесенный в особом порядке, особенности апелляционного порядка, проверка законности приговора.

**Procedural procedure for appeal and inspection court of appeal, cassation decisions,
issued in a special judicial procedure in Russia and China**

© A. S. Cheech

postgraduate student of the Department of Criminal Procedure,
Russian State University of Justice
Russia, Moscow
asker-chich@mail.ru

The article outlines the main, most general features of the review of sentences passed in a special order in the appellate instance. The author considers the general grounds for reviewing the sentence in the court of appeal, characterizes the problematic aspects of the application of such grounds. The article also provides a comparative analysis of the judicial practice of China on the topic under study.

Key words: sentence passed in a special order, features of the appeal procedure, verification of the legality of the verdict.

Институт обжалования в уголовном процессуальном законодательстве (равно апелляционном, кассационном и надзорном) представляет из себя процедуру, позволяющую путем пересмотра незаконных решений или же решений, не отвечающих требованиям правосудия (неправосудным решениям) восстановить нарушенные права участников уголовного судопроизводства наиболее оперативным способом, однако, кроме того, характеризует еще и специальную форму судопроизводства в целом.

Следует отметить, что правоохранительная функция занимает четко определенное место в системе функций государства. Согласно мнению А.Ю. Гулягина, это место (а по сути, и прямое определение самой функции) – внутренняя, постоянная, основная, социальная, обеспечивающая национальную безопасность функция государства [7, с. 72]. В числе особенностей реализации правоохранительной функции правовым государством следует перечислить следующие: широта состава осуществляющих функцию субъектов, активное и тесное взаимодействие этих субъектов с институтами гражданского общества, оценка реализации правоохранительной функции обществом [9, с. 13].

Отдельно стоит отметить момент, который выделил К.С. Бельский, заключающийся в том, что правоохранительная функция государства по своей природе происходит от управленческой и судебной функций с отличием от двух в её самостоятельности, однородности и устойчивой повторяемости [6, с. 91].

Реализация правоохранительной функции государства воздействует существенным образом на достижение идеала правового государства – верховенства права. Стоит отметить, что, исследовав судебную практику по вопросам социального обеспечения, можно заметить, что грамотная реализация социальной функции также влияет на достижение этого идеала, в особенности посредством наполне-

ния судебной практики по своим вопросам, что обогащает механизм взаимовлияния правосознания и функций государства. Это же относится к правоохранительной функции, поскольку её исполнение невозможно без активного взаимодействия правоохранительных органов – основного кластера активных субъектов по обеспечению правоохранительной функции и институтов гражданского общества – наиболее ярко выраженного, по мнению автора, явления – носителя общественного правосознания. Следует отметить, что эффективность гражданского общества напрямую зависит от уровня правосознания граждан, высокий уровень которого может позволить гражданскому обществу вырабатывать уже самостоятельные методы и способы правоохраны.

Если говорить об обжаловании в широком смысле, то оно представляет собой волевою деятельность участников процесса, в том числе уголовного.

Обжалование возникает одновременно с появлением государства и права. На первом этапе обжалование было связано с вполне естественным желанием участника процесса (причем не обязательно судебного) путем выражения несогласия с поведением иных участников добиться того, чтобы его личные интересы были удовлетворены. При этом сама процедура обжалования даже на начальной своей стадии заключалась в подаче жалобы в соответствующие институты общества или определенным лицам. Результатом рассмотрения жалобы в самом благоприятном для подателя жалобы случае становилась трансформация общественных отношений до состояния, которое бы устроило «жалобщика» и которое бы одновременно отвечало требованиям принятых в обществе социальных норм.

Таким образом, на первом этапе возникновения рассматриваемого института обжалование фактически совпадало с обыкновением несогласия с конкретными действиями или бездействием других субъектов конкретных общественных отношений (независимо от того были ли они физическими лицами либо государственными органами).

Однако с усложнением структуры общества, права и государства, обжалование приобретает новое наполнение, отталкиваясь от содержания которого уже можно провести четкую грань между данным институтом и иными видами несогласия с отдельными общественными отношениями (их содержанием). При этом обжалование продолжает оставаться универсальным понятием, характерным для всех сторон взаимодействия общества и государства.

Уголовно-процессуальное обжалование в силу своей чрезвычайной значимости, связанной с весьма серьезными неблагоприятными последствиями для участников уголовного процесса, вызванными нарушением их прав, занимает особое место в институте обжалования вообще.

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству обжалование представляет собой самостоятельную стадию уголовного судопроизводства и самостоятельный институт, включающий в себя основания, порядок обращения с соответствующей жалобой, процедуру принятия жалобы к рассмотрению, ее разрешение и вынесение решения по итогам такого рассмотрения.

Обжалование судебных решений, вынесенных в порядке особого производства, может быть определено как совокупность процессуальных норм, регулирующих процедуру подачи жалобы участниками уголовного судопроизводства на приговор, вынесенных в порядке особого производства, а также права и обязанности участников уголовного-процессуального обжалования, результатом которого является защита нарушенных прав и свобод субъектов обжалования.

В соответствии со ст. 126 Конституции Российской Федерации [1] деятельность судов, связанная с осуществлением проверки вышестоящими судами актов нижестоящих судов, связана с необходимостью обеспечить единообразие в понимании, толковании и применении закона на всей территории Российской Федерации, а также с потребностью достижения истины, что является основной целью уголовного процесса. Согласно УПК РФ, пересмотр приговоров, в том числе постановленных в особом порядке судебного разбирательства возможен в четырех формах: апелляционной, кассационной, надзорной, а также пересмотр приговора ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Однако наиболее распространёнными видами пересмотра приговоров, постановленных в особом порядке судебного производства, были и остаются первые три формы.

Упрощение процесса судебного производства в первой инстанции означает также и то, что судопроизводство при пересмотре постановленного приговора также будет носить упрощенный характер, во всяком случае в той части, которая касается пределов пересмотра постановленного приговора. В качестве примера можно привести обычный и упрощенный порядок судебного разбирательства: при обжаловании в апелляционном порядке приговора, постановленного в рамках обычного судопроизводства, суд проверяет обоснованность приговора, при его же постановлении в рамках упрощенного порядка судопроизводства, апелляцией обоснованность приговора не проверяется.

Таким образом, можно выделить следующую специфическую черту пересмотра приговора, постановленного в особом («упрощенном») порядке судебного разбирательства: а именно – сокращение досудебной процедуры и максимальное упрощение процедуры судебной в тех случаях, когда рассматривается дело о преступлении максимальный срок наказания за которое, предусмотренное санкцией соответствующей статьи УК РФ [13], не превышает десяти лет лишения свободы (ч. 1 ст. 314 УПК РФ [2]).

Если говорить о характерных чертах рассмотрения уголовного дела непосредственно на стадии судебного разбирательства, то среди них можно отметить такие: сокращение или вовсе исключение судебного следствия, изменение в составе суда (единоличное рассмотрение дела), допущение возможности прекращения уголовного дела (причем по делам как частного, так и публичного обвинения) и т.п.

В случае, если обвиняемым на досудебной стадии рассмотрения уголовного дела было заявлено ходатайство о рассмотрении дела в судебном заседании в особом порядке, судья обязан проверить добровольность такого согласия, убедиться, что обвиняемый осознает последствия заявления такого ходатайства (в том числе, последующее ограничение его права на обжалование – пределы такого обжалования). Помимо взаимодействия на данной стадии судебного разбирательства с обвиняемым, судья также должен проверить, понимает ли потерпевший к чему приведет удовлетворение ходатайства обвиняемого, последствия для прав самого потерпевшего согласия с таким ходатайством.

Таким образом, для целей защиты интересов и обвиняемого и потерпевшего принципиально важно убедиться в том, что они не только понимают ближайшие последствия постановления приговора в рамках особого порядка (для обвиняемого это ограничение предельных сроков наказания), но также и осознают, что такая форма судебного разбирательства на дальнейших (проверочных) стадиях накладывает определенные ограничения на них процессуальные права.

Ограничений на возможность пересмотра постановленного в особом порядке приговора УПК РФ в части числа проверочных инстанций не содержит, следовательно, можно заключить, что такой приговор, как и любой другой, подлежит обжалованию в порядке апелляции, кассации и надзора, а также может быть пересмотрен в виду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Главной особенностью такого порядка пересмотра постановленного приговора является то, что в апелляционном порядке могут быть пересмотрены только приговоры, не вступившие в законную силу. Законодательно установлены сроки, в течение которых лицо, полагающее, что его права и законные интересы нарушены постановленным приговором, может обратиться в суд вышестоящей инстанции с соответствующей жалобой. При этом основными причинами такого обжалования, в соответствии с законодательством Российской Федерации могут быть несправедливость, незаконность или же необоснованность постановленного приговора. В этом смысле приговор, постановленный в особом порядке судебного разбирательства ничем, не отличается от приговора, который был вынесен в общем порядке. Однако, если внимательно изучить уголовно-процессуальное законодательство, то можно отметить некоторые особенности апелляционного обжалования рассматриваемой категории приговоров.

В частности, основание для обжалования приговоров, постановленных в особом порядке судебного разбирательства (как указано в статье 317 УПК РФ), не может являться не соответствие фактических обстоятельств дела выводам суда, которые были изложены при постановлении приговора.

К примеру, китайский процессуальный опыт показывает следующее. Сравнительно недавно внесенные поправки в уголовное законодательство Китая вносят лишь незначительные изменения в его систему обжалования. Фундаментальной проблемой апелляционного процесса в Китае остается нежелание защитников подавать апелляцию. Это может быть связано не только с общей неудачей апелляций, но, кроме того, с тем фактом, что в отличие от РФ, решение, принятое апелляционной инстанцией Китая, может ухудшить положение подсудимого [11].

Согласно неофициальным данным более 75% апелляций в Китае не приводят к изменению приговора. Из 25% дел, по которым апелляционный суд либо выносил новый приговор, либо возвращал их на новое рассмотрение, существенное, но неопределенное число дел фактически приводило к вынесению более сурового приговора [12].

Апелляция, также как и в уголовном процессе РФ, подается через суд первой инстанции вынесший решение, а кроме того, здесь видно расхождение с порядком подачи апелляционной жалобы в России, непосредственно в апелляционный суд в течение десяти дней со дня, следующего за днем получения решения. Прокурор также может обжаловать приговор. По действующему законодатель-

ству рассмотрение апелляции должно занять от двух до четырех месяцев. Этот процесс может быть более продолжительным с одобрения Верховного народного суда Китая [11].

Безусловно, в УПК КНР существует и кассационный порядок (если понимать под ним судебную инстанцию, принимающую решения по приговорам, вступившим в законную силу). Жалоба в этом случае подается в суд или в прокуратуру на уже вступившие в законную силу приговор или определение, но подача жалобы не приостанавливает исполнение приговора или постановления [11].

Заявление в суд, вынесший приговор или постановление, можно подать в течение двух лет с начала исполнения уголовного наказания. Если ходатайство соответствует определенным условиям, суд должен рассмотреть дело повторно. Если суд отклонит ходатайство, оно может быть подано в вышестоящий суд. Если Верховный народный суд КНР повторно рассмотрит дело или пересмотрит и отклонит дело, дальнейшие ходатайства приниматься не будут [11].

Как указано в статье 389.15 УПК РФ, основаниями для апелляционного обжалования приговора, постановленного в особом порядке, могут служить следующие:

- 1) существенное нарушение уголовно-процессуального закона;
- 2) неправильное применение уголовного закона;
- 3) несправедливость приговора;
- 4) выявление обстоятельств, указанных в ч. 1 и п. 1 ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ.

Если обратиться к научной литературе, то можно отметить, что единства мнений относительно того, в какой степени возможно ограничение оснований для обжалования приговоров, постановленных в особом порядке, нет. Часть ученых (З.З. Зинатуллина, Т.З. Егорова) полагают [8, с. 23], что такое ограничение оснований нарушает требования Конституции РФ в части равных прав граждан перед законом и судом, в противоположности им, Б.А. Ричинов [10, с. 18] указывает, что подобная схема ограничения оснований для пересмотра, напротив, соответствует действующему законодательству, его базовым нормам, в том числе и Конституции РФ, ссылаясь на предусмотренную возможность ограничения некоторых прав.

Если обратиться к легальному толкованию норм соответствующих статей УПК РФ, то следует отметить, что согласно позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в Определении от 20.11.2014 г. № 2698-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Малыгина А. Б. на нарушение его конституционных прав главой 40.1 УПК РФ и статьей 63 УК РФ» [5] непредоставление права обжалования приговора по мотиву несоответствия содержащихся в нём выводов фактическим обстоятельствам не нарушает конституционных прав лиц, осознанно и добровольно согласившихся с предъявленными обвинениями и самолично ходатайствовавших об использовании особого порядка.

Представляется, что подобная ситуация не допустима при той форме уголовного процесса, которая сложилась в Российской Федерации, где он носит состязательный характер, а, следовательно, умаление прав и возможностей участников уголовного судопроизводства (в особенности лиц, привлекаемых к уголовной ответственности) явно противоречит доктринальным требованиям о равенстве участников уголовного судопроизводства в сфере выбора средств и способов защиты, никто не может быть лишен права на справедливое судебное разбирательство и вынесение законного, обоснованного и правосудного приговора. На это же указывает Конституционный Суд РФ, который в постановлении от 25.03.2014 г. N 8-П "По делу о проверке конституционности ряда положений статей 401.3, 401.5, 401.8 и 401.17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.С. Агаева, А.Ш. Бакаяна и других" обращает внимание, что «из принципа юридического равенства применительно к реализации конституционного права на судебную защиту вытекает требование, в силу которого однородные по своей юридической природе отношения должны регулироваться одинаковым образом; соблюдение конституционного принципа равенства, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает, помимо прочего, запрет вводить такие ограничения в правах лиц, принадлежащих к одной категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях); любая дифференциация, приводящая к различиям в правах граждан в той или иной сфере правового регулирования, должна отвечать требованиям Конституции Российской Федерации, допускающим такие различия, если они объективно оправданы, обоснованы и преследуют конституционно значимые цели, для достижения которых используются лишь соразмерные правовые средства [4].

Особый порядок рассмотрения дела предполагает, что в судебном заседании не производится исследования доказательств, при этом, указанный факт не означает что, при обжаловании не могут быть затронуты вопросы, касающиеся доказанности того или иного элемента состава преступления.

Для подтверждения указанного факта достаточно обратиться к частям 5 и 7 статьи 316 УПК РФ. В соответствии с первой из названных частей в этом случае суд проверяет только данные, связанные с отягчающими или смягчающими обстоятельствами, а также с личностью обвиняемого. Часть седьмая названной статьи при этом указывает на обязательность для суда проверить достаточность доказательств и обоснованность вынесения обвинительного приговора.

Суд должен оценить доказательственную базу на предмет достаточности в любом случае. Именно, в этом и состоит одно из проявлений презумпции невиновности: обвинительный приговор не может быть основан только лишь на признании осужденным своей вины.

В качестве еще одного основания для обжалования и отмены приговора может выступать согласие обвиняемого на предварительном следствии не со всеми фактическими обстоятельствами дела, а лишь с частью – например, в случае обвинения по статьям за незаконные хранение и сбыт наркотиков обвиняемый на предварительном следствии может признать, что в его квартире действительно были найдены наркотические препараты, однако использован он их исключительно для собственных нужд и цели сбыта не преследовал. Таким образом, суду недостаточно получить от обвиняемого ходатайство о рассмотрении его дела в особом порядке, необходимо еще тщательно изучить материалы дела, собранные на досудебной стадии, обратив, в частности, внимание на показания обвиняемого, и на их непротиворечивость с показаниями, данными в суде.

Самое распространенное основание для отмены приговора, вынесенного в порядке гл. 40 УПК РФ, – это противоречие ходатайства обвиняемого об особом порядке с его процессуальными действиями, которые не предполагают согласия с обвинением. Согласие с особым порядком означает полное и безоговорочное согласие обвиняемого с обвинением.

То есть признание не только конкретного пункта и статьи УК РФ, но и всех остальных элементов состава преступления, в том числе отягчающих обстоятельств. Любые ходатайства о переквалификации, об исключении элементов состава преступления или отягчающих обстоятельств подразумевают несогласие с обвинением. Даже устное упоминание несогласия в прениях или последнем слове влечет переход в общий порядок.

Как указывает уже поминавшийся ранее Б. А. Ринчинов, в этом случае несогласие только лишь с размером гражданского иска при согласии со всем остальным обвинением также может повлечь переход на общий порядок.

Таким образом, можно резюмировать, что в случае, если выводы суда первой инстанции не соответствуют фактическим обстоятельствам дела, содержащимся в материалах, обращение к институту апелляционного обжалования невозможно. В случае же, если при рассмотрении дела будет существенно нарушен уголовно-процессуальный закон, либо судом будет некорректно применен закон уголовный, апелляционные жалоба/представление будут поданы в общем порядке и подлежат рассмотрению в суде апелляционной инстанции.

В качестве завершающего примера можно привести случай, когда при расследовании уголовного дела обвиняемым вина не признавалась, либо признавалась лишь частично, а приговор был вынесен в особом порядке. В такой ситуации для рассмотрения дела в общем порядке обвиняемому достаточно будет упомянуть об указанном факте в прениях или в последнем слове. И судья должен будет перевести дело в рассмотрение в общем порядке, в противном случае появляется безусловный повод к отмене приговора в апелляционной инстанции.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: основной закон [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с пос. изм. и доп.)] // Официальный сайт справочно-правовой системы «Консультант плюс» - Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (11 янв. 2023).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 18 декабря 2001г. № 174-ФЗ (с изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
3. О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда РФ [от 29 ноября 2016 N 55] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1. январь.
4. По делу о проверке конституционности ряда положений статей 401.3, 401.5, 401.8 и 401.17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.С. Агаева, А.Ш. Бакаяна и дру-

гих: постановление Конституционного Суда РФ [от 25 марта 2014г. N 8-П] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 14. Ст. 1690.

5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Малыгина А.Б. на нарушение его конституционных прав главой 40.1 УПК РФ и статьей 63 УК РФ: определение Конституционного Суда Российской Федерации [от 20 ноября 2014г. № 2698-О] // Документ опубликован не был // Официальный сайт справочно-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения: 16 март. 2023).

6. Бельский К. С. Полицейское право: лекц. Курс / К. С. Бельский. Москва: Дело и сервис, 2004. 814с.

7. Гулягин А.Ю. Место правоохранительной функции в системе иных функций государства // Юридический мир. 2011. № 7. С. 72–74.

8. Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З., Егорова Т. З. Уголовно-процессуальное доказывание: концептуальные основы: монография. Ижевск: Детектив-Информ, 2002. 228 с.

9. Керимов А. Д. К вопросу о формировании в России гражданского общества // Гражданин и право. 2002. № 3. С. 7–13.

10. Ринчинов Б. А. Производство по уголовным делам в суде апелляционной инстанции в период судебно-правовой реформы: дис. ... канд. юр. наук. Москва, 2013. 256 с.

11. Толкование по применению Уголовно-процессуального закона Китайской Народной Республики (2021). URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/a/interpretation-on-the-application-of-the-criminal-procedure-law> (дата обращения: 13 авг. 2023).

12. Уровень оправдательных приговоров в Китае составляет 0, 058% (2018–2023). URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/a/acquittal-rate-stands-at-0-058-in-china-2018-2023> (дата обращения: 13 авг. 2023).

13. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13 июня 1996г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

14. Уголовно-процессуальный закон Китая. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/criminal-procedure-law-of-china-20181026> (дата обращения: 10 апр. 2023).

УДК 347.93

Предпосылка аргументации в судебных документах

© **Чжан И**

магистрант 2-го курса,
Китайский университет политических наук и права
Китай, г. Пекин
helloimzhangyi@foxmail.com

© **Юань И**

профессор,
Китайский университет политических наук и права
Китай, г. Пекин
1129290@sina.com

Предпосылкой аргументации доказательств является разделение сложности и простоты дела, при этом необходимо разделить сложность и простоту дела в зависимости от уровня суда, вида дела и противоречия, чтобы достичь сложности и простоты, а также уточнить, где находится фокус аргументации доказательств.

Ключевые слова: судебные документы по уголовным делам, канцелярская аргументация, доказательственная аргументация, принципы доказательственной аргументации.

Premise of argumentation in court documents

© **Zhang Yi**

2nd year master's student,
China University of Political Science and Law
China, Beijing
helloimzhangyi@foxmail.com

© **Yuan Yi**

Professor,
China University of Political Science and Law
China, Beijing
1129290@sina.com

The premise of reasoning evidence is to separate the complexity and simplicity of the case, and it is necessary to separate the complexity and simplicity of the case depending on the level of the court, the type of case and the contradiction in order to achieve complexity and simplicity, and also to clarify where the focus of the reasoning of the evidence is.

Key words: court documents in criminal cases, clerical argumentation, evidentiary argumentation, principles of evidentiary argumentation.

В китайской судебной практике долгое время значимость и самостоятельная ценность аргументации доказательств не была полностью признана. По мнению автора, доказательная аргументация может продемонстрировать специфику доказательств, отразить процесс формирования мысленных доказательств судьи и отразить подтверждающую основу фактов решения. Акцент на доказательствах не означает, что все судьи должны усилить доказательную аргументацию, простое и сложное - это предпосылки аргументации документов судьи.

В настоящее время, некоторые уголовные судебные инструменты аргументации доказательств в суде не делятся на простые и сложные изначально, это необходимо устанавливать непосредственно в процессе в зависимости от уровня суда, типа дела, спорной ситуации, таких аспектов как сложная и простая сортировка: должно быть определено, что сложное является сложным, а простое является простым.

Во-первых, учитывается уровень суда. Суды разных уровней различаются по своим функциям. Суд первой инстанции определяет правоту и неправоту и прекращает споры; суд второй инстанции

разрешает дела; суд повторного рассмотрения расследует ошибки; Верховный народный суд обеспечивает единообразное и правильное применение закона. Соответственно, акцент на доказательствах в судебных документах по уголовным делам разных уровней должен быть различным, аргументация доказательств, несомненно, является важным содержанием аргументации судебных документов первой инстанции, в то время как судебные документы второй инстанции и повторного разбирательства дела должны избегать ненужных повторений с первоначальными судебными документами в доказательственной части. В данном случае необходимо сосредоточиться на части различий и противоречий с первоначальным процессом, части спора между сторонами и новых доказательствах в ходе процесса во второй инстанции и повторного разбирательства для аргументации по делу.

Во-вторых, имеет значение тип дела. В принципе, сложность дела прямо пропорциональна степени аргументации доказательств, и аргументация сложных дел должна быть усилена, в то время как простые дела могут быть упрощены. Для дел, рассматриваемых в ускоренном или упрощенном порядке, аргументация доказательств может быть упрощена; для дел, рассматриваемых в обычном порядке, аргументация доказательств, как правило, должна быть усилена. Однако степень сложности дела не является абсолютным критерием сложности и простоты, так как появляются новые виды, развиваются отношения с руководством, имеет место наличие более высоких социальных рисков, влияние простых дел – в данном случае необходимо усилить аргументацию; применение обычных процедур для дел, когда вопрос не является спорным или дело относительно простое, может в свою очередь упростить аргументацию, поэтому для достижения простоты в аргументации доказательств необходимы следующие соответствующие шаги, указанные выше.

В-третьих, может присутствовать спорная ситуация. Судебный процесс и написание судебного решения - это две центральные части судебного процесса, судья при вынесении решения должен использовать инструмент аргументации, уделять должное внимание общему единству ситуации с судебным процессом. Судебный процесс является предпосылкой для написания документов, чтобы представить доказательства всем участвующим лицам; значение имеет перекрестный допрос, аутентификация также является важной основой для доказательства аргументации по делу. Доказательства аргументации не должны противоречить суду в осуществлении права на объяснение в суде. Если в судебном процессе разрешены споры о доказательствах, то аргументацию можно упростить, если же нет – то аргументацию в данном случае следует усилить. Что касается документов о судебном разбирательстве по уголовным делам, то основное внимание при аргументации доказательств в основном уделяется: "доказыванию", "перекрестному допросу" и "исследованию и проверке доказательств" судом, применению правил доказывания и судебного разбирательства. В случае исследования документов о вынесении судебного решения по уголовным делам, акцент внимания аргументации должен быть сосредоточен на следующих моментах: на "доказательстве", "допросе" и "исследовании и проверке доказательств" судом, на применении правил доказывания и судебных методах доказательств, на исследовании и оценке доказательств, на принятии доказательств и причинах этого, а также на обосновании "исключения незаконных доказательств".

Литература

1. Расследование и сбор доказательств в судах – Руководство по китайским правилам представления доказательств (I). URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/a/evidence-investigation-and-collection-by-courts> (дата обращения: 15 авг. 2023).
2. Юань И. Проблемы рассмотрения доказательств по новому УПК КНР. URL: <https://aa.al-shell.ru/articles/obstoyatelstva-podlezhaschie-dokazyvaniyu-upk-knr> (дата обращения: 15 авг. 2023).
3. Юань И. Проблемы истины в уголовном процессе КНР // Всероссийский криминологический журнал. 2011. № 4. С. 87–89.

УДК 347.95(517.3)

Сокращенные формы уголовного судопроизводства Монголии

© **Л. П. Чумакова**

кандидат юридических наук, доцент,
директор Новосибирского юридического института
(филиал) Национального исследовательского
Томского государственного университета,
Россия, г. Новосибирск
info@n-i.ru

© **Е. И. Попова**

доктор юридических наук, доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ,
popovaelena03@yandex.ru

© **А. Б. Сандакова**

старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Восточно-Сибирский государственный университет
технологий и управления
Россия, г. Улан-Удэ
sanaryuna@yandex.ru

В статье рассмотрено уголовно-процессуальное законодательство Монголии, предусматривающую возможность сокращенной процедуры расследования. Обозначены условия проведения судебного разбирательства в упрощенном порядке.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный кодекс, Монголия, сокращенная процедура, упрощенный порядок, судебное разбирательство.

Abbreviated forms of criminal proceedings in Mongolia

© **L. P. Chumakova**

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Director of the Novosibirsk Law Institute (branch) of the National Research,
Tomsk State University,
Russia, Novosibirsk
info@n-i.ru

© **E. I. Popova**

Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law,
criminal procedure and criminology
Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude,
popovaelena03@yandex.ru

© **A. B. Sandakova**

Senior Lecturer of The Department Criminal Law Disciplines
East Siberian State University
of Technology and Management
Russia, Ulan-Ude
sanaryuna@yandex.ru

The article considers the criminal procedure legislation of Mongolia, which provides for the possibility of a shortened investigation procedure. Prescribed compliance by the court with the conditions that need to be verified by the court in order to conduct a trial in a simplified manner.

Key words: Code of Criminal Procedure, Mongolia, shortened procedure, simplified procedure, trial.

Во многих других государствах современного мира имеют место сокращенные, упрощенные, а по сути компромиссные нормы, закрепленные в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Так, например, в Соединенных штатах Америки широко распространены так называемые сделки с правосудием (pleabargaining), в Италии упрощенное (сокращенное) судопроизводство (abbreviato), согласие с обвинением в Испании (conformidad) и в Португалии (sumarissimo) в Китайской Народной Республике упрощенная процедура рассмотрения уголовного дела, возможность примирения сторон по делам частного обвинения, а также целый ряд норм Уголовного кодекса Китайской Народной Республики.

В рамках сравнительно-правового анализа, интересным представляется рассмотреть и законодательство Монголии. Уголовно-процессуальный кодекс этой страны содержит главу 17, предусматривающую возможность сокращенной процедуры расследования [1]. Так, обвиняемый в совершении преступления, максимальное наказание в виде лишения свободы за совершение которого не превышает 8 лет, в случае признания вины может ходатайствовать перед прокурором о производстве сокращенного расследования. Прокурор, удостоверившись в добровольности волеизъявления обвиняемого, а также в том, что обвинение обосновано, уполномочен удовлетворить заявленное ходатайство. В этом случае расследование необходимо завершить в течение 14 дней. При этом прокурор вправе отказать в удовлетворении названного ходатайства, если вызывает сомнение, что инициирование обвиняемым сокращенной процедуры расследования является добровольным; если не возможно соблюсти условия статьи 6.7 Уголовного кодекса Монголии о смягчении или освобождении от наказания либо применении принудительных мер к лицу, признавшему вину; если вызывает сомнение доказанность обвинения. В случае, когда прокурор считает возможным применить при производстве по уголовному делу правила главы 17 Уголовно-процессуального кодекса Монголии, он уведомляет об этом обвиняемого, доводит до его сведения предполагаемый вид и размер наказания, который может быть назначен судом по итогам рассмотрения уголовного дела. Кроме того в обязанности прокурора входит составление обвинительного заключения, которое немедленно должно быть передано в суд.

Судебное разбирательство по итогам сокращенной процедуры расследования производится в упрощенном порядке. Участие в судебном заседании прокурора, подсудимого его защитника или законного представителя, а также потерпевшего и его представителя или законного представителя является обязательным. Их отсутствие является основанием для отложения судебного разбирательства (ст. 17.6 Уголовно-процессуального кодекса Монголии). В рамках судебного разбирательства суд обязан удостовериться в соблюдении следующих условий:

- согласен ли подсудимый с предъявленным ему обвинением;
- добровольно ли он признался в совершении преступления;
- подтверждено ли обвинение прокурором;
- есть ли основания для уголовного преследования лица, нет ли оснований для прекращения уголовного дела, освобождения от уголовной ответственности и наказания;
- согласен ли обвиняемый возместить ущерб, причиненный в результате совершения преступления;
- понимает ли подсудимый правовые последствия, совершенного преступления.

В случае несоблюдения названных условий, а также в случае, если подсудимый заявляет, что не согласен с предъявленным обвинением, суд возвращает уголовное дело прокурору.

Если вышеприведенные условия соблюдены, суд назначает наказание с учетом мнения прокурора по этому вопросу, а также с применением правил, установленных статьей 6.7 Уголовного кодекса Монголии (смягчение или освобождение от наказания, либо применение принудительных мер к лицу, признавшему вину). Раскроем содержание этой статьи более подробно (в том числе и в части уголовных дел о преступлениях, по которым не может быть применима процедура сокращенной процедуры расследования и последующего сокращенного судебного разбирательства).

Так, согласно части первой статьи 6.7 Уголовного кодекса Монголии, лицу, признавшему вину в совершении преступления, которая была доказана, суд, учитывая обстоятельства совершения пре-

ступления, признаки вреда или ущерба и личность преступника, может смягчить наказание или освободить от наказания либо применить принудительные меры следующим образом:

- к лицу, совершившему преступление, за которое Особенной частью Уголовного кодекса Монголии установлен максимальный срок лишения свободы не более трех лет, применяются освобождение от наказания, условное осуждение на срок до трех лет либо принудительная мера в виде ограничения прав в случаях, если оно возместило причиненный в результате преступления ущерб или изъявило желание его возместить (пункт 1.1);

- к лицу, совершившему преступление, за которое Особенной частью Уголовного кодекса Монголии установлен максимальный срок лишения свободы не более пяти лет, применяются условное осуждение на срок до пяти лет либо принудительная мера в виде ограничения прав в случаях, если оно возместило причиненный в результате преступления ущерб или изъявило желание его возместить (пункт 1.2);

- лицу, совершившему преступление, за которое Особенной частью Уголовного кодекса Монголии установлен минимальный срок лишения свободы свыше двух лет, а максимальный — не более восьми лет, назначается наказание не более одной второй максимального срока наказания и не менее одной второй минимального срока наказания, предусмотренного соответствующими частями и статьями, в случае, если оно возместило причиненный в результате преступления ущерб (пункт 1.3);¹

- лицу, совершившему преступление, за которое Особенной частью Уголовного кодекса Монголии установлен максимальный срок лишения свободы до двенадцати либо до пятнадцати лет, назначается наказание не более двух третей максимального срока наказания и не менее двух третей минимального срока наказания, предусмотренного соответствующими частями и статьями, в случае, если оно возместило причиненный в результате преступления ущерб (пункт 1.4);

- лицу, совершившему преступление, за которое Особенной частью Уголовного кодекса Монголии установлен максимальный срок лишения свободы до двадцати лет и не установлено пожизненное лишение свободы, назначается наказание не более трех четвертей максимального срока наказания и не менее трех четвертей минимального срока наказания, предусмотренного соответствующими частями и статьями в случае, если оно возместило ущерб, причиненный в результате преступления (пункт 1.5).

Частью второй статьи 6.7 Уголовного кодекса Монголии установлено, что при смягчении наказания или освобождении от наказания члена организованной группы в соответствии с основаниями, указанными в части шестой статьи 3.8 Уголовного кодекса Монголии, суд руководствуется правилами, предусмотренными частью первой рассматриваемой статьи 6.7.

Частью третьей статьи 6.7 Уголовного кодекса Монголии определено, что вопрос о применении лишения свободы на определенный срок к лицу, совершившему преступление, за которое назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы, предусмотренного Уголовным кодексом Монголии, решается судом в случае, если такое лицо признало свою вину.

Важно обратить внимание и на то, что часть 4 анализируемой статьи содержит принципиально важное положение о том, что не применяются правила о смягчении или освобождении от наказания либо применении принудительных мер к лицу, не исполняющему возложенные на него судом обязанности в период применения принудительных мер в виде возложения обязанности или ограничения права без назначения наказания.

Для более полного представления о сокращенных процедурах уголовного судопроизводства в Монголии отметим, что уголовно-процессуальным кодексом (статья 17.5) предусмотрена возможность проведения производства по уголовному делу в максимально сжатый срок - 24 часа. Это возможно в случае расследования таких преступлений как: насилие в семье (статья 11.7), Сексуальное домогательство (статья 12.4) незаконный въезд на охраняемую территорию (статья 13.6), нарушение личной неприкосновенности (статья 13.11) и др. Ключевую роль в расследовании играет прокурор, который определяет имеется ли в действиях лиц состав преступления, первоначально определяет вид и размер уголовного наказания, который целесообразно применить в отношении правонарушителя; знакомит со своим решением потерпевшего и обвиняемого. Суд в течение 72 часов после поступле-

¹В рамках сокращенной процедуры расследования и последующего сокращенного судебного разбирательства применимы только положения, предусмотренные пунктами 1.1-1.3 части 1 статьи 6.7 Уголовного кодекса Монголии.

ния дела рассматривает и разрешает его с участием обвиняемого, потерпевшего,¹ защитника и прокурора. По итогам рассмотрения уголовного дела суд принимает решение в соответствии с действующим законодательством Монголии.

Отметим, что во многом сокращенная процедура судебного разбирательства Монголии (ст. 17.6 Уголовно-процессуального кодекса Монголии) схожа с российским особым порядком принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, а порядок расследования, закрепленный в статьях 17.1-17.5 напоминает сокращенную форму дознания. Однако есть и большое число отличий, на которых в рамках настоящей статьи мы останавливаться не будем (обратим на них внимание в последующих публикациях). Здесь же хотелось бы обратить внимание на ряд заслуживающих внимание положений монгольского законодательства. Речь идет о некоторых условиях сокращенного судебного разбирательства по уголовным делам в Монголии: 1) подтверждено ли обвинение прокурором; 2) есть ли основания для уголовного преследования лица, нет ли оснований для прекращения уголовного дела, освобождения от уголовной ответственности и наказания; 3) согласен ли обвиняемый возместить ущерб, причиненный в результате совершения преступления.

Первое из названных условий, в случае его введения в российское уголовное судопроизводство позволило бы возложить на надзирающего прокурора обязанность более тщательно подходить к изучению обвинительного заключения (обвинительно постановления, обвинительного акта), а значит профилактировать рассмотрение судами уголовных дел в отношении лиц, обвинение в отношении которых сформулировано на основании недостаточно полной («прочной») доказательственной базы, при квалификации их действий допущены ошибки.

Второе из вышеназванных условий, при условии закрепления в российском уголовном процессе, полагаем, способствовало бы более эффективному применению норм, предусматривающих возможность прекращения уголовного дела, освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Третье из названных оснований сокращенного судебного разбирательства, в случае введения в российский уголовный процесс позволило бы оптимизировать защиту прав и законных интересов потерпевших в части возмещения им вреда, причиненного преступлением.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Монголии. URL: <https://legalinfo.mn/en/edtl/16231130682411> (дата обращения: 02 марта 2023).
2. Адъяабазар. Д. Монгол улсын 1921 оноос хойшхи Эрүүгийн хуультогтоомжын хөгжилт. Улаан-Батор хот, 1998 он 145-р тал.
3. Попова Е. И. К вопросу об ускорении судебного разбирательства в уголовном процессе Китая и России // Современное право. 2010. № 12. С. 160–164.
4. Попова Е. И. Поддержание государственного обвинения в особом порядке судебного разбирательства: монография. Москва: Юрлитинформ, 2020. 176 с.

¹При этом суд вправе рассмотреть уголовное дело в отсутствие потерпевшего.

УДК 347.94 (470+510)

**Цепь хранения доказательств в законодательстве РФ и КНР:
сравнительный аспект**

© Яцин Го
магистрант 1-го курса,
Китайский университет политических наук и права
Китай, г. Пекин
18731129996@163.com

Система цепи хранения доказательств требует создания полной системы учета: от сбора доказательств с момента расследования до представления доказательств в суд, а также обязательств соответствующих лиц, имеющих доступ к доказательствам. Эта система важна для регулирования процесса сбора, передачи и хранения доказательств сотрудниками следствия и прокуратуры, помощи судьям в проверке подлинности доказательств и защиты прав подозреваемых. В данной статье анализируются существующие институциональные структуры КНР и РФ с точки зрения сравнительного анализа, указываются недостатки и подход для улучшения работы в обеих странах.

Ключевые слова: цепь хранения, вещественные доказательства, хранение доказательств, уголовное судопроизводство.

**Chain of custody of evidence in the legislation of the Russian Federation and China:
comparative aspect**

© Yaqing Guo
1st year master's student,
China University of Political Science and Law
China, Beijing
18731129996@163.com

The chain of custody requires the establishment of a complete system of records from the collection of evidence from the investigation to the presentation of evidence in court, as well as the obligation of the relevant persons with access to the evidence. This system is important for regulating the collection, transfer and storage of evidence by investigators and prosecutors, assisting judges in verifying the authenticity of evidence, and protecting the rights of suspects. This article analyzes the current framework of the PRC and the Russian Federation from a comparative law perspective, pointing out shortcomings and an approach for improvement in both countries.

Key words: chain of custody, physical evidence, evidence preservation, criminal proceedings.

Система цепи хранения доказательств возникла в американском законодательстве о доказательствах и также известна как "цепь хранения" вещественных доказательств, под которой понимается "основная информация о движении и размещении вещественных доказательств с момента их получения до передачи в суд, а также изменении соответствующих хранителей" [1, с. 261].

Для того, чтобы доказательства, имеющие значение для дела, не пропали зря из-за ненадлежащего хранения, система цепи хранения должна включать: 1) строгие меры по хранению и учет цепи хранения; и 2) обязательство всех хранителей давать показания в суде в качестве свидетелей, когда это требуется.

Нормативная структура цепи хранения доказательств в Китае.

В настоящее время, судя по существующим законам, судебным толкованиям и соответствующим нормативным документам, законодательная форма цепи хранения доказательств в Китае относительно разрознена. Регулирование цепи хранения доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве Китая сосредоточено на стадии сбора вещественных доказательств, в дополнение к усилению методов управления имуществом, участвующим в деле, в нормативных документах органами общественной безопасности, прокуратурами.

Правила в уголовно-процессуальном праве и судебных толкованиях.

В уголовно-процессуальном законе Китая и соответствующих судебных толкованиях установлены следующие правила рассмотрения и оценки вещественных доказательств: во-первых, в правилах исключения незаконных доказательств, если источник и собирания вещественных или документаль-

ных доказательств не соответствует правовым процедурам и может серьезно повлиять на судебное правосудие, они должны быть исправлены или должно быть дано разумное объяснение, в противном случае доказательства должны быть исключены; во-вторых, в процессе расследования, осмотра или обыска, извлечения или изъятия. Если вещественные доказательства или документальные доказательства не сопровождаются протоколом или перечнем, то источник вещественных доказательств или документальных доказательств не может быть доказан, они не могут быть использованы в качестве основы для определения дела; в-третьих, если имеются сомнения относительно производства, времени, места и способа получения доказательств в аудиовизуальной или электронной форме, и необходимые доказательства или разумные объяснения не могут быть представлены, доказательства в аудиовизуальном или электронной форме не могут быть использованы в качестве основы для определения обстоятельств дела; в-четвертых, если электронные доказательства изменены, сфальсифицированы или подлинность не может быть определена, или если имеются добавления, удаления или изменения в электронных доказательствах, они должны быть исключены; в-пятых, если электронные доказательства не переданы в печатанном виде, протокол или перечень не подписаны или не скреплены печатью следователя, держателя электронных доказательств или свидетеля, или если название, тип или формат электронных данных не ясны, они должны быть исправлены в соответствии с правилами дефектных доказательств [2, с. 247].

Все первые три вышеуказанные статьи являются исключительными правилами для процесса собирания вещественных доказательств, в то время как последние две - это специализированные нормы проверки электронных доказательств, которые включают в себя как вопрос происхождения электронных данных, так и подчеркивают их тождество в процессе получения, хранения и передачи. По сравнению с полным контролем регулирования электронных доказательств, уголовно-процессуальное законодательство Китая регулирует другие вещественные доказательства только в части их получения, не распространяясь далее на порядок хранения, передачи и утилизации доказательств после их собирания.

Это вполне объяснимо, поскольку китайская законодательная концепция "содержание превыше процедуры" диктует нам стремление к правде в уголовном процессе, и мы стараемся не принимать жесткие правила исключения доказательств, когда интересы обвиняемого не сильно ущемляются, а пытаемся исправить дефектные доказательства. Причина, по которой китайская система принципа исключения незаконных доказательств, установленная Уголовно-процессуальным законом, устанавливает обязательное правило исключения для получения устных доказательств и дискреционное исключение для получения вещественных доказательств, предоставляя судье свободу доказывания по внутреннему убеждению, заключается в том, что в процессе собирания устных доказательств более очевидно влияние способа получения доказательств следователем, с помощью пыток и других способов незаконного получения устных доказательств, чтобы заставить обвиняемого склониться к признанию. В прошлом было много примеров, когда обвиняемых заставляли делать ложные признания или давать ложные показания, которые в итоге приводили к несправедливым делам, вызывая крайне пагубные социальные последствия. В отличие от этого, вещественные доказательства более стабильны и менее подвержены влиянию способа получения доказательств непосредственно следователями.

Правила хранения имущества, участвующего в деле в нормативных документах.

Правила хранения, передачи и утилизации с вещественными доказательствами уточняются в нормативных документах органов полиции и прокуратуры. В целях осуществления общего углубления реформы в "Мнениях о дальнейшем регулировании распоряжения имуществом, приобщенным к делу, в уголовном процессе" изложены общие положения о распоряжении имуществом, приобщенным к делу, которые были внедрены соответственно в органах общественной безопасности и прокуратуры [3], [4]. Вышеупомянутые правовые документы содержат подробные положения о передаче и получении, хранении, утилизации и контроле за имуществом, связанным с делом. Можно сказать, что, дополненные судебными толкованиями и ведомственными нормативными актами, китайские нормы управления цепью поставок значительно улучшились, представляя оперативное руководство для практики.

Однако вышеуказанные принципиальные положения не гарантируют эффективного регулирования поведения всех лиц, участвующих в доказывании. Это связано с тем, что различные субъекты указанных норм о хранении определяют, что нормы неизбежно имеют различные стандарты при их применении. Кроме того, принципиальные нормы не имеют принудительной силы и не сочетаются с такими криминалистическими процедурами, как правила исключения, поэтому серьезные послед-

ствия ненадлежащего хранения не могут оказать прямого влияния на доказательственную способность или доказательственное значение объекта.

Таким образом, очевидно, что китайское уголовное законодательство устанавливает определенные правила для цепи хранения доказательств, и тенденция к постоянному совершенствованию его системы является примечательной. Однако все же следует признать, что положения уголовного законодательства о системе цепи хранения доказательств касаются в основном собирания вещественных доказательств, то есть в основном сосредоточены на переднем конце цепи хранения, в то время как среднему и завершающему этапу пути, такому как сохранение, передача и транспортировка, уделяется мало внимания. Положения нормативно-правовых документов различных ведомств более конкретны, но мало влияют на приобщение доказательств к уголовному судопроизводству. Важная гарантия системы обеспечения сохранности доказательств, а именно явка соответствующего лица для дачи показаний, не имеет соответствующих законодательных требований, чтобы с уверенностью обеспечить доказательную силу записей, сделанных ответственным лицом. Как представляется, эти недостатки заслуживают большого внимания.

Нормативная структура цепи хранения доказательств в России.

В российском уголовном судопроизводстве правила хранения вещественных доказательств единообразно регламентированы в УПК РФ [9]. Кроме того, более конкретные положения по вопросам, связанным с изъятием, учетом, хранением и передачей вещественных доказательств, дополняются постановлениями правительства, ведомственными нормативными актами государственных органов, таких как Следственный комитет РФ и Федеральная таможенная служба РФ.

Специальные правила хранения вещественных доказательств в УПК РФ.

Статья 82 УПК РФ "Хранение вещественных доказательств" устанавливает подробные нормы хранения вещественных доказательств, классифицируя их в зависимости от условий и места хранения на такие категории, как обычные предметы [5], громоздкие предметы, большие партии товара, скоропортящиеся товары и продукция, хранение которых затруднено или издержки по хранению которых соизмеримы с их стоимостью, предметы, изъятые из незаконного оборота, или предметы, представляющие опасность.

Согласно ч. 3 ст. 81 УПК РФ, понятие сохранения вещественных доказательств включает в себя весь процесс до и после принятия окончательного решения по делу. Поэтому нормы о хранении вещественных доказательств в ст. 82 включают ряд действий: хранение, передача, возврат, реализация, уничтожение и утилизация.

По общему правилу, вещественные доказательства должны храниться вместе с материалами уголовного дела до вступления приговора в законную силу или истечения срока обжалования постановления или определения о прекращении уголовного дела и передачи их вместе с уголовным делом (ст. 82 УПК РФ). Вещественные доказательства в виде предметов, которые в силу громоздкости или иных причин не могут храниться при уголовном деле, в том числе большие партии товаров, которые трудно хранить или издержки по обеспечению специальных условий хранения которых соизмеримы с их стоимостью (п.1 ч.2 ст.82 УПК РФ), хранятся в месте, указанном следователем или дознавателем, где производится их фотографирование, видео- или киносъемка. Скоропортящиеся вещественные доказательства могут быть возвращены, реализованы или уничтожены согласно порядку, установленному законом. В случае предметов, изъятых из незаконного оборота или имеющих опасный характер, отбираются образцы и передаются на утилизацию в установленном законом порядке или уничтожаются по решению суда и т.д.

Некоторые ученые ставят под сомнение объем хранения вещественных доказательств, установленный статьей 82 УПК РФ. С одной стороны, такое положение объединяет собирания, хранение и уничтожение вещественных доказательств, образуя полную цепочку вещественных доказательств от начала и до конца в уголовном процессе, что в определенной степени отражает перспективность; однако, с другой стороны, не является ли необоснованным включение в объем хранения вещественных доказательств таких процедур, как уничтожение и реализация? Причина в том, что система хранения вещественных доказательств изначально была разработана для поддержания тождества вещественных доказательств, чтобы их доказательная способность не пострадала, но последующие нормы, такие как уничтожение и реализация, больше не принадлежат понятию хранения вещественных доказательств. Уничтожение, утилизация и другие действия с вещественными доказательствами приводят к тому, что вещественные доказательства больше не признаны, утрачивают допустимость и относи-

мость, и в этот момент они уже не подпадают под понятие хранения вещественных доказательств, и такие нормы должны быть исключены из статьи 82.

Правила в нормативных правовых актах министерств и ведомств.

Хранение, передача вещественных доказательств также предусмотрены в нормативных правовых актах, постановлениях, инструкциях и приказах министерств и ведомств. Например, Инструкция о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств, ценностей и иного имущества по уголовным делам в Следственном комитете Российской Федерации, Правила хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам [6], приказ ФТС России от 30 декабря 2015 г. N2692 "Об утверждении Инструкции о порядке изъятия, хранения, учета, передачи и уничтожения предметов и документов по уголовным делам, и материалам проверок сообщений о преступлениях в таможенных органах Российской Федерации", содержат подробные дополнения к системе хранения вещественных доказательств в УПК РФ и являются механизмом регулирования и внедрения хранения вещественных доказательств различными ведомственными органами.

Например, подробные правила о хранителях, правилах хранения и доступа к вещественным доказательствам, относящимся к опасным грузам (взрывным или взрывчатым, токсичным грузам), переданным на хранение в воинские части или соответствующие государственные склады [7]. Специальные правила для скоропортящихся вещественных доказательств, требующих особых условий и специальных знаний для их хранения. Например, запрещается упаковка и хранение влажных предметов и предметов с невысохшими следами биологической природы (кровь и т.п.), для предотвращения их порчи и обеспечения возможности дальнейшего исследования предметы перед упаковкой и сдачей на хранение должны быть высушены при комнатной температуре вдали от отопительных приборов в месте, затененном от прямых солнечных лучей [8]. Предметы, требующие определенных навыков обращения, обрабатываются с привлечением соответствующих специалистов. Если для обеспечения сохранности биологических объектов требуются специальные условия, их хранение осуществляется в судебно-экспертных учреждениях.

Форма книги учета вещественных доказательств (приложение 1) [6] также закреплена в этих правовых актах, что дает более четкие и интуитивно понятные указания, как это делать на практике. Например, в случае если в отсутствие ответственного лица или лица, его замещающего, возникла необходимость поместить на хранение либо получить вещественные доказательства, доступ должностных лиц уполномоченного органа в камеру хранения вещественных доказательств (специальное хранилище) осуществляется только в присутствии комиссии, состоящей не менее чем из трех человек, при этом комиссией составляется акт приема-передачи, в котором перечисляются изъятые или помещенные на хранение предметы и указываются основания их изъятия или перемещения. При приеме на хранение (или возврате) вещественных доказательств в камеру хранения вещественных доказательств (специальное хранилище) ответственное лицо оформляет и выдает лицу, представившему вещественные доказательства, квитанцию (расписку) по форме согласно приложению 2 (далее – квитанция (расписка) [6].

Таким образом, в процессе сравнительного анализа видно, что соответствующие положения о хранении вещественных доказательств в Китае и России все еще находятся в составе разных правовых документов, таких как уголовно-процессуальный закон, соответствующие судебные толкования и нормативные документы ведомств. Отсутствие координации между различными ведомствами легко приводит к отсутствию тесной связи между ними на практике, и качество хранения вещественных доказательств варьируется. Более того, по сравнению с российским Уголовно-процессуальным кодексом, китайский Уголовно-процессуальный кодекс имеет тот недостаток, что в нем меньше положений, в основном принципиальных, больше присутствуют те, которые носят общий характер и не способствуют реализации. Отсутствие систематизации привело к тому, что лица, занимающиеся хранением вещественных доказательств в судебной практике Китая, зачастую не имеют правил, которым они могли бы следовать в отношении конкретных оперативных стандартов.

Кроме того, общей проблемой в обеих странах является неспособность хорошо интегрировать цепочку хранения доказательств с формами приобщения вещественных доказательств. Хотя существует требование о проверке на наличие повреждений или изменений в процессе собирания, хранения и идентификации в суде, цепь хранения не может быть удостоверена без присутствия соответствующих лиц, причастных к доказательствам. В отсутствие в обеих странах требования о том, чтобы соответствующий персонал давал показания в суде в случаях, когда цепь хранения вызывает сомнения, цепь хранения не может быть удостоверена, и в конечном итоге цепь хранения не может быть

проверена. Очевидно, что отсутствие поддерживающих правил верности неизбежно ослабит стандартизацию и эффективность системы цепи хранения, что приведет к тому, что на практике цепочкой хранения будут пренебрегать, а выполнение правил цепи хранения будет небрежным.

Приложение 1

Книга учета
Вещественных доказательств, принятых на хранение

Дата приема на хранение имущества	Наименование предметов, вид упаковки, сданной на хранение, и пояснительная надпись на ней (номер уголовного дела, в чем производстве находится)	Фамилия, имя, отчество, должность, лица, сдавшего имущество на хранение	Роспись лица, ответственного за хранение, о приеме имущества	Основание и дата выдачи имущества	Отметка о целостности выдаваемого имущества	Фамилия, имя, отчество, должность лица, получившего имущество	Роспись лица, получившего имущество

Приложение 2

**КВИТАНЦИЯ (РАСПИСКА) и
о приеме вещественных доказательств в камеру хранения
(специальное хранилище), выдаче вещественных доказательств
из камеры хранения (специального хранилища)**

"__" _____ 20__ г.

_____ (место составления)

_____ (должность, специальное звание (классный чин), фамилия, имя, отчество

лица, передавшего вещественные доказательства на хранение в камеру хранения (специальное хранилище), выдавшего вещественные доказательства из камеры хранения (специального хранилища)

_____ (должность, специальное звание (классный чин), фамилия, имя, отчество

лица, принявшего вещественные доказательства на хранение в камеру хранения (специальное хранилище), получившего вещественные доказательства из камеры хранения (специального хранилища)

_____ (дата передачи вещественных доказательств в камеру хранения, из камеры хранения (специального хранилища)

_____ (наименование переданных (выданных) вещественных доказательств)

_____ (при необходимости указать количество, вес, объем вещественных

доказательств, а также сведения об их упаковке)

_____ (номер уголовного дела)

_____ (номер книги учета вещественных доказательств, принятых на хранение или выданных, порядковый номер записи)

Передал

Принял

_____ (подпись, инициалы, фамилия лица, передавшего (выдавшего) вещественные доказательства)

_____ (подпись, инициалы, фамилия лица, принявшего (получившего) вещественные доказательства)

"__" _____ 20__ г.

"__" _____ 20__ г.

Литература

1. Юридический словарь Блэка [М]. Миннесота: Thomson west, 2014.
2. Chen R. H. Закон об уголовных доказательствах (4-е изд.).
3. Положения об управлении причастным к делу имуществом уголовно-процессуальных судов народной прокуратуры (принятые на двадцать девятом заседании двенадцатого инспекционного комитета Верховной народной прокуратуры 19 ноября 2014 года).
4. Некоторые положения об управлении имуществом органов общественной безопасности, находящимся в производстве по делу (изд. Министерством общественной безопасности в 2015 году).
5. К ним относятся, в частности, паспорта, военные билеты, свидетельства о рождении, призывные свидетельства не совершеннолетних арестованных подозреваемых или обвиняемых, а также документы, письма и другие записи, приобщенные к делу в качестве доказательств.
6. Об условиях хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам: постановление Правительства РФ [от 8 мая 2015 г. № 449] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 20. Ст. 2915.
7. Инструкция о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, ценностей и иного имущества органами предварительного следствия, дознания и судами (с изм., внесен. Приказом МВД РФ № 840, Минюста РФ № 320, Минздрава РФ N 388, Минэкономики РФ № 472, ГТК РФ № 726, ФСБ РФ № 530, ФПС РФ N 585 от 9 нояб. 1999 г., Приказом Генпрокуратуры РФ от 7 июня 2006 г. № 26, Приказом Следств. комитета РФ от 30 сент. 2011 г. № 142) // Документ опубликован не был. Официальный сайт справочно-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения: 12 авг. 2023).
8. Инструкция о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств, ценностей и иного имущества по уголовным делам в Следственном комитете Российской Федерации: приказ Следственного комитета Российской Федерации [от 30 сентября 2011 г. № 142] // Документ опубликован не был. Официальный сайт справочно-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения: 12 авг. 2023)
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 18 декабря 2001г. № 174-ФЗ (с изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

УДК: 343.97 (571.54)

Современное состояние и тенденции тяжких преступлений в Республике Бурятия

© **В. И. Амараева**

студент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

valentina.amaraeva@mail.ru

Одно из наиболее приоритетных направлений современной криминологии являются вопросы связанные с региональным изучением преступности. Так, в рамках данного исследования изучено современное состояние и тенденции тяжких преступлений в Республике Бурятия.

В статье рассмотрен уровень преступности за 2018-2022 гг. как в России, так и в Бурятии. Проанализировано количество, зарегистрированных тяжких преступлений. По результатам исследования, выявлены тенденции тяжких преступлений в Республике Бурятия.

Ключевые слова: преступность, тяжкие преступления, Республика Бурятия, тенденции, УК РФ, уровень преступности, региональный аспект.

© **V. I. Amaraeva**

Student,

Banzarov Buryat State University

Russia, Ulan-Ude

valentina.amaraeva@mail.ru

Current state and trends of serious crimes in the Republic of Buryatia

One of the most priority areas of modern criminology are issues related to the regional study of crime. Thus, within the framework of this study, the current state and trends of serious crimes in the Republic of Buryatia have been studied.

The article examines the crime rate for 2018-2022 both in Russia and in Buryatia. The number of registered serious crimes is analyzed. According to the results of the study, the trends of serious crimes in the Republic of Buryatia are revealed.

Keywords: crime, serious crimes, Republic of Buryatia, trends, Criminal Code of the Russian Federation, crime rate, regional aspect.

Проблема преступности в настоящее время является одной из дискуссионных тем. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что на фоне различных социальных, политических, экономических проблем преступность в России обострилась. В рамках данного исследования хотелось бы остановиться именно на региональном аспекте преступности и рассмотреть современное состояние и тенденции тяжких преступлений в Республике Бурятия.

Изучение феномена преступности предполагает применение различных подходов. Одним из значимых подходов является статистический, который выражается в количественной характеристике состояния преступности.

Уровень преступности в России за 2018–2022 гг. представлен в таблице 1.

Таблица 1

Уровень преступности в России за 2018-2022 г.) [3]

Показатель	Количество преступлений, в тыс.					Темп роста, в %			
	2018	2019	2020	2021	2022	2020 к 2019	2021 к 2020	2022 к 2021	2022 к 2018
Всего, зарегистрировано преступлений	1991,5	2024,3	2044,2	2004,4	1966,8	+1	-1,9	-1,9	-0,9

Таким образом, уровень преступности в России за 2018-2022 гг. имеет нестабильную тенденцию. С 2018 по 2020 гг. наблюдался рост количества, зарегистрированных преступлений, с 2020 г. сниже-

ние. Положительным моментом является, что в целом количество зарегистрированных преступлений с 2018 по 2022 г. уменьшилось на 0,9 %.

Что касается структуры преступлений, то за рассматриваемый период большую половину преступлений составляют хищения чужого имущества (в 2018 – 51,7 %, 2019 – 53,5 %, 2020 – 55,3 %, 2021 – 55,3 %, 2022 – 54,6 %), совершенные различными путями.

В соответствии со статьей 15 Уголовного кодекса РФ (далее, УК РФ) [1] в зависимости от характеристики и степени опасности деяния, разделяются на преступления небольшой тяжести, средней, тяжкие и особо тяжкие преступления. В УК РФ содержится 363 состава преступлений различной степени тяжести.

В свою очередь тяжкими преступления являются умышленные деяния, максимальных срок наказания которых составляет не выше 10 лет лишения свободы и неосторожные деяния, где соответственно не превышает 15 лет лишения свободы.

Далее, рассмотрим количество, зарегистрированных тяжких преступлений в России за 2018-2022 гг. (таблица 2).

Таблица 2

Количество, зарегистрированных тяжких преступлений в России за 2018-2022 г.

Показатель	Количество преступлений, в тыс.					Темп роста, в %				
	2018	2019	2020	2021	2022	2020 к 2019	2021 к 2020	2022 к 2021	2022 к 2018	
Количество, зарегистрированных тяжких преступлений	335973	389373	453356	446013	412218	+16,4	-1,6	-7,6	+12,2	

Таким образом, количество тяжких преступлений в России за рассматриваемый период также имеет нестабильную тенденцию. Однако если наблюдать динамику с 2018 по 2022, то количество тяжких преступлений увеличилось на 12,2 %, что является отрицательным моментом. Очень важно отметить, что как правило, раскрываемость тяжких преступлений бывает более высокой. Это результат планомерной деятельности оперативных аппаратов по противодействию совершению неочевидных тяжких и особо тяжких преступлений против жизни. При этом необходимо учитывать следующее обстоятельство, что права и свободы граждан не должны ограничиваться в результате проведения представителями оперативных подразделений различных оперативно-розыскных мероприятий [4, с. 59].

Наибольшее количество тяжких преступлений наблюдается в таких регионах, как: Москва, Московская область, Челябинская область, Новгородской областей, Чеченской Республики и Республики Тыва.

Далее, рассмотрим уровень преступности в Бурятии за 2018-2022 гг. (таблица 3).

Таблица 3

Уровень преступности в Бурятии за 2018-2022 г. [2]

Показатель	Количество преступлений, в тыс.					Темп роста, в %				
	2018	2019	2020	2021	2022	2020 к 2019	2021 к 2020	2022 к 2021	2022 к 2018	
Всего, зарегистрировано преступлений	23511	22131	20639	20770	19955	-6,7	+0,6	-3,9	-8,4	

Таким образом, за 2018-2022 гг. в Бурятии, как и в целом по России можно наблюдать тенденцию снижения количества, зарегистрированных преступлений. Наибольшее снижение уровня преступности отмечено в Баунтовском районе, Джидинском районе, Хоринском и др. Как показывает мировой опыт, и практика на снижение преступности в целом повлияли ряд законодательных изменений в разных странах, в том числе проводимые реформы, связанные с гуманизацией, как отечественного, так и международного законодательства [5, 72].

В 2022 г. в структуре преступности Бурятии наибольший удельный вес составляют преступления против собственности (56 %). Преступления против личности в 2022 г. составили 15,7 % от общего числа преступлений.

Количество тяжких преступлений в 2022 г. составило 4 398, или 18,6 %. Здесь стоит отметить, количество данных преступлений в общей структуре преступности Бурятии имеют стабильную тенденцию к сокращению (2022 к 2021 – 5,5 %, 2021 к 2020 – 4,8 %).

В структуре тяжких преступлений Бурятии, преобладают: убийство или покушение на убийство (105 УК РФ) – 292 преступления (2022 к 2021 + 32,1%), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (111 УК РФ) – 249 преступлений (2022 к 2021 – 15,9 %), в том числе повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ) – 34 преступления (- 26,1 %).

Стоит отметить, преступность присуща любой стране. Однако ее количественные и качественные показатели существенно различаются. В рамках данной статьи также хотелось бы рассмотреть состояние и тенденции преступности некоторых стран АТР.

Преступность в странах дальневосточной правовой системы демонстрирует сравнительно невысокие показатели, относительно романо-германской и англо-саксонской правовой семей. Причем если рассматривать по странам, то в Китае уровень преступности в пять раз ниже по сравнению с Японией. Примерно такая же тенденция наблюдается и в соседней Монголии. Следует заметить, что в приграничном государстве в нулевых годах XXI столетия были приняты ряд законодательных актов, в том числе и новый Уголовный кодекс Монголии, который вобрал в себя как современные тенденции и новые формы проявления преступности, так и сохранил верность историческим традициям раннего монгольского законодательства [6, С. 73].

В общей структуре преступности в странах АТР (Япония, Китай) преобладают корыстные ненасиленные преступления. Доля насильственных преступлений в общей структуре преступности небольшая. Так, например, в большинстве стран АТР коэффициент по убийствам не превышает 2,0-3,0 убийств на 100 тыс. населения. В Китае этот средний показатель варьируется от 2,0 (2010 г.) до 1,1 (2022 г.); в Японии - от 0,5 (2010 г.) до 0,3 (2022 г.).

Таким образом, проведенный анализ позволяет отметить, что несмотря на снижение количества преступлений за анализируемые периоды, уровень преступности на территории Бурятии остается достаточно высоким. Количество тяжких преступлений на территории Республики Бурятия также имеет тенденцию к снижению, однако удельный вес данных преступлений за 2019-2022 гг. остается стабильным.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Основные показатели состояния преступности. URL: <https://epp.genproc.gov.ru> (дата обращения: 01 янв. 2023).
3. Состояние преступности в России. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 01 янв. 2023).
4. Зеленкин Н. Г., Хармаев Ю. В. Защита прав и свобод гражданина при проведении оперативно-розыскных мероприятий // Экономика, политика, право: вчера, сегодня, завтра. Роль профсоюзов. Улан-Удэ: БФ АТИСО, 2016. С. 59–65.
5. Гантулга Н., Хармаев Ю. В. Опыт влияния трудов русских классиков (Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, С. В. Максимов, В. М. Дорошевич и др.) на гуманизацию пенитенциарной политики в государстве // Преступность в России: проблемы реализации закона и правоприменения: сб. науч. тр. / под ред. В. А. Авдеева. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. С. 72–78.
6. Хармаев Ю. В. Особенности института уголовных наказаний в средневековой Монголии // Социология уголовного права и проблемы уголовной ответственности: материалы III Международной научно-практической конференции (18-20 сентября 2014 г.) / под общ. ред. Е. Н. Салыгина, С. А. Маркунцова, Э. Л. Раднаевой. Москва: Юриспруденция, 2015. С. 73–79.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Азатян Лилит Хачиковна**, преподаватель, Российско-Армянский (Славянский) университет, г. Ереван, Армения, vlilit@mail.ru
2. **Алексеевко Юрий Алексеевич**, магистрант, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова», г. Улан-Удэ, yuralex963@mail.ru
3. **Амараева Валентина Игоревна**, студент, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова», г. Улан-Удэ, valentina.amaraeva@mail.ru
4. **Арутюнян Артур Тигранович**, студент 3-го курса, Российско-Армянский (Славянский) университет, Армения, г. Ереван, artur.artmar0@mail.ru
5. **Бадеев Амгалан Ринчин-Баирович**, магистрант 1-го курса, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова», г. Улан-Удэ, badeevamgalan1996@gmail.com
6. **Батоцыренов Бато Баирович**, магистрант 1-го курса, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова», г. Улан-Удэ, bbatotsyrenov@mail.ru
7. **Ван Цзыюэ**, Китайский политико-юридический университет, г. Пекин, Китай, 1005157502@qq.com
8. **Вашагин Вадим Алексеевич**, студент 2-го курса, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова», г. Улан-Удэ, Vadimka02042003@yandex.ru
9. **Вэй Пуцзань**, магистрант Китайского политико-юридического университета, г. Пекин, Китай, weipuzan@foxmail.com
10. **Гершевич Иван Дмитриевич**, магистрант 2-го курса, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова», г. Улан-Удэ, gershevich28@icloud.com
11. **Гребенщикова Елена Петровна**, студентка 2-го курса Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, г. Улан-Удэ, greben-14@mail.ru
12. **Громыко Алина Юрьевна**, студентка 3-го курса, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь, gromykolina@gmail.com
13. **Гу Яньжу**, студентка 3-го курса, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, г. Новосибирск, 1846555913@qq.com
14. **Gantumur G.**, Lecturer of Otgontenger University, Doctor of Laws /Ph.D./, Professor, Mongolia, Ulaanbaatar
15. **Долматова Ирина Валериевна**, магистрант 1-го курса, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова», г. Улан-Удэ, dolmatova.1r@yandex.ru
16. **Дармаев Арнольд Леонидович**, магистрант 1-го курса, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова», г. Улан-Удэ, ar_ar_darmaev@bk.ru
17. **Дондупова Сэсэгма Андреевна**, студентка 3-го курса, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова», г. Улан-Удэ, dondupovasa@mail.ru
18. **Дорж Энхтур**, директор Института по исследованию криминологии и полиции Объединенного научно-исследовательского института Университета внутренних дел Монголии, кандидат юридических наук, капитан полиции, Монголия, г. Улан-Батор, d.enkhtur@yandex.ru
19. **Дун Цзыхэ**, магистрант 1-го курса Китайского университета политических наук и права, Китай, г. Пекин, 1134277297@qq.com
20. **Erdenebolor S.**, Lecturer of Otgontenger University, Head of Public Law Department, doctorates, Mongolia, Ulaanbaatar
21. **Жапова Инна Владиславовна**, студентка 3-го курса, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова», г. Улан-Удэ, innaznpv@mail.ru
22. **Зайцева Анастасия Андреевна**, магистрант 1-го курса, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова», г. Улан-Удэ, zaytseva.st@bk.ru
23. **Захаренкова Вера Вячеславовна**, ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, zakharenkovavera@mail.ru
24. **Ибрагимова Дания Рифкатовна**, студентка 3-го курса, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов, labatr@mail.ru
25. **Лаптева Юлия Сергеевна**, студентка 3-го курса, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов, yulia.lariery@mail.ru

26. **Латыпова Кристина Сергеевна**, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова», г. Улан-Удэ, krista.100@mail.ru
27. **Литичевский Борис Владимирович**, студент 2-го курса, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург, liti.boris@gmail.com
28. **Лу Чжаоюй**, студент 2-го курса, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова», г. Улан-Удэ, 3129633793@qq.com
29. **Nyamdorj D.**, Ph. D of Law, Police Lieutenant Colonel, Researcher, Institute of Criminology and Police research, University of Internal Affairs, Mongolia, Ulaanbaatar, labatr@mail.ru
30. **Пешков Никита Андреевич**, магистрант 2-го курса, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ, nikitapeskov76@gmail.com
31. **Поломошнова Елена Александровна**, магистрант 1-го курса, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова», г. Улан-Удэ, elenapolomoshnova@mail.ru
32. **Попова Елена Ильинична**, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова», доктор юридических наук, доцент, г. Улан-Удэ, porovaelena03@yandex.ru
33. **Разумов Сергей Алексеевич**, магистрант 2-го года обучения группы ЮР(ч)м-21 ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, razumovsergei99@mail.ru
34. **Ратничихина Татьяна Юрьевна**, студентка 1-го курса, Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, ratnichikhina2004@gmail.com
35. **Ри Кирилл Витальевич**, студент ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова», г. Улан-Удэ, kirill.ree.99@gmail.com
36. **Сандакова Арюна Баировна**, старший преподаватель кафедры «Уголовно-правовые дисциплины», Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ, sanaryuna@yandex.ru
37. **Сизова Виктория Николаевна**, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский центр Академии управления МВД России, г. Москва, svnn@inbox.ru
38. **Суван-оол Алина Валерьевна**, магистрант 2-го курса, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова», г. Улан-Удэ, alinasuvanool99@mail.ru
39. **Трофимова Инесса Борисовна**, старший преподаватель каф. ТиИГиП, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет», г. Красноярск, Trofimovas832@gmail.com
40. **Трофимова Светлана Алексеевна**, кандидат философских наук, доцент кафедры теории государства и права, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет», Россия, г. Красноярск, trofimovas832@gmail.com
41. **Цариков Александр Сергеевич**, студент 1-го курса, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет», г. Красноярск, tsarikov042007@bk.ru
42. **Цыбенов Мэргэн Ринчинович**, магистрант 1-го курса, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова», г. Улан-Удэ, mergentsyb99@mail.ru
43. **Цырендашиева Виктория Цыбиковна**, магистрант 1-го курса, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова», г. Улан-Удэ, vikitsy@mail.ru
44. **Чич Аскер Сагидович**, аспирант кафедры уголовного процесса, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Москва, asker-chich@mail.ru
45. **Чжан И**, магистрант 2-го курса Китайского университета политических наук и права, г. Пекин, Китай, helloimzhangyi@foxmail.com
46. **Чумакова Лидия Петровна**, директор, Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Новосибирск, info@n-i-i.ru
47. **Щепина Анастасия Юрьевна**, студент 2-го курса, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова», г. Улан-Удэ, cot3340@gmail.com
48. **Юань И**, профессор, Китайский университет политических наук и права, г. Пекин, Китай, 1129290@sina.com
49. **Янцин Го**, магистрант 1-го курса, Китайский университет политехнических наук и права, г. Пекин, Китай, 18731129996@163.com

INFORMATION ABOUT AUTHORS

1. **Azatyán Lilit Khachikovna**, teacher, Russian-Armenian (Slavic) University, Yerevan, Armenia, vlilit@mail.ru
2. **Alekseenko Yuri Alekseevich**, master's student, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, yuralex963@mail.ru
3. **Amaraeva Valentina Igorevna**, Student, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, valentina.amaraeva@mail.ru
4. **Harutyunyan Artur Tigranovich**, 3rd year student, Russian-Armenian (Slavic) University, Armenia, Yerevan, artur.artmar0@mail.ru
5. **Badeev Amgalan Rinchin-Bairovich**, 1st year master's student, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, badeevamgalan1996@gmail.com
6. **Batotsyrenov Bato Bairovich**, 1st year master's student, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, bbatotsyrenov@mail.ru
7. **Wang Ziyue**, China University of Politics and Law, Beijing, China, 1005157502@qq.com
8. **Vadim Alekseevich Vashin**, 2nd year student, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Vadimka02042003@yandex.ru
9. **Wei Puzan**, master's student at China University of Politics and Law, China, Beijing, weipuzan@foxmail.com
10. **Gershevich Ivan Dmitrievich**, 2nd year master's student, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, gershevich28@icloud.com
11. **Elena Petrovna Grebenshchikova**, 2nd year student, East Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, greben-14@mail.ru
12. **Gromyko Alina Yuryevna**, 3rd year student, Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, gromykolina@gmail.com
13. **Gu Yanzhu**, 3rd year student, Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, 1846555913@qq.com
14. **Gantumur G.**, Lecturer of Olgontenger University, Doctor of Laws/Ph.D./, Professor, Mongolia, Ulaanbaatar
15. **Dolmatova Irina Valerievna**, 1st year master's student, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, dolmatova.1r@yandex.ru
16. **Darmaev Arnold Leonidovich**, 1st year master's student, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, ar_ar_darmaev@bk.ru
17. **Dondupova Sesegma Andreevna**, 3rd year student, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, dondupovasa@mail.ru
18. **Dorj Enkhtur**, Director of the Institute for the Study of Criminology and Police of the Joint Research Institute of the University of Internal Affairs of Mongolia, Candidate of Legal Sciences, Police Captain, Mongolia, Ulaanbaatar, labatr@mail.ru
19. **Dong Zihe**, 1st year master's student, China University of Political Science and Law, China, Beijing, 1134277297@qq.com
20. **Erdenebolor S.**, Lecturer of Olgontenger University, Head of Public Law Department, doctorates, Mongolia, Ulaanbaatar
21. **Zhapova Inna Vladislavovna**, 3rd year student, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, in-naznpv@mail.ru
22. **Zaitseva Anastasia Andreevna**, 1st year master's student, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, zaitseva.st@bk.ru
23. **Zakharenkova Vera Vyacheslavovna**, assistant of the department of criminal procedure and criminology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, zakharenkovavera@mail.ru
24. **Ibragimova Daniya Rifkatovna**, 3rd year student, Saratov State Academy of Law, Saratov, labatr@mail.ru
25. **Lapteva Yulia Sergeevna**, 3rd year student, Saratov State Law Academy, Saratov, yulia.lariery@mail.ru
26. **Latypova Kristina Sergeevna**, candidate of legal sciences, associate professor of the department of criminal law, process and criminology, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, krista.100@mail.ru

27. **Litichevsky Boris Vladimirovich**, 2nd year student, North-Western branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, liti.boris@gmail.com
28. **Lu Zhaoyu**, 2nd year student, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, 3129633793@qq.com
29. **Nyamdorj D.**, Ph. D of Law, Police Lieutenant Colonel, Researcher, Institute of Criminology and Police research, University of Internal Affairs, Mongolia, Ulaanbaatar, labatr@mail.ru
30. **Peshkov Nikita Andreevich**, 2nd year master's student, East Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, nikitapeskov76@gmail.com
31. **Polomoshnova Elena Aleksandrovna**, 1st year master's student, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, elenapolomoshnova@mail.ru
32. **Popova Elena Ilyinichna**, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Banzarov Buryat State University, Doctor of Law, Associate Professor, Ulan-Ude, popovaelena03@yandex.ru
33. **Razumov Sergey Alekseevich**, master's student of the 2nd year of study group
34. **Ratnichikhina Tatyana Yuryevna**, 1st year student, Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, ratnichikhina2004@gmail.com
35. **Ri Kirill Vitalievich**, student of the Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, kirill.ree.99@gmail.com
36. **Sandakova Aryuna Bairovna**, senior lecturer of the department of "Criminal Legal Disciplines", East Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, sanaryuna@yandex.ru
37. **Sizova Victoria Nikolaevna**, leading researcher, Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Moscow, svnn@inbox.ru
38. **Suvan-ool Alina Valerievna**, 2nd year master's student, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, alinasuvanool99@mail.ru
39. **Trofimova Inessa Borisovna**, senior teacher of the department. TiIGiP, Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Trofimovas832@gmail.com
40. **Trofimova Svetlana Alekseevna**, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, Krasnoyarsk State Agrarian University, Russia, Krasnoyarsk, trofimovas832@gmail.com
41. **Tsarikov Alexander Sergeevich**, 1st year student, Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, tsarikov042007@bk.ru
42. **Tsybenov Mergen Rinchinovich**, 1st year master's student, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, mergentsyb99@mail.ru
43. **Tsyrendashieva Victoria Tsybikovna**, 1st year master's student, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, vikitsy@mail.ru
44. **Chich Asker Sagidovich**, graduate student of the Department of Criminal Procedure, Russian State University of Justice, Moscow, asker-chich@mail.ru
45. **Zhang Yi**, 2nd year master's student, China University of Political Science and Law, China, Beijing, helloimzhangyi@foxmail.com
46. **Chumakova Lidiya Petrovna**, Director, Novosibirsk Law Institute (branch) of the National Research Tomsk State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Novosibirsk, info@n-l-i.ru
47. **Shchepina Anastasia Yuryevna**, 2nd year student, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, cot3340@gmail.com
48. **Yuan Yi**, Professor, China University of Political Science and Law, China, Beijing, 1129290@sina.com
49. **Yanqing Guo**, 1st year master's student, China University of Polytechnic Science and Law, China, Beijing, 18731129996@163.com

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ СТРАН АТР: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	
<i>Поломошнова Е. А.</i> Правовой статус криптовалюты: Россия и государства АТР.....	8
<i>Ратничихина Т. Ю., Трофимова С. А.</i> Некоторые аспекты конституционных поправок 2020 года....	11
<i>Цариков А. С., Трофимова И. Б.</i> Уполномоченный по правам человека. Защита прав человека и коренных народов в России, а также в странах АТР.....	14
<i>Цыбенков М. Р.</i> Проблемы реализации прокурором права законодательной инициативы в России, США и КНР.....	17
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
<i>Литичевский Б. В.</i> Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности и его применение в России и Японии.....	21
<i>Нямдорж Д.</i> Явган зорчигчийн замыг халтиргаанаас хамгаалах зориулсан эко бэлдэц.....	25
<i>Ри К. В.</i> Роль Интерпола в оказании помощи по уголовным делам о похищении детей.....	28
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АТР	
<i>Ван Цзыюэ.</i> К вопросу о ChatGPT и защите авторских прав в Китае и России.....	31
<i>Вашагин В. А.</i> Сравнительно-правовой анализ институтов находки и клада по гражданскому законодательству Китайской Народной Республики и Российской Федерации.....	36
<i>Вэй Пуцзань.</i> Пути совершенствования законодательства Китая: с учетом опыта приобретательной давности России.....	40
<i>Гу Яньжу.</i> Внедоговорные обязательства по законодательству РФ и КНР: сравнительно-правовое исследование.....	44
<i>Долматова И. В., Зайцева А. А.</i> Продолжительность рабочего времени в России и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: сравнительно-правовой анализ.....	47
<i>Дондупова С. А.</i> Сравнительно-правовой анализ примирительных процедур в России и отдельных странах АТР.....	51
<i>Жапова И. В.</i> Особенности брачно-семейных отношений в Японии.....	55
<i>Разумов С. А.</i> Предупреждение злоупотреблений процессуальными правами в гражданском процессе: сравнительно-правовой аспект.....	58
<i>Цырендашиева В. Ц.</i> Особенности правового регулирования дистанционного труда работников в странах АТР.....	62
<i>Щетина А. Ю.</i> Сравнительно-правовой анализ института защиты частной жизни России и Китая.....	65

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АТР

<i>Gantumur G., Erdenebolor S.</i> Legal regulation and practice of domestic violence in Mongolia.....	69
<i>Гершевич И. Д.</i> Особенности мошенничества в сфере страхования.....	79
<i>Лу Чжаоюй.</i> Порядок применения смертной казни в законодательстве КНР.....	83
<i>Пешков Н. А.</i> Уголовная ответственность за превышение должностных полномочий в некоторых странах Азиатско-Тихоокеанского региона.....	87
<i>Сизова В. Н.</i> Элементы системы российского уголовного законодательства.....	90
<i>Суван-оол А. В.</i> Противодействие криминальной субкультуре: сравнительно-правовой анализ механизмов в РФ и КНР.....	93

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ. ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ В СТРАНАХ АТР

<i>Арутюнян А. Т., Азатян Л. Х.</i> Проблемы противодействия незаконному обороту наркотиков..	96
<i>Бадеев А. Р-Б., Батоцыренов Б. Б., Дармаев А. Л.</i> Реабилитация в уголовном процессе некоторых стран АТР: сравнительный анализ.....	101
<i>Гребенщикова Е. П.</i> Заключение под стражу в России и некоторых странах АТР.....	105
<i>Громько А. Ю.</i> Сравнительно-правовой анализ назначения и проведения судебно-медицинской экспертизы физических лиц в Республике Беларусь и Российской Федерации...	108
<i>Дорж Энхтур.</i> Современное состояние легализации (отмывания) денежных средств в Монголии	116
<i>Дун Цзыхэ, Юань И.</i> Сравнительный анализ электронных доказательств между Россией и Китаем...	122
<i>Захаренкова В. В.</i> Правила онлайн-судебного разбирательства в Народном суде КНР.....	128
<i>Лантева Ю. С., Ибрагимова Д. Р.</i> Сравнительный анализ методики проведения осмотра места происшествия в Российской Федерации и Китайской Народной Республике.....	130
<i>Латыпова К. С., Алексеенко Ю. А.</i> Особенности прокурорского надзора в России и Китае.....	133
<i>Чич А. С.</i> Процессуальный порядок обжалования и проверки судом апелляционной, кассационной инстанций решений, вынесенных в особом порядке судебного разбирательства в России и Китае.....	136
<i>Чжан И., Юань И.</i> Предпосылка аргументации в судебных документах.....	142
<i>Чумакова Л. П., Попова Е. И., Сандакова А. Б.</i> Сокращенные формы уголовного судопроизводства Монголии.....	144
<i>Янцин Го.</i> Цепь хранения доказательств в законодательстве РФ и КНР: сравнительный аспект...	148
<i>Амараева В. И.</i> Современное состояние и тенденции тяжких преступлений в Республике Бурятия.....	154
Сведения об авторах.....	157

Научное издание

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ
В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА – XIV

*Материалы ежегодной международной молодежной
научно-практической конференции
(смешанный формат)*

(Улан-Удэ, 14 апреля 2023 г.)

Редактор
А. М. Бянкина

Компьютерная верстка
Т. И. Гармаевой

Свидетельство государственной регистрации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 10.10.23. Формат 60x84 1/8.
Уч.-изд. л. 15,06. Усл. печ. л. 19,07. Тираж 100. Заказ 97.
Цена свободная

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
rio@bsu.ru

Отпечатано в типографии
Издательства Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а